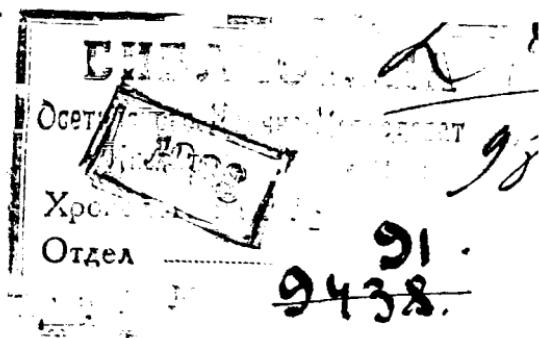

КАВКАЗСКІЙ ПУТЕВОЙ ДНЕВНИКЪ.

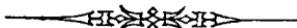

*«Создана на средства гранта
Президента Российской Федерации
для поддержки творческих проектов
общенационального значения в области
культуры и искусства»*

КАВКАЗСКИЙ
ПУТЕВОЙ ДНЕВНИКЪ

И.Н. В. Мещерского.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Г. Е. Благосвѣтлова, Надеждин. ул., д. № 39.
1878.

Понедѣльникъ, 3 октября, Рязанская же-
лѣзная дорога.

Сегодня, въ $4\frac{1}{2}$ часа, двинулся съ Божію по-
мощью въ далекій путь, на Кавказъ. Управлениe
дороги было на-столько обязательно, что, снесвшись
съ четырьмя правленіями, дало мнѣ багажный ва-
гонъ прямаго сообщенія до Владикавказа. Въ
этомъ вагонѣ помѣстили порученныя мнѣ посылки
въ Дѣйствующую Армію. Посвятилъ конецъ дня
на приведеніе въ порядокъ впечатлѣній и воспо-
минаній. Въ Москву засидѣлся дольше, чѣмъ пред-
полагалъ. Закупки, счеты и расчеты, требовавшіе
полнаго вниманія, задержали. Нашелъ Москву
раздѣленною, какъ и Петербургъ, на два духов-
ные міра: міръ унылыхъ и міръ вѣрующихъ и на-
дѣюющихся. Извѣстная частица московскаго high-

life, подражая по обычаю петербургскому, находить, что больше намъ нечего желать, какъ мира, благосклонно октроированаго намъ Турциею! Для нихъ „Московскія Вѣдомости“ и Славянскій Комитетъ съ Аксаковымъ представляются врагами сильнѣе и опаснѣе, чѣмъ Турки. Эти барыни и ихъ кавалеры молятся Богу по-французски и просятъ его объ одной лишь побѣдѣ Русскихъ — не для торжества дѣла, а для пріобрѣтенія возможности заключить миръ. Имъ не только дѣла нѣть до цѣли драмы, до ея характера, до ея исторического смысла для Россіи; имъ даже нѣть дѣла до той иправды, которая свидѣтельствуетъ, что мы никакого пораженія постыднаго не потерпѣли въ этой войнѣ, и что неудавшіяся атаки не могутъ быть названы пораженіями. Нѣть дѣла и до того, сколько разъ наши войска покрылись славою. Нѣть, имъ скорѣе нуженъ миръ, чтобы безъ малѣйшей *fausse honte* предаваться тѣмъ пустякамъ, которые составляютъ сущность великосвѣтской жизни. Весь этотъ міръ неизбѣжнаго лишенія себя прихотей, серьзныхъ заботъ, чисто-духовныхъ интересовъ и всякихъ жертвъ, все это имъ скучно и слишкомъ для нихъ аномально. Когда имъ говоришь: *mesdames et messieurs*, вы правы, время тяжелое, миръ лучше войны, но можете-ли вы

намъ обѣщать, что когда наступить вами столь легкомысленно желаемыи миръ, вы намъ дадите для души отрадное и облагораживающе зрелище людей, всецѣло преданныхъ духовнымъ нуждамъ своего государства и народа,—они затыкаютъ се-бѣ уши и говорятъ вамъ: какіе тамъ духовные интересы, какое тамъ государство, какой тамъ на-родъ; мы хотимъ мира для себя; курсъ до того упалъ, что нельзя ни ѿхать за-границу, ни выпи-сывать изъ Парижа и Лондона платья и вещи! Та-кова приблизительно среда, желающая мира во чѣ-бы ни стало. Ей ненавистны не только Аксаковъ и Катковъ, но ненавистенъ Гладстонъ, за то, что протестуетъ за честныхъ людей Англіи и говоритъ за Славянъ, и противъ Турціи; ей не-навистна самая мысль, что Россія не есть просто какои-нибудь Невскій проспектъ или Кузнецкій мостъ, а нечто болѣе сложное и серіозное, съ ка-кою-то народностью, съ какою-то исторіей, съ какими-то тенденціями и съ какимъ-то русскимъ элементомъ...

Невольно я подумалъ, что стало-бы съ бѣдною Россіей, если-бѣ она должна была плясать по дуд-кѣ такого именно русского высшаго общества. Но, къ счастью, въ этомъ высшемъ обществѣ, и въ Пе-тербургѣ, и въ Москвѣ есть и другая его часть—

часть большая которая, благодаря Бога, представляеть собою отрадное зрелище *русскихъ*, въ полномъ смыслѣ этого слова, женщинъ, понявшихъ высокое призваніе своего времени и своего народа, и ставшихъ примѣромъ, то-есть дѣломъ, на высотѣ своего высокаго положенія. Говорятъ, что въ наши дни неѣть чудесъ. Да какое-же чудо можетъ бытъ поразительнѣе тѣхъ періодически повторяющихся въ Россіи событій, которыя направляютъ ея судьбы по волѣ и духу народа, и проявляютъ торжество того духовнаго міра людей, который вѣрить въ Бога и молится Ему, вѣрить въ свой народъ и любить его, являетъ подвиги самопожертвованія и исполненія долга во имя тѣхъ идеаловъ, которые въ нормальное время кажутся высшему обществу и ея интеллигенціи смѣшными и глупыми!..

Сегодня мы переживаемъ одно изъ такихъ событій. Космополиты русскаго большого свѣта изъ себя лѣзутъ, чтобы захватить политическія событія въ свои бѣленькия ручки, а между тѣмъ незамѣтно и непонятно какъ, черныя ручищи смиреннаго, тихаго, кроткаго, но глубоко вѣрующаго народа двигаютъ событія, безъ криковъ и шума, въ полномъ объединеніи съ другою частью высшаго общества. Великое таинство народа, совер-

шающаго свое историческое призвание, ощущается въ воздухѣ, но исправники и становые весьма озадачены, ибо не могутъ ни внести оное въ официальные рамки, ни выразить цифрами и именами.

Я гляжу изъ окна вагона. Массы народа на каждой станціи входятъ въ вагоны и выходятъ изъ вагоновъ. Все это именно народъ. Я прислушиваюсь къ ихъ разговору. Кто бранится, кто остритъ насчетъ своего сосѣда, кто ищетъ топоръ или пилу, или сумку, кто сапоги подбираеть на плечи, кто ищетъ воды, чтобы напиться... Я немедленно представляю себя петербургскимъ велико-свѣтскимъ чиновникомъ.

— Подлецы, говорю я.

— Кого это вы изволите бранить? спрашиваетъ меня кто-то.

— Да этихъ славянофиловъ.

— За что-же?

— Какъ за что? Вы видите, вы слышите, вотъ онъ народъ, хоть-бы одинъ о войнѣ заговорилъ, хоть-бы одинъ, а увѣряютъ, что народъ хотѣлъ войны.

Я подозвалъ одного крестьянина къ вагону.

— Поди-ка сюда.

— Чего изволите?

- Ты Османъ-нашу знаешь?
- Это Турку-то?
- Да, гдѣ онъ находится, знаешь-ли ты?
- А кто его знаетъ, ваше высокоблагородіе, ихъ тоже, какъ слыхать, много.
- А Оттоманскую Порту знаешь?
- Что-то не слыхалъ.
- Ну, а про братьевъ-Болгаръ слыхалъ?
- Это про нашихъ-то?
- Какие наши, про Болгаръ, про Славянъ?
- Это должно быть про тѣхъ самыхъ, что Турки рѣжутъ?

Сатанинская улыбка пробѣжала по моимъ губамъ.

— Видите, ничего вѣдь этотъ народъ точно и опредѣленно не знаетъ, сказалъ я,—а изъ-за нихъ изволь-ка платить проценты изъ своего жалованья, да еще съ полтинникомъ въ карманѣ вмѣсто рубля сидѣть.

Вторникъ, вечеръ, между Воронежемъ
и Ростовомъ, 4 октября.

Длинная линія, идущая почти по прямому направлению изъ Москвы до Владикавказа, весьма наглядно измѣняетъ свой характеръ по мѣрѣ приближенія къ югу. Отъ Москвы до Рязани линія желѣзной дороги представляетъ собою богатѣйшую жизненную артерію, гдѣ ни на минуту въ течение года не притихаетъ движеніе. Отъ Рязани до Воронежа разомъ эта артерія блѣдиеться и слабѣеть. Вмѣсто 120—150 тысячъ пассажировъ въ мѣсяцъ, перевозимыхъ по Рязанской дорогѣ, тахіоніум доходитъ до 30—40 тысячъ. Затѣмъ, отъ Воронежа къ Ростову еще яснѣѣ бросается въ глаза уменьшеніе пассажирскаго движенія. Сообраз-

но съ этимъ и дороги устроены. На Рязанской дорогѣ все въ отличномъ состояніи—и рельсовый путь, и надзоръ, и подвижной составъ, и пассажирское движение поѣздовъ; на линіи Козлово-Воронежской вы начинаете уже замѣтать, на сколько путь хуже и перевозочные средства слабѣе, чѣмъ на Рязанской дорогѣ, а уже отъ Воронежа до Ростова вы чувствуете подъ собой шаткую почву пути, на которомъ такъ себѣ, безъ всякой особенной понудительной причины, поѣздъ можетъ опрокинуться или соскочить съ рельсовъ. Пассажирскаго движенія такъ мало, что смѣши. За то товарное съ каждымъ днемъ усиливается, благодаря громадности нуждъ на Кавказѣ и быту товаровъ съ Нижегородской ярмарки на югъ. Но, увы! на каждой станціи вы видите, что подвижного состава на перевозку этихъ крайне нужныхъ и крайне многихъ товаровъ недостаетъ. На платформахъ свалены громадные склады товаровъ и хлѣба: одна часть подъ навѣсомъ, другая подъ брезентами, третья подъ небесами. На Московской станціи Рязанской дороги я имѣлъ случай убѣдиться, какъ велико движение товаровъ и транспортовъ на Кавказъ. Однихъ полушубковъ для арміи отправляется до 5,000 пудовъ. Судя по времени отправленія, можно догадываться, что Кав-

казское интенданство на зимнюю кампанію не
разсчитывало.

— Когда дойдутъ эти полушибки? спросилъ я
у одного изъ приказчиковъ.

— А кто ихъ знаетъ; полагать надо, такъ че-
резъ мѣсяцъ.

Отиравлялъ эти полушибки подрядчикъ, знаме-
нитый г. Малкель. Я говорю знаменитый, ибо
кто не знаетъ въ Москвѣ этого подрядчика и по-
ставщика Монте-Кристо, у котораго строятся двор-
цы въ Москвѣ, какъ у Филиппова пекутся калачи,
и который теперь, кромѣ того, пріобрѣтаетъ славу
могущественнаго благотворителя и жертвователя.

Кстати обѣ интенданствѣ. Мне припомнился
прошлогодній осенний эпизодъ изъ жизни москов-
скихъ интенданскихъ чиновниковъ, исторически
вѣрный.

— Хорошо, кабы война была, сказалъ одинъ.

— А на что вамъ такъ хочется? спросилъ его
знакомый господинъ.

— Какъ на что? Спустить надо цѣлую партію
мундировъ.

— Зачѣмъ-же спустить?

— А за тѣмъ, что какъ война, такъ все схо-
дить, а въ мирное время такой партіи не спу-
стить.

— А что, дурна, что-ли?

— Залежалась...

Чиновникъ улыбнулся.

И не одну, вѣрно, рублевую свѣчку ставилъ онъ иконамъ, моля о войнѣ.

Среда, вечеръ, между Ростовомъ и Владикавказомъ.

Проѣхалъ черезъ Ростовъ-на-Дону въ четвертомъ часу дня. Съ утра глядѣлъ чрезъ открытыя окна, при теплой погодѣ и яркомъ солнцѣ, на свѣтленькіе и тихіе пейзажи донскихъ селеній и станицъ съ ихъ оригинальными ярко-желтыми домиками, амфитеатрами и въ поэтическомъ беспорядкѣ разбросанными по горамъ. Народу много, мужчинъ молодыхъ и зрѣлыхъ мало что-то видно.

— Много воевать пошли? спросилъ я у одного старого казака.

— Много, отвѣтилъ онъ.

— А казачьки небойсь скучаютъ? сказалъ я, глядя на двухъ молодыхъ казачекъ, стоявшихъ, облокотившись на перила балкона.

— А пускай скучаютъ: казаку воевать, а жин-
кѣ скучать, отвѣтиль, ухмыляясь, казакъ.—Скажи
только Царь, всѣ казаки пошли-бы на войну, ни
одинъ-бы не остался. Турка казака боится, при-
бавиль не безъ самодовольствія старики.

Послѣ этого простого и поэтическаго въ своей
простотѣ вида казацкихъ станицъ, Ростовъ по-
давляетъ васъ своею громаднотью. Громадный
вокзалъ, напоминающій германскіе, со швейцаромъ,
кричащимъ точь-въ-точь такъ, какъ кличетъ къ
поѣзду пассажировъ *der Postier* Кельнскаго вок-
зала. Всюду встрѣча съ суетой и коммерческими
типами, говоръ на разныхъ языкахъ, приливъ и
отливъ самой разнообразной публики—все это васъ
сразу, послѣ тихаго приволья донскихъ станицъ,
ашеломляетъ: вы не знаете, гдѣ вы, въ Россіи или
въ Европѣ, и когда, послѣ остановки въ вокзалѣ,
проѣзжая черезъ широкій Донъ, вы видите предъ
собою на громадномъ пространствѣ раскинутый
городъ, вы просто поражаетесь его величествен-
ностью; но минутъ двадцать спустя, посреди де-
ревушекъ, раскинутыхъ по безконечнымъ степямъ,
картина Ростова остается въ памяти, какъ чудес-
ное видѣніе сна или декорація въ театрѣ, и вы
снова погружаетесь въ первобытную простоту юж-
ной деревни.

Странно, чѣмъ дальше отъ Москвы, чѣмъ ближе къ Кавказу, тѣмъ все менѣе знаютъ о событіяхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Нашъ поѣздъ приноситъ газеты, а съ ними извѣстія. Бросаются на эти газеты на расхватъ, а своего ничего не имѣютъ.

Владикавказъ. 6 октября, вечеръ.

Въ шесть часовъ вечера пріѣхалъ въ Владикавказъ. Долго, подъѣзжая къ нему, я все задавалъ себѣ вопросъ, глядя на окружающія нась поля и равнины; да гдѣ-же Кавказъ? Только утромъ, за нѣсколько верстъ до станціи Минеральныхъ Водъ, показались горы; потомъ онѣ сноva исчезли, и уже за четыре часа до Владикавказа по правую сторону неразлучнымъ нашимъ спутникомъ сталъ величественный Казбекъ. Владикавказскій дебаркадеръ поразилъ меня своими маленькими размѣрами, точно маленькая станція на одной пзъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, а между тѣмъ черезъ эту станцію направляются сотни тысячъ пудовъ груза и десятки тысячъ войска. На мой вопросъ, какъ объяснить эту странность, мнѣ

отвѣтили, что станція осталась, какъ была прежде, до войны, а что теперь строятъ новые навѣсы, которые къ зимѣ будуть готовы... Какая перво-бытная наивность и простота! Сотни тысячъ пудовъ лежать и лежали въ полѣ подъ открытымъ небомъ, и вѣдь сотни тысячъ пудовъ пороха, патроновъ, зарядовъ, не говоря уже о купеческихъ грузахъ, и все это потому, что не предвидѣлась война, а къ зимѣ, когда уже транспортировка прекратится, тогда выстроятся навѣсы и сараи...

Владикавказъ лежитъ у подошвы горъ, въ большої равнинѣ. Раскинутъ онъ по двумъ сторонамъ страшно шумливаго Терека. Улицы широки, шосированы, посреди улицъ бульвары, дома новой отдельки, много зелени, а климатъ мягкий и теплый, несмотря на дожди. Когда-то Владикавказъ былъ маленькимъ городкомъ, когда-то, то-есть лѣтъ пятнадцать назадъ. Превратилъ-же его въ красивый и большой городъ бывшій здѣсь долгое время начальникомъ Терской области нынѣшній герой войны, генералъ Лорисъ-Меликовъ. Изъ мѣста, гдѣ не только не было проѣзда, но гдѣ опасно было ходить по близости къ осетинскимъ ауламъ хищниковъ, Лорисъ-Меликовъ ~~сдалъ~~ красивый и большой городъ, съ бульварами, театромъ, большими зданіями для училищъ, казармами, госпи-

талемъ, и оставилъ здѣсь о себѣ память даровитѣйшаго администратора, и въ то-же время отличного человѣка. Имъ выстроено здѣсь ремесленное училище, носящее его имя, напротивъ большое зданіе реального училища и военной прогимназіи, подальше женская гимназія, далѣе армянское училище.

Привезли меня въ отличной двухконной коляскѣ, составляющей типъ здѣшнихъ извозчиковъ (здѣсь такса—25 копеекъ за конецъ), къ двухэтажному каменному дому, на немъ надпись: „*Hôtel de France*“, содержить ее Французъ, чисто и просто, недорого, столь отличный. Въ большой столовой въ седьмомъ часу вечера узналъ о великой радости разбитія на-голову Мухтара-паші. Здѣсь известія получаются съ театровъ войны телеграфическими бюллетенями, два раза въ день печатаемыми, благодаря инициативѣ частнаго агента. Сидѣль какои-то артиллерійскій генераль съ тремя офицерами, только-что прибывшій изъ Тифлиса и выѣхавшій наканунѣ; онъ тоже ничего не зналъ о блестящей побѣдѣ. Артилеристы разсуждали о значеніи этого событія; по ихъ мнѣнію, теперь, вѣроятно, войска наши перейдутъ къ наступленію и зайдутъ въ тылъ Измаилу-пашѣ, стоящему передъ Игдыремъ. Добрый Французъ-хозяинъ радовался

вмѣстѣ съ нами, да и было съ чего. Такъ долго позорно битый Черногорцами и явно неспособный Мухтаръ-паша держалъ въ оцѣпенїи нашу молоцкую армію! Узналъ въ этотъ вечеръ отъ одного изъ офицеровъ, что въ то время, когда Лорисъ-Меликовъ былъ здѣсь начальникомъ области, нынѣшній начальникъ штаба Чавловъ былъ у него правителемъ канцеляріи.

Теперешній начальникъ области, генераль-адъютантъ Свистуновъ, вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ, находится въ Грозномъ, гдѣ провелъ почти все лѣто, для того, чтобы наблюдать ближе за горцами и не давать разыграться угрожавшему было возстанію. Генераль Свистуновъ имѣеть здѣсь очень хорошую репутацію, его любятъ и уважаютъ. Опять случайность. У него служилъ нѣсколько лѣть назадъ нынѣшній герой Ловчи и Шевны, Скобелевъ; теперь Скобелевъ уже перегналъ Свистунова. На сколько вѣрно то, что мнѣ разсказывали, не знаю, но вотъ что мнѣ передавали здѣсь насчетъ возстанія горцевъ. Возстаніе это имѣеть любопытныя стороны: самая ненадежная стража въ этомъ отношеніи, это Терская область, съ Веденомъ, съ горцами, Чечней, родиною и преданіями Шамиля; словомъ, со всѣми элементами только недавно усмиренного края, съ дикими ту-

земцами. Самою надежною могла считаться Дагестанская область, гдѣ недавно царствовалъ миръ и покой. Вышло что-то странное. Возстаніе въ Чечнѣ ограничилося дѣйствіями одного изъ главныхъ разбойниковъ-горцевъ Али-бека, составившаго шайку, но потерпѣвшаго полную неудачу въ планѣ поднять все населеніе Терской области. Генералъ Свистуновъ перебѣхалъ въ Грозный: послалъ туда войска, шайка была разбита съ помощью самихъ-же горцевъ: раздѣлившись на маленькия шайки, повстанцы укрылись въ лѣсахъ, гдѣ держаться будуть до листопада, а затѣмъ вся область успокоилась и населеніямъ луговыхъ Чеченцевъ и Осетинцевъ, благодаря постоянному присутствію войскъ, стало безопаснѣе теперъ, чѣмъ въ нормальное время, когда горцамъ горѣ удавалось дѣлать набѣги на ихъ селенія, грабить и уводить скотъ. Какъ разсказываютъ, этотъ организовавшій восстаніе въ Чечнѣ, Али-бекъ, горецъ, возврацаясь изъ Мекки, кудаѣздила на богомолье, заѣхалъ въ Константинополь, видался тамъ съ сыномъ Шамилемъ и отъ него получилъ цѣлый планъ, какъ поднять Чечню и весь край одновременно съ турецкими высадками. Планъ не удался, потому что масса осѣдлаго населенія горцевъ не поддалась обѣщаніямъ золотыхъ горъ отъ

Турокъ; хотя въ то-же время всѣ будто здѣсь туземцы живутъ и доселѣ въ смутномъ ожиданіи Турокъ, и известное броженіе умовъ замѣтно между ними и до сихъ поръ. Однимъ изъ признаковъ этого броженія признаютъ даже то, что нѣкоторые горцы распродавали своихъ лошадей и свой скотъ. Въ Дагестанской-же области, какъ говорятъ, гдѣ ожидать большихъ смутъ не было ни малѣйшаго основанія, тамъ восстание приняло вдругъ размѣры непредвидѣнно болѣшіе, не столько вслѣдствіе вліянія на населеніе религіознаго фанатизма, сколько вслѣдствіе приманки разбоевъ и грабежей съ одной стороны, и политическихъ причинъ съ другой стороны. Однимъ изъ предводителей восстанія тамъ сынъ генерала на русской службѣ. Въ мѣстности, какъ Дербентъ, гдѣ чутили не со времени Петра не было волненія, населеніе стало покидать городъ изъ опасенія грабежей. По слухамъ, до 80 человѣкъ мирныхъ жителей пало жертвами разбойническихъ шаекъ. Но и тамъ есть надежда, что войска справятся ко времени листопада со всѣми шайками.

Владикавказъ, 7 октября.

Сегодня съ утра знакомился съ общимъ видомъ Владикавказа при дневномъ свѣтѣ. Хотя военный элементъ въ видѣ безконечно разнообразныхъ казаковъ, пѣхотныхъ полковъ, стрѣлковъ, артиллериистовъ, проѣзжаетъ по улицѣ, и каждый ломовой извозчикъ является въ видѣ Осетинца съ папахою и кинжаломъ, тѣмъ не менѣе трудно себѣ представить болѣе мирный характеръ, чѣмъ тотъ, которымъ здѣсь все дышеть, нося печать чего-то беспечнаго и добродушнаго. Нигдѣ не слыхать барабанного боя, нигдѣ не видно военного строя. Все тутъ смиро расхаживаетъ, точно нигдѣ нѣть войны. Тѣмъ не менѣе и здѣсь была тревога. Прошелъ слухъ, что къ байраму будетъ во Владикавказѣ всеобщее восстаніе горцевъ и истребление христіанъ. Приняты были военные мѣры, но

къ счастью, байрамъ прошелъ благополучно. Здѣсь говорять о томъ, что предводитель возстанія въ Чечнѣ, Али-бекъ, получилъ отъ султана золотую саблю въ благодарность за то, что онъ двѣ дивизіи задержалъ возстаніемъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ; теперь, какъ я сказалъ, этотъ Али-бекъ скрывается въ Дагестанѣ, и организуетъ возстаніе Лезгинцевъ.

На дняхъ прибыль сюда для поправки первый баталіонъ Черноморскаго полка. Онъ былъ въ Майкопѣ все лѣто, и, не видѣвъ непріятеля, имѣлъ только дѣло съ лихорадкою. Ужасно состояніе, въ которомъ этотъ баталіонъ прибылъ. Въ ротѣ вмѣсто 250 человѣкъ осталось на ногахъ всего шестьдесятъ и тысячный баталіонъ обратился въ 200 съ чѣмъ-то человѣкъ. Остальные всѣ больны лихорадкою и размѣщены въ госпиталѣ.

Быть я въ госпиталѣ. Это прекрасное большое каменное зданіе въ саду, съ помѣщеніемъ на 500 человѣкъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщалось въ разное время до 3,000 раненыхъ, которые теперь уже перевезены на санитарныхъ поѣздахъ въ Саратовъ, Воронежъ, Харьковъ и другіе города. Содержится этотъ госпиталь отлично во всѣхъ отношеніяхъ. Управленіе его военное, но для ухода за ранеными присоединяется дѣятельности мѣст-

наго Общества Красного Креста. Благодаря заботливости супруги начальника области и местного коменданта, подполковника Сильвестровича, раненые содержались здѣсь, говорятъ, отлично; утромъ и вечеромъ получали чай, булки, лишнюю порцію мяса, вино, коньякъ, бѣлье въ изобилії, словомъ, находили послѣ тяжелой и мучительной переправы 200 верстъ по Военно-Грузинской дорогѣ сердечный и родственно-теплый уходъ.

Благодаря Бога, перевозка раненыхъ по Военно-Грузинской дорогѣ нѣсколько улучшилась. Устроены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хорошіе ночлежные пріюты и перевозка происходитъ въ фургонахъ, но не въ арбахъ. Хотя все-таки эти несчастные подчасъ, лежа въ фургонахъ, не закрыты отъ дожда и недостаточно прикрыты отъ холода, но все-же они не терзаются пыткою колесованія; такъ-какъ эти всѣ не изъ тяжело-раненыхъ, то послѣ двухъ, трехъ дней пребыванія во Владикавказскомъ госпиталѣ оживаютъ и оправляются отъ непріятныхъ послѣствій переѣзда по Военно-Грузинской дорогѣ. Теперь лежало до 20 раненыхъ; у тѣхъ, которыхъ я видѣлъ, лица бодры, веселы и здоровы. Увидѣлъ я между ними двухъ Баязидцевъ. Это были два молодые парня, совсѣмъ оправившіеся здоровьемъ отъ ужасовъ баязидскаго сидѣнья.

— Ужъ мы позабыли про то, сказалъ онъ намъ, смѣясь,—и вспоминать-то не охота.

— А что гадко было?

— Извѣстно, не хорошо; помирать ужъ всѣ были готовы.

— А чѣмъ вы кормились?

— Зернышками ячменя; кто ночью достанеть гдѣ украдкою, принесеть, мы поджаримъ и ёдимъ, а послѣ кониною.

Стали мы припоминать число, когда подоспѣлъ Тергукасовъ.

Плацъ-майоръ сказалъ, что это было 22 июня.

— Никакъ нѣтъ, перебилъ солдатикъ.—28, какъ разъ на Петра и Павла, ужъ мы это отлично запомнили, потому мы ему и молимся за то, что онъ насъ выручилъ.

Здѣсь я узналъ отрадную для каждого русскаго вѣсть. Комендантъ Баязиды, капитанъ Штокфичъ, награжденъ былъ, какъ сказывалъ мнѣ смотритель госпиталя, Царемъ, какъ и слѣдовало ожидать, по Царски. Онъ получилъ чинъ майора, Георгія на грудь, 800 р. пожизненной пенсіи, и дѣти взяты государствомъ для воспитанія! Повидимому, слѣдѣ простыль многихъ баязидцевъ. Они отправились на разныхъ санитарныхъ поѣздахъ въ госпитали въ

общей массъ раненыхъ и распущены по домамъ, такъ что гдѣ именно найти ихъ, трудно сказать

Я называлъ здѣшняго коменданта. Личность эта заслуживаетъ особаго вниманія. На днѣхъ онъ чуть не умеръ отъ разрыва вены въ области лба, и только особенные усиленія медиковъ остановили, благодаря Бога, ужасное кровотеченіе. Причина этого разрыва вены, по мнѣнію медиковъ, заключается въ усиленныхъ занятіяхъ, а усиленные занятія его имѣютъ причину его именно христіанское участіе къ больнымъ и раненымъ. Какъ мнѣ сказывалъ одинъ изъ солдатиковъ, подполковникъ иногда цѣлый день бывалъ не дома; утромъ послужить, а днемъ и вечеромъ до поздней ночи онъ возится съ ранеными и больными; самъ посыпаетъ и приносить имъ чай, сахаръ и вино, по два раза въ день посѣщаетъ ихъ, сверхъ того принимаетъ больныхъ и раненыхъ, пріѣзжающихъ изъ Тифлиса, и отправляетъ ихъ на санитарные поѣзды. Независимо отъ этого, онъ принялъ на себя приемку грузовъ и транспортовъ отправляемыхъ московскимъ складомъ Краснаго Креста въ Тифлисъ, нарядъ подводъ и отправку ихъ въ Тифлисъ, и лично отправилъ уже до 20 т. пудовъ. Живеть этотъ человѣкъ однимъ жалованьемъ съ женою и дѣтьми и находить возможность удѣлять въполь-

зу раненыхъ послѣдніе свои гроши. И вотъ прямымъ послѣдствиемъ всей этой необыкновенной по высокой честности и безграницной любви къ ближнему дѣятельности явилась болѣзнь, которая не сегодня, такъ завтра можетъ его и семью лишить мѣста и средствъ къ пропитанію, ибо первымъ условиемъ спасенія отъ повторенія такого разрыва вены врачи признаютъ полное отвлеченіе отъ занятій и жизнь по возможности спокойную и разсѣянную: какая ужасная иронія! О высокой доблести этого человѣка я могъ судить по отзывамъ его подчиненныхъ, начиная съ солдатъ и кончая офицерами. Къ этому человѣку питають здѣсь благоговѣніе, и все надѣются, что его необыкновенная дѣятельность, приведшая къ kraю могилы, будетъ оцѣнена и награждена начальникомъ его по мѣрѣ того, чего она стоить.

Познакомился я здѣсь съ плац-майоромъ, подполковникомъ Мищенкомъ. Это привлекательный типъ боеваго храбраго Кавказца. Ему лѣтъ подъ пятьдесятъ. Вся грудь покрыта орденами за храбрость. Рука на перевязи отъ раны, полученной еще 27 лѣтъ назадъ. Недавно онъ прибылъ сюда полумертвый изъ-подъ Зивина, гдѣ внезапно заболѣлъ во время уборки раненыхъ, послѣ несчастнаго штурма. До этого онъ уча-

ствовалъ въ штурмѣ Ардагана и былъ назна-
ченъ немедленно по взятіи его комендантомъ.
Мы разговорились о Зивинскомъ дѣлѣ. Оно было
несчастливо для нась и стоило громадной убыли
людей, но въ то-же время, по его словамъ, и про
это дѣло можно сказать, что нѣтъ худа безъ доб-
ра. Разсчитано было на то, что занятыя позиціи
заняты 10 тысячами Турокъ. Но у нась не было
надежныхъ лазутчиковъ, а у Турокъ были. Едва
показались наши колонны въ виду непріятеля,
какъ раздались у него два сигнальныхъ выстрѣла.
На эти сигналы прилетѣлъ Мухтаръ-паша съ 20
тысячами войска, бросившій засаду, устроенную
имъ Тергукасову. Мы обѣ этомъ не знали и мог-
ли-бы, вмѣсто 10 тысячъ войска, наткнуться на
30 тысячъ. Но за то Тергукасовъ былъ спасенъ,
а спасеніе Тергукасова повлекло за собою разби-
тіе имъ тридцатитысячнаго отряда у Баязида и
выручку его гарнизона. Не будь Зивинскаго штур-
ма, Тергукасовъ былъ-бы уничтоженъ неизбѣжно
арміями Мухтара-наши и Измаила-паши. Военная
несмѣтливость Туровъ, по его словамъ, замѣча-
тельна и подчасъ соединяется съ неохотой турец-
кихъ солдатъ драться или преслѣдовать. Такъ бы-
ло послѣ Зивинскаго дѣла. Турки, отбивъ штурмъ,
не тронулись съ своихъ позицій, а между тѣмъ

уцѣлѣвшіе остатки нашего отряда ожидали преслѣдованія со стороны Турокъ, и будь это преслѣдованіе, врядъ-ли уцѣлѣль-бы у насъ хоть одинъ человѣкъ, такъ велико было наше боевое раз-стройство.

Владикавказъ, Суббота, 8 октября.

Грузы мои меня задерживаютъ. Тутъ съ грузами возня безпредѣльная. Они въ полной зависимости отъ благорасположенія извозчиковъ и отъ подрядчиковъ. Мѣсяца три назадъ брали они по 30 к. съ пуда. Теперь берутъ 1 р. 50 к. и 1 р. 80 к., а съ неделю назадъ брали 1 р. 20 к. А не хочешь платить, такъ и остается грузъ. Столь безобразное поднятіе цѣнъ происходитъ отъ спѣшности всѣхъ отправителей по Военно-Грузинской дорогѣ. И казна посылаетъ свои провіантскіе и военные запасы и купцы посылаютъ свои товары, и все это спѣшить, спѣшить, чтобы не застать еще снѣговъ на дорогѣ. Въ прошломъ году снѣжные завалы въ январѣ, длившіеся три мѣсяца и прекратившіе всякую перевозку по Военно-Грузинской дорогѣ, всѣхъ испугали, и вотъ всякий ку-

пецъ охотнѣе надбавляетъ цѣны на перевозку имѣя въ виду наверстать эти прибавки съ товаропокупателей, чѣмъ рискнуть застрять во Владикавказѣ, а военное вѣдомство и Красный Крестъ поплачиваются за эти купеческія штуки страшно высокими и непредвидѣнными расходами по перевозкѣ венцей, такъ что моя кладь, отправленная изъ Москвы во Владикавказъ даромъ, обходится за провозъ 200 верстъ чуть-ли не дороже, чѣмъ она стоитъ; напримѣръ, махорка, стоящая 2 р. 40 к. за пудъ, тогда какъ провозъ ея до Александрополя обойдется свыше 3 рублей.

Воскресенье, 9 октября, Владикавказъ.

Не везеть мнѣ съ моимъ грузомъ. Вотъ три дня сижу, и вмѣстѣ съ обязательными и любезными чинами мѣстнаго отдѣленія Краснаго Креста. Хлопочу о томъ, чтобъ отправка груза въ количествѣ около 800 пудовъ до Тифлиса обошлась какъ можно дешевле. Цѣны растутъ не по днямъ, а по часамъ. Было блаженное время въ началѣ лѣта, когда брали по 30 коп. съ пуда. Теперь эта цѣна кажется смѣшною. Пріѣхалъ подрядчикъ изъ Тифлиса и объявилъ, что меныше 1 руб. 80 коп. за пудъ не возьметъ, а съ недѣлю назадъ цѣна была 1 руб. 20 коп. Что дѣлать! Торговались, торговались; сговорились, наконецъ, по 1 руб. 50 коп. Въ душѣ проклиналь купцовъ Тифлиса. Они везутъ товаръ и предлагаютъ до 2 руб. съ пуда за провозъ, благо имъ горя мало до возвышенія цѣпы,

ибо эти 2 руб. они возьмутъ съ покупателя. А Красному Кресту тяжелъ такой расходъ: 1,200 р. за провозъ груза на 200 верстъ шоссейной дороги. Да и казнѣ теперь накладно; ей приходится возить громадные запасы пороха, зарядовъ и прованта. Все это стоитъ пока въ полѣ. Нагрузка пріостановлена изъ-за партій ремонтныхъ лошадей, отправляемыхъ въ армію. Прибываютъ и чины изъ запаса для пополненія кадровъ полковъ. Признаюсь, глядя на этотъ малорослый народецъ, мы спрашиваемъ ихъ, неужели всѣ запасные таковы?

— Не бѣда, отвѣтилъ намъ одинъ изъ военныхъ;—не крѣпышы; дерутся не хуже большихъ, а насчетъ выносливости, пожалуй, и лучше большихъ.

Сегодня прибылъ второй Воронежскій санитарный поѣздъ: на немъ вывозятъ до 200 раненыхъ. Поѣздъ устроенъ просто, но удобно и опрятно содержится. Больнымъ солдатикамъ такія помѣщенія кажутся волшебными пріютами счастья сравнительно съ фургонами въ которыхъ они прибыли изъ Александрополя до Тифлиса и изъ Тифлиса до Владикавказа. Санитары поѣзда тоже въ восхищеннѣ, что наконецъ-то имъ дали раненыхъ, „а то все больныхъ и больныхъ даются, сказалъ одинъ изъ нихъ,—надоѣло“.

Это не здѣсь только, но вездѣ услышишь куда прибывають санитарные поѣзда. Надобно раненыхъ, а больныхъ не хотимъ. Удивительное воззрѣніе! Чѣмъ же бѣдный больной солдатикъ хуже раненаго, въ особенности когда дѣло идетъ о призрѣніи его *Обществомъ Попеченія о Раненыхъ и Больныхъ Воинахъ?* Къ тому же немыслимо дѣлать это различіе для бѣдныхъ кавказскихъ войскъ, гдѣ такое множество больныхъ лихорадкой, со всѣми ея ужасными послѣствіями. Сегодня узналъ изъ одного частнаго письма изъ Александрополя, что одному изъ иррегулярныхъ лезгинскихъ полковъ поручено вести партію 7,000 Турокъ, взятыхъ 3 октября.

Неужели и ихъ не будутъ употреблять на работы и содергать *наравнъ* (если не лучше) съ *русскими солдатами?* Нѣтъ, нѣтъ завзятаго на Руси либерала, который бы не приходилъ въ негодованіе отъ такой странной и оскорбляющей наша народное чувство гуманности!

Ночь съ понедѣльника на вторникъ, ст. Млеты на Военно-Грузинской дорогѣ.

Я перевалилъ съ вершины кавказскихъ горъ и нахожусь въ большомъ станціонномъ домѣ у подошвы громадныхъ горъ. Впечатлѣній страшно много. Послѣднее было изъ странныхъ: до этой станціи отъ предыдущей, на разстояніі 16' верстъ, я летѣлъ въ коляскѣ, запряженной парой коней, крупною рысью все внизъ безостановочно, кружась въ одномъ и томъ же мѣстѣ: съ вершины внизъ дорога идетъ кружась зигзагами по уступамъ, такъ что глазъ не перестаетъ видѣть все ту же поразительную, волшебно-восхитительную картину громадныхъ горныхъ вершинъ, ярко освѣщенныхъ лучами мѣсяца.

Выѣхалъ я около пяти часовъ вечера. Первый перегонъ совершился скоро и благополучно по Кавказскій путевой дневникъ.

широкому шоссе, на которомъ всѣмъ было мѣсто— и арбамъ, и фургонамъ молоканъ, и пассажирскими экипажамъ. Дорога начинала входить въ горы. Я вспомнилъ, увидя первую станцію, что тутъ ужь начинало оправдываться увѣреніе одного изъ моихъ собесѣдниковъ въ Владикавказѣ, что по Военно-Грузинской дорогѣ нельзя поворачивать назадъ, а если понадобится этотъ маневръ, тогда надо доѣхать до станціи и, уже объѣхавъ ее кругомъ, попасть лицомъ на дорогѣ, гдѣ находился спиной. На второмъ перегонѣ дорога начинаетъ съживаться, громадныя скалы подходятъ со всѣхъ сторонъ все ближе. Терекъ начинаетъ шумѣть у вашихъ ногъ, исчезаетъ всякое дерево, все облекается въ дикий, суровый, холодный и мрачный видъ и какъ будто улыбка сходитъ съ лица этой природы. Странное ощущеніе! глядишь на эти отвѣсныя скалы, безжизненные и безмолвныя, и чѣмъ онѣ становятся громадиѣ, тѣмъ страшнѣе становится ощущеніе ничтожества всего человѣческаго, движущагося между этими неподвижными исполинами.

Тутъ начинается въ то же время комико-драматическая часть путешествія. Драматизмъ заключается, во-первыхъ, въ тѣхъ минутахъ, когда сталкиваешься съ какою нибудь арбой на такомъ

мѣстѣ дороги, гдѣ нѣтъ перилъ и гдѣ видѣнъ бурлящій Терекъ съ высоты отвѣтной скалы въ нѣсколько сотъ футовъ; во-вторыхъ, въ томъ глупомъ и нѣмомъ отчаяніи, написанномъ на лицѣ какого-нибудь Осетинца, когда буйволы его повозки зацѣпятъ арбу сосѣда, сплетутся, ни тпру, ни чу, до той минуты, пока не прилетить какой-нибудь лихой проѣзжій офицеръ, или удалецъ-казакъ, или Грузинъ-почтарь, и не примутся они энергичными жестами распутывать этихъ пораженныхъ столбнякомъ Осетинцевъ, причемъ, разумѣется, никогда дѣло не обходится безъ дракъ. Какъ только Русскій или Грузинъ-ямщикъ проѣдетъ мимо такого несчастнаго лица, онъ непремѣнно поддается искушенію взмахнуть надъ его головой кнутомъ, а не то и ударить; Осетинецъ уклонится отъ удара, испустить какой-то дикий звукъ, и племенные враги разойдутся. Но не всегда торжество бываетъ на сторонѣ нападающихъ на беззащитныхъ Осетинцевъ. Иногда этотъ смиренный и забитый дикарь встрепенется, разсердится, подговоритъ сошлеменниковъ, и кинжалы вырываются изъ-за пояса во имя мести.

Мой усердный кондукторъ захотѣлъ тоже показать свою силу и разгулять свою удаль надъ Осетинцами, мѣшившими намъѣхать, но тупой и жал-

кій видъ этихъ несчастныхъ до такой степени отстранялъ возможность какого-нибудь дурнаго чувства, что я самыи энергичнымъ образомъ воспретилъ моему Грузину какую бы то ни было разправу или угрозу.

Подѣхавъ на вторую станцію, мы застали тамъ почтовую карету съ пассажирами.

— Ну чѣмъ дорога? спросилъ я у ямщика.

— Великолѣпная, баринъ, три часа простояли на одномъ мѣстѣ, отвѣтилъ онъ угрюмо-саркастически.

— Это въ ущельѣ-то?

— А то гдѣ-же! безобразіе; пустить въ кручу двухъ-трехъ Осетинцевъ съ ихъ проклятыми арбами, небойсь не станутъ мѣшать проѣзду.

— Да не они виноваты, а дорога.

— Глупый народъ, отвѣтилъ съ негодованіемъ ямщикъ,—пока не проучишь, ничего съ ними не подѣлаешь.

Пока запрягали лошадей, я подошелъ къ почтовой каретѣ.

Высунулась какая-то барышня.

— Вы въ Тифлисъ? спросила она.

— Да, въ Тифлисъ.

— Не совсѣму, лучше здѣсь останьтесь.

— Отчего же это?

— Проѣзда нѣтъ въ этомъ проѣздѣ ущельѣ, простоите всю ночь.

— Какъ-нибудь, Богъ дастъ, проберемся.

Наивность этого совѣта не ѻхать въ Тифлисъ изъ опасенія простоять часа два въ ущельѣ невольно насытила насъ.

Но вотъ тронулся мой экиажъ.

Въ началѣ все шло отлично. Дорога между тѣмъ все узилась и громадные утесы все ближе тѣснились надъ нашими головами.

И все слабѣе свѣтиль надъ нами свѣть отъ лунной, хотя и облачной ночи.

— Дорога есть? спросилъ ямщикъ у шедшихъ къ намъ на встрѣчу извоѣвиковъ.

— Нѣтъ дороги, отвѣчали тѣ;—такъ спутались эти проклятые, что до завтра ихъ не распутаешь.

Непривлекательно при такихъ предвѣстникахъ являлась перспектива знакомиться съ поэтической тѣсниной Дарьяла, но картины своею страшною величественностью и дикостью слишкомъ раздавливали меня и переполняли какимъ-то захватывавшимъ духъ благоговѣніемъ, чтобы быть въ состояніи думать въ это время объ арбахъ. Но вотъ показались какіе-то огни. Во мракѣ мелькнули какіе-то фантастические контуры крѣпости; показался шлагбаумъ; какой-то освѣщенный домикъ.

— Чѣдѣ это? спросилъ я.

— Крѣпость Дарьяла, а вонъ казачій постъ, а вонъ тамъ, на верху, замокъ Тамары.

Кондукторъ вскочилъ и побѣжалъ въ казачій домъ просить проводника.

Господи, чѣдѣ за страшно-новая картина! Терекъ реветъ и заглушаетъ собою всѣ звуки далеко кругомъ; огни людскихъ жилищъ, необъятная высота утесовъ, между которыми отъ времени до времени блеснетъ на узкой полосѣ неба звѣзды или вспыхнетъ мѣсячный свѣтъ, потомъ туча проходитъ, и все вдругъ стемнѣеть; гдѣ-то страшно высоко чуть видны очерки замка Тамары; смотришь, и ни съ того ни съ сего въ памяти воскресаетъ вдругъ та самая комната въ юные годы, когда читалъ я въ первый разъ Лермонтова и плакалъ надъ Тамарой, потомъ вдругъ голубая зала Маріинскаго театра съ оперой *Демонъ*, публика, оркестръ, голоса, мотивы, все это оживаетъ, одѣвается въ цвѣта, превращается въ лица, и сколько вдругъ лицъ, сколько воспоминаній; потомъ все въ мигъ умираетъ; мракъ, бушующій Терекъ, мертвый и дикое величіе кругомъ; на душѣ какъ-то холодно, скучно, и невольно повторяя первые стихи *Демона*, воображеніе представляетъ себѣ, „что печальный демонъ, духъ изгнанья“, носится въ этомъ

холодѣ и мракѣ надъ этими тѣснинами, и плачъ его надъ воспоминаніями лучшихъ дней какъ-будто слышенъ въ ужасномъ шумѣ ревущаго Терека.

Но вотъ явился молодчикъ-казакъ на своеемъ конѣ и выѣхалъ впередъ. Подняли шлагбаумъ, мы выѣхали въ Дарьяльское ущелье. Ширина дороги— шага четыре; нальво отвѣсная скала, какъ-будто возвышающаяся до небесъ, направо ужасная круча, почти отвѣсная, на днѣ которой шумитъ Терекъ; нѣсколько сотъ шаговъ проѣхали благополучно. Но затѣмъ—стой, повстрѣчались съ арбами, послышались голоса. Вскочилъ мой кондукторъ, не вытерпѣлъ, и прибѣжалъ на помощь казаку. Арбы, бѣдущія на встрѣчу намъ, сѣѣлись съ бѣдущими предъ нами. Казалось, никакой возможности двинуться впередъ когда-бы то ни было. Но появленіе казака и кондуктора произвело чудо: минутъ черезъ десять можно было тихимъ шагомъ пробраться, осторожно держась своей рукѣ; съ лѣвой стороны распутанная вереница арбъ стояла, плотно прижатая къ утесу, и такъ-какъ вдругъ проглянула изъ-за тучъ луна, стало на-столько свѣтло, что я могъ разглядѣть типичныя фигуры Осетинцевъ, выражавшія тупое изумленіе отъ приведенія ихъ въ порядокъ: они какъ-будто не понимали,

какая это сила ихъ разцѣпила, и собирались, по-видимому, остатъся спутанными на всегда. Но спѣшу прибавить, что при этомъ не было употреблено въ дѣйствіе ни малѣйшаго насилия; вся-же штука заключалась въ томъ, что опытный въ этомъ дѣлѣ казакъ умѣлъ приниматься за распутываніе арбъ тамъ, гдѣ надо было; одну заставилъ осаживать, другую вѣво, третью впередъ подать, и такъ далѣе.

Не скоро забуду я эти впечатлѣнія. Глухіе и полудикіе возгласы Осетинъ, раздававшіеся въ этомъ ущельи въ самыхъ разнообразныхъ тонахъ и вариаціяхъ, звучать до сихъ поръ въ моихъ ушахъ, и самъ не знаю почему, когда мнѣ хочется сравнить эти звуки и этихъ людей съ чѣмъ-либо знакомымъ, сейчасъ же припоминаются мнѣ наши Чухопцы.

Какъ-бы то ни было, но предсказаніе барыни, сидѣвшей въ мальпостѣ, не сбылось, и я благополучно прибылъ въ Казбекъ въ десятомъ часу вечера.

Оттуда начался замѣтный подъемъ нашъ въ горы. Часа два спустя коляска наша забралась уже на самыя высокія мѣста; тучи плавали надъ пропастью у нашихъ ногъ, звѣздное небо съ ярко сіявшимъ мѣсяцемъ разстипалось надъ нами; дуль

холодный вѣтеръ и шуба была какъ разъ въ по-
ру. Картина новая, но тоже волшебная, изуми-
тельная. Куда ни посмотришь, все снѣжныя острыя
вершины, ярко облитыя мѣсячнымъ сіянью и
въ этомъ бѣломъ блескѣ отражавшія по временамъ
тѣни проносиившихся тучъ; а внизу, между этими
громадными и многочисленными утесами, неизмѣ-
римой глубины пропасти, съ шумящими гдѣ-то да-
леко, далеко ручьями и потоками.

На этой высотѣ и при этомъ пронизывающемъ
насквозь холодѣ, любуясь невиданными мною еще
нигдѣ чудными картинами, я невольно сказалъ
себѣ: да, все это чудесно хорошо; да, сидя, закутавшись
въ теплую шубу, въ коляскѣ, и любоваться
Казбекомъ очень удобно и пріятно; но вѣдь по
этой-же дорогѣ и на этихъ-же холодныхъ верши-
нахъ везутъ нашихъ больныхъ и раненыхъ сол-
датиковъ. А какъ везутъ? Пріѣхалъ на станцію
Млеты, откуда я пишу, спросилъ: въ чемъ везутъ
раненыхъ и больныхъ?

- Какъ въ чемъ? Въ фургонахъ.
- А на нихъ есть теплое платье?
- У кого есть, а у кого нѣтъ.
- А фургоны закрыты?
- Парусиной затянуты.
- И больше ничего?

— Ничего больше.

— А ночью, на горахъ?

— Ночью они не ѿздалятъ: у нихъ ночлеги бываютъ.

На этой станціі былъ, между прочимъ, очлежный пунктъ. Раненыхъ не оказалось. Было только нѣсколько больныхъ крѣпко спавшихъ.

Во всякомъ случаѣ, печальная дѣйствительность выяснялась все болѣе и болѣе. Для транспортируемыхъ по Военно-Грузинской дорогѣ нѣть теплой мѣховой одежды, а холода уже начались. Судя по приготовленнымъ на станціонномъ дворѣ санкамъ, видно, что снѣга ждутъ съ часу на часъ.

Тифлисъ вторникъ, 11 октября.

По утру послѣ станціи Млеты, когда выходившее изъ-за горъ солнце стало свѣтить и грѣть, погода, климатъ и пейзажи измѣнились. Появились долины и горы, покрытыя самою разнообразною зеленью. Итички запѣли; показались деревушки съ убогенькими каменными церквами, а дальше еще—и сады пошли, и поля, и улыбка исчезающая съ лица природы у входа въ Кавказскія горы, снова заиграла. Посреди этой роскошной природы юга на бойкихъ почтовыхъ лошаденкахъ мы прибыли въ Тифлисъ къ тремъ часамъ пополудни.

Тифлисъ лежитъ въ лощинѣ, окруженнѣй горами. Та часть города, гдѣ мы остановились въ гостиницѣ „Лондонъ“, поситъ европейскій характеръ во всѣхъ постройкахъ. Предъ домомъ Александ-

ровскій садъ, съ террасами, идущими до верхней части города, гдѣ находится дворецъ.

Оживленіе громадное. Всѣ людское, движущееся по улицамъ, очень разнообразно по костюмамъ и физіономіямъ; но въ этой массѣ разнообразія азіатскихъ костюмовъ, верблюжихъ каравановъ, ословъ и лошаковъ, везущихъ воду въ бурдукахъ, тонуть какъ капля въ морѣ крошечныя проявленія русского элемента. На 100 лицъ девяносто девять кажутся туземцами. Затѣмъ въ экипажахъ публики преобладаетъ военный элементъ, тоже въ безконечномъ своемъ разнообразіи.

Гостиница „Лондонъ“ очень порядочная гостиница. Ея главная приманка—чистота. Затѣмъ вторая—очень хорошая кухня. Въ большой столовой залѣ приходятъ завтракать, обѣдать и ужинать многіе изъ проѣзжихъ и мѣстныхъ офицеровъ. Цѣны сравнительно не дороги. Служить отлично и опрятно. Хозяева—Французы. Изволщики—фаэтоны парные. За проѣздъ въ одинъ конецъ берутъ 30 коп., за чашъ 60 коп. Часть изъ нихъ Молокане, другая—Грузины и Армяне. Головинскій проспектъ, Невскій проспектъ Тифлиса—широкая и хорошо мощеная улица, на которомъ стоитъ двухъ-этажный, довольно скромной архитектуры, дворецъ Намѣстника и красуются иностранные магазины

съ особеною роскошью и щегольствомъ въ убранствѣ товаровъ напоказъ. За то цѣны на всякую вещь, противъ Петербурга и Москвы, двойныя и тройныя. Напримеръ, столовая рюмка стоитъ 1 р. 50 к., желѣзно-эмалированная чашка и блюдечко — 7 р., и такъ далѣе. Въ этомъ отношеніи здѣшніе Нѣмцы и Французы стоятъ Армянъ.

Вечеромъ въ столовой гостиницы встрѣтился съ двумя знакомыми офицерами. Съ однимъ, К. Б., лѣтъ семь не видѣлись. Онъ, бѣдняга, контуженъ въ голову, да сверхъ того упалъ съ лошади: лѣчился два мѣсяца, поправился, но все боли въ головѣ даютъ себя знать. Онъ былъ въ Ріонскомъ отрядѣ. Невеселая эта была кампанія во всѣхъ отношеніяхъ. Войска въ этомъ отрядѣ было сначала больше, чѣмъ въ главной арміи, а толку, увы! меныше, чѣмъ отъ той. И ужъ настрадались тамъ наши бѣдные солдаты: лихорадка такъ и валила; а въ то-же время по 3 и по 4 дня въ первое время не бывало хлѣба; кормились фруктами, и лихорадка все усиливалась. Да и раненые что перестрадали: въ арбахъ ихъ везли 60 верстъ, пять и шесть сутокъ подъ палящимъ солнцемъ. Пыни выскакивали изъ этихъ возницъ мученія и штыки и шли пѣшкомъ. Обѣ этихъ ужасахъ, хотя слава-Богу прошедшихъ, надо вспо-

минать, въ надеждѣ, что они не повторятся. Авось теперь не повторится Ріонскій походъ, задавшійся цѣллю взять Батумъ, и такъ, чтобы даже по взятіи его быть въ необходимости, за невозможностію въ немъ держаться, выйти изъ него, положивъ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Вечеромъ поѣхалъ къ генералу С. Его часты гражданская и въ то-же время Красный Крестъ. Встрѣтилъ въ немъ весьма симпатичнаго человѣка,—человѣка съ сердцемъ, глубоко русскаго, и слышалъ, что онъ высоко честная личность. Пять минутъ послѣ знакомства, казалось, точно зналъ его давно. Мы говорили о Красномъ Крестѣ на Кавказѣ. По его словамъ, больницы Краснаго Креста все имѣютъ, но не въ избыткѣ, кромѣ теплыхъ платьевъ для эвакуаціи раненыхъ и больныхъ, начиная съ Карагала и кончая Владикавказомъ, которыхъ совсѣмъ нѣтъ. Москва прислала 200 съ чѣмъ-то тулуповъ, но, увы! этого недостаточно. Надо ихъ для перевозки около 800, по крайней мѣрѣ. Чаю достаточно, но сахару мало. Но дѣло въ томъ, что учрежденія Краснаго Креста на Кавказѣ, въ сравненіи съ военными временными госпиталями, капля воды въ морѣ. Послѣднихъ, кажется, до 60, а первыхъ, съ летучими лазаретами, не болѣе, кажется, шести. Въ

военные госпитали Красный Крестъ не вмѣши-
вается: когда кому, что нужно, онъ даетъ, что
требуется. Чаю по одному разу въ день больные
получаютъ и въ военныхъ госпиталяхъ. Когда мы
принялись разсчитывать, какъ раздѣлить все то,
что я привезъ съ собою на пожертвованныя день-
ги, и распределить по отдѣльнымъ отрядамъ,
увы!—все, чтоказалось мнѣ такъ много въ Мо-
сквѣ, здѣсь, на мѣстѣ, оказалось весьма малымъ.
Дѣлить по всемъ отрядамъ и госпиталямъ—всѣмъ
будетъ слишкомъ мало; избрать сколько изъ
многихъ мѣсть—тоже кажется дѣломъ не легкимъ.
Послѣ всесторонняго обсужденія, мысль избрать
относительно раненыхъ главнымъ пунктомъ для
раздачи Александрополь, гдѣ всего холодаѣ и
гдѣ лежать самые трудные раненые, а относи-
тельно солдатиковъ — самые отдаленные отряды
всего болѣе нуждающіеся и всего болѣе постстра-
давшіе отъ лихорадки и лишеній, а именно: Арда-
ганъ, Озургеты, гдѣ стоитъ Кабулетскій отрядъ,
и Игдыры, гдѣ стоитъ Эриванскій отрядъ,—показа-
лась мнѣ самою цѣлесообразною.

Въ этотъ-же вечеръ узналъ о наградахъ за бле-
стящее дѣло 3 октября, о Георгіѣ 1-й степени
Великому Князю Намѣстнику, о Георгіѣ 2-й сте-
пени Лорисъ-Меликову, о Георгіѣ 3-й степени

Шелковникову и Лазареву, о 5,000 р. пожизнен-
ной пенсии Гейману и о брилліантовыхъ сабляхъ
московскому Роопу и генералу Шаку.

Писали о 20 тыс. илѣнныхъ. Ихъ оказывается
всего лишь 7,000. Пашей ждутъ завтра въ Тиф-
лисъ.

Среда, 12 октября Тифлисъ.

Сегодня, съ 10 часовъ утра, громадная толпа народа собралась на нашей улицѣ ожидать прибытия пашей въ нанятыя имъ помѣщенія въ нашей гостиницѣ. Незамѣченная мною нигдѣ еще полицея города Тифлиса оказалась въ блестящемъ комплектѣ у подъѣзда гостиницы, со старшимъ полицеймейстеромъ во главѣ. Разные военные чины прибыли въ гостиницу встрѣтить турецкихъ знатныхъ гостей. На площадкѣ лѣстницы поставленъ былъ даже караулъ. Проходившіе съ недоумѣніемъ спрашивали: неужто это почетный караулъ? Ожидали пашей въ 11; они прибыли въ первомъ часу. Впереди казацкій эскортъ. За нимъ прискакало нѣсколько колясокъ. Всѣ онѣ выстроились. Никто не выходитъ; видны фески. Мы спрашиваемъ съ удивленіемъ, что это значитъ?

— Старшій паша еще не пріѣхалъ, отвѣчаютъ намъ.

Минуты черезъ двѣ съ конвоемъ въ замкѣ прискакатъ, въ сопровожденіи офицера Нижегородского драгунскаго полка, Омеръ-папа. Онъ вышелъ изъ коляски съ весьма величественнымъ видомъ. Роста онъ очень большого, бѣлокурый, умное лицо, чисто-европейскій типъ, длинный, остроконечный носъ, что-то хитрое и холодное въ лицѣ. Каравалу скомандовали взять на плечо; паша прошелъ мимо, стуча саблей, и - наскоро отдалъ честь. За нимъ стали вылѣзать и другіе шесть пашей, съ ихъ свитой и прислугой. Всѣ казались веселы.

Вечеромъ въ тотъ-же день, около 6 часовъ, вся эта компанія сошла въ общую столовую обѣдать и помѣстилась въ особой комнатѣ рядомъ. При внимательномъ разглядываніи лицъ этихъ Турокъ невольно западаетъ сомнѣніе насчетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: Турки-ли они; до такой степени физіономіи у нихъ общеевропейскія, а у нѣкоторыхъ почти польскія. Омеръ-паша и троє изъ другихъ пашей говорятъ по-французски. Одинъ паша съ толстою фигурой, родомъ изъ Болгаріи, и понимаетъ по-русски. Всѣ они тщательно выдаютъ себя за Турокъ, а похожіе на Поляковъ, разу-

м'ется, не дают повода заподозрить ихъ действительной национальности. При нихъ есть переводчикъ, откомандированный изъ военныхъ; но такъ-какъ хозяинъ гостиницы М. Lecomte съ ними объясняется по-французски, то нужды въ переводчикѣ для обыденной жизни не существуетъ. Одинъ изъ пашей своякъ знаменитому Мухтару. Прибыли они весьма налегкѣ, то-есть при носильномъ платьѣ и при резиновыхъ пальто. Имъ отпускаютъ отъ казны готовую квартиру и 5 руб. въ сутки на содержаніе. Главный, Омер-паша, успѣлъ, однако, привезти съ собою двѣ лошади и, повидимому, имѣть при себѣ деньги. Сопровождавшій ихъ офицеръ разсказывалъ довольно любопытныя вещи, характеризующія то высокомѣрное ослѣпленіе насчетъ своихъ силъ, которое въ турецкихъ генералахъ остается даже послѣ такого дѣла, какъ сраженіе 3 октября.

Бѣжавшій 2 октября въ Карсъ Мухтаръ-паша виновникъ-де, по ихъ мнѣнію, въ томъ, что случилось. Они, а въ особенности Омеръ-паша, считавшийся старшимъ послѣ отѣзда Мухтара, самымъ безцеремоннымъ образомъ называютъ Мухтара невѣждой и глупцомъ. Въ этомъ ничего нѣтъ удивительного. Удивительно лишь то, что столь несомнѣнно оказавшійся неспособнымъ и столь

бесчетное число разъ битый въ Черногоріи Мухтаръ могъ таѣь долго въ кампаніи противъ нась держаться въ обманномъ обаяніи чего-то стоящаго генерала, и ради нась получить отъ султана брилліанты и званіе непобѣдимаго. Любопытно, что султанъ, въ дополненіе къ этому званію, послалъ Мухтару великолѣпное золотое блюдо, съ надписями изъ Корана, вырѣзанными и украшенными брилліантами; но блюдо это еще въ дорогѣ. По мнѣнію пашей, вѣроятно это блюдо вернутъ назадъ. Отѣѣздъ Мухтара въ самый разгаръ сраженія дѣйствительно являлся загадочнымъ. Онъ прїѣзжаетъ 2-го, вечеромъ, къ Омеру, и говорить ему, что єдетъ на самое короткое время въ Карсъ, но что онъ вернется и что, по его мнѣнію, онъ, Омеръ, можетъ быть спокоенъ: Авліарскія высоты неприступны, войска у него довольно, и Русская армія будетъ-де разбита. Затѣмъ Мухтаръ уѣзжаетъ, и на другой день къ вечеру Омеръ-паша принужденъ сдаться, видя себя окруженнymъ и отрѣзаннымъ отъ Карса и отъ разбѣжавшихся отрядовъ Мухтара. По мнѣнію Омера, Мухтаръ-паша долженъ быть отданъ подъ судъ. Когда его спрашиваютъ, а что бы вы сдѣлали на мѣстѣ Мухтара, то самымъ развязнымъ образомъ Омеръ-паша начинаетъ доказывать, что его планъ былъ такой,

и онъ предлагалъ его на осуществлениe Мухтару, но Мухтаръ по явной неспособности не понялъ и не принялъ его: взять 25 баталіоновъ и во время обходнаго движения Русскихъ броситься на нихъ, разбить ихъ и уничтожить, и затѣмъ, бросившись и тоже уничтоживъ центръ русскихъ войскъ, въ три перехода пройти въ Тифлисъ и взять его. И все это они говорятъ серіозно и убѣжденno, не принимая въ разсчетъ, что, по ихъ собственнымъ словамъ, турецкій баталіонъ теперь составляетъ всего 250 человѣкъ, а нашъ имѣетъ 700, и что онъ съ 25 баталіонами, то-есть съ 6,000 человѣкъ, признавалъ не только возможнымъ, но даже неизбѣжнымъ уничтожить нашъ обходный отрядъ въ 15 тысячъ человѣкъ.

Видѣлся сегодня со здѣшними, но прѣзжими весьма почтенными членами Краснаго Креста III. и X. Они перебираются со своимъ московскимъ лазаретомъ изъ Сурама въ Тифлисъ, въ предвидѣніи наступающихъ холодовъ. Позъ разговора съ ними узналъ, что и здѣсь, какъ и тамъ, на Дунай, идетъ глухая война между Краснымъ Крестомъ и военно-медицинскимъ вѣдомствомъ, проявляющаяся, во-первыхъ, въ затрудненіи Красному Кресту добывать себѣ раненыхъ, и, во-вторыхъ, въ мелкихъ разныхъ придиркахъ. Трудно

постичь логическую и психическую причины такого курьозного явления въ нашей жизни, каковымъ является это нерасположение военно-врачебного вѣдомства къ Красному Кресту въ дѣлѣ помоши раненымъ. И вѣдь благо-бы еще военное вѣдомство преизболовало средствами и имѣло право не нуждаться въ Красномъ Крестѣ, а то у него и тысячной доли того пѣтъ, чтѣ оно обязано имѣть, и ему вслѣдствіе этого помошь и содѣйствіе Краснаго Креста нужны какъ хлѣбъ наущный. Въ мѣстный Красный Крестъ доставлены изъ Москвы веревочныя приспособленія для перевозки раненыхъ. Казалось бы, отчего не попробовать и, попробовавъ, не примѣнить? Нѣтъ, учреждается комитетъ, и комитетъ, неиспробовавшій приспособленій на дѣлѣ, то-есть при перевозкѣ раненыхъ, забраковалъ ихъ по наружному виду, какъ будто только для того, чтобы сдѣлать пикину Красному Кресту. Такъ эти приспособленія и лежатъ. Московскій госпиталь въ Сурамѣ, съ комплектомъ 150 раненыхъ, никогда не могъ ихъ имѣть. Не даютъ, и конечно, а раненымъ въ этомъ госпиталѣ, говорятъ, отлично. Провозятъ мимо нихъ раненыхъ, они просятъ: „дайте намъ“; нѣтъ, несутъ мимо! О Красномъ Крестѣ надѣюсь поговорить подробнѣе.

~~~~~

Четвергъ, 13 октября.

Сегодня, въ день рожденія Великаго Князя Намѣстника, было торжественное служеніе въ Сіонскомъ соборѣ. Служащій людъ здѣсь поразителенъ своимъ многолюдствомъ: чуть-ли не такъ-же многочисленъ, какъ въ Москвѣ. Самое непредставительное мѣсто по мѣсту занимаетъ здѣсь Сіонскій соборъ, спрятанный посреди грязныхъ и мелкихъ зданий армянского квартала. Никакое перо не въ состояніи описать мерзости этого азіатскаго квартала, гдѣ вонь затрудняетъ вамъ дыханіе. Тамъ концентрируется грязь и деньги всего Тифлиса. Но затѣмъ, одѣтая и приглаженная и снаружи вымытая, эта азіатщина является и въ фешонебельныхъ частяхъ города со всѣми аллюрами господства, и имѣеть даже на Головинскомъ проспектѣ свой клубъ, со всею роскошью европей-

скихъ учрежденій. Чтобы понять силу и престижъ Армянъ и политическое ихъ значеніе, надо побывать въ Тифлісѣ. Тифлісъ, какъ мнѣ передавали здѣсь многіе, не только столица Кавказа, но и армянского царства. Это царство — столько же торговое, сколько всѣ виды интеллигентіи края, съ нитями, проведенными во всѣ концы его и ко всевозможнымъ лицамъ. Послѣ двухъ дней пребыванія въ Тифлісѣ задаешь себѣ вопросъ: да гдѣ же полиція, гдѣ же городское управлениe? На эти вопросы вамъ отвѣчаютъ, что въ азіатскихъ городахъ никакая полиція невозможна; прибавляютъ, что даже на главной улицѣ Тифліса по суткамъ лежить надаль! Понять, почему азіатской характеръ города мѣшаетъ его чисто содержать, въ особенности въ гигієническомъ отношеніи—невозможно. Кура есть полный резервуаръ всѣхъ нечистотъ города. Есть мѣста, гдѣ зловоніе отъ гніенія и заразы въ водѣ стоитъ въ воздухѣ и расходится далеко отъ набережной. Этую воду пьютъ! Оттого, какъ меня здѣсь увѣряли, Тифлісъ принадлежитъ по гигієническимъ своимъ условіямъ къ самымъ міазматическимъ и нездоровymъ городамъ въ Европѣ, а по смертности равняется Петербургу. Правда, увѣряютъ, что городъ онъ не лихорадочный, но зато здѣсь болѣзни, какъ: тифъ,

чахотка, скарлатина и другія, не перестаютъ царствовать въ теченіе круглого года.

Городское управление есть маленькая, довольно мило разыгрываемая комедія, и ничего болѣе. Мы передавали нeliшенный интереса эпизодъ, характеризующій хозяйственную жизнь Тифлиса. Но слушаю войны городской голова заявилъ въ Тифлисѣ, что многія лица, преимущественно изъ торговъющихъ, желали бы принести посильное пожертвованіе чаемъ и сахаромъ въ пользу раненыхъ, и просить дозволенія сдѣлать подписаніе при адресѣ въ Красный Крестъ. Ему дозволили. Подносить онъ адресъ, за 300 съ чѣмъ-то подписями, о пожертвованіи *12 фунтовъ чая и 11 пуд. сахара.*

Вообще, какъ я слышалъ, здѣсь на пожертвованія крупныя общественные не податливы. Впрочемъ, и то надо сказать, что, за исключениемъ Армянъ, тутъ богатыхъ обществъ весьма мало. А между тѣмъ Кавказскій край— одинъ изъ богатѣйшихъ краевъ на земномъ шарѣ. Несмотря на то, Кавказъ не малою долей живеть на счетъ Россіи. Почему это такъ, слишкомъ долго рассказывать; что неѣть мыслящаго здѣсь человѣка, который не зналъ бы и не говорилъ вамъ, что будь Кавказъ поставленъ въ нормальныя и обыкновенныя условія жизни и получи управление имъ правильный

общегосударственный характеръ—онъ бы могъ не только содержать себя, но и приносить значительные доходы Россіи. Осуществленію этой благодатной мечты не мало мѣшаетъ неспокойное состояніе края. А это отсутствіе спокойствія въ краѣ, кромѣ убытокъ, причиняемыхъ и казнѣ, и частному хозяйству, глубоко грустно, потому что доказываетъ, насколько непроизводительна и бесполезна была долгая, лѣтъ 40 тянувшаяся, система умиротворенія Кавказа. Трудно, узнавая многое о прошедшемъ и настоящемъ этого края отъ мѣстныхъ жителей, допускать мысль, что нынѣшнія смуты брали бы свое начало въ нынѣшихъ событияхъ. По многимъ признакамъ становится яснымъ, что, къ сожалѣнію, причины настоящаго беспокойства, охватившаго часть края, кроются глубже и беруть свое начало въ первыя эпохи умиротворенія края, когда иная изъ мѣръ, казавшаяся тогда на поверхностный взглядъ радикальными, оказываются теперь кройкою на живую питку. Здѣсь васъ поражаетъ въ разговорѣ съ людьми отсутствіе какого-нибудь общаго и положительного взгляда на Кавказъ. Одинъ вамъ говорить о золотомъ вѣкѣ во дни Воронцова; другой говорить, что не такъ, а золотой вѣкъ начался при кн. Барятинскомъ; третій говорить вамъ о Розенѣ; четвертый — все

зло видить въ Армянахъ, и такъ далѣе, и никто изъ частнаго, личнаго воззрѣнія не выходитъ.

Турецкіе плѣнныи наши продолжаютъ наслаждаться здѣсь жизнью. Сего дня они отправились въ италіянскую оперу, но, чтобы не быть предметами всеобщаго любопытства, одѣлись въ купленныи ими штатскія платья, а вмѣсто фесокъ надѣли на головы мерлушечки шапки. Главному пашѣ, Омеру, какъ мнѣ сказывали, дали на обзаведеніе и подъемъ тысячу рублей. Невольно подумалъ, узнавъ сбъ этомъ: сколько русскихъ храбрыхъ офицеровъ раненыхъ нуждаются теперь не то что въ тысячѣ, но въ семи и въ восьми рубляхъ! Очевидно, мы продолжаемъ и относительно нашей нашу старую систему, заслуживать гуманностью похвальные листы отъ Европы.

Пятница, 14 октября, вечеромъ.

Сейчасъ вернулся отъ бесѣды, богатой впечатлѣніями. Главнымъ собесѣдникомъ и разсказчикомъ былъ извѣстный, одинъ изъ самыхъ отличившихся генераловъ въ славномъ дѣлѣ 3 октября. Наружностию, статными проявленіями его личности и духомъ, дышавшимъ въ его разсказѣ, онъ произвелъ на всѣхъ насъ глубоко-симпатическое впечатлѣніе. Мы прожили часа три въ военномъ мірѣ Кавказской дѣйствующей Арміи мыслями и чувствами. И мысли, и чувства дѣлятся на два рѣзко противоположные міра: одинъ — отрадный, другой—печальный и грустный. Запиту на-скоро впечатлѣнія ихъ обоихъ.

Дѣло 3 октября, какъ видно изъ словъ этого, одного изъ главнѣйшихъ его участниковъ, было

ничто иное, какъ повтореніе дѣла 20 сентября съ тою лишь разницей, что дѣло 20 сентября не удалось, а дѣло 3 октября удалось блестящимъ образомъ. Не удалось-же первое дѣло потому только, что не угодно было господамъ генераламъ исполнить полученные ими диспозиціи.

По словамъ Ш., удача дѣла 20 сентября была несомнѣнна; невозможно было не привести Мухтара къ тѣмъ-же послѣдствіямъ, какъ и 3-го. Но невозможное оказалось возможнымъ. Всѣтѣно было занять Визинкевъ; всѣтѣно было занять Авліаръ, Большую и Малую Ягны. Первыя двѣ позиціи были не заняты непріятелемъ. По занятіи этихъ позицій Мухтаръ-бы быль отруѣзанъ отъ Карса. Занята была только Большая Ягна. Остальные позиціи остались не занятymi. Когда одному генералу во время дѣла посланъ быль запросъ: почему онъ не исполняетъ своей инструкціи, онъ отвѣчалъ, что дѣлаетъ такъ, какъ ему угодно, и диспозиціи ни отъ кого принимать не намѣренъ... Такъ или иначе, но дѣло 20 сентября было только потому неудачно, что во все время, какъ оно длилось, существовало полное разъединеніе между начальниками отрядовъ. Даромъ пропали силы и люди.

Дѣло 3-го было почти буквальнымъ его повтореніемъ. Но на этотъ разъ было единодѣйствіе, и уда-

ча явилась полная. При этомъ потери людей были гораздо менѣе значительны. Люди слабы, люди увлекаются личными страстями и дѣлаютъ промахи. Строго ихъ судить никто никакъ не можетъ. Но я увѣренъ, что при всемъ томъ, во время такихъ междуусобицъ и распрай на войнѣ, и предъ самымъ сраженіемъ, виновные въ нихъ недостаточно обращаютъ вниманія на то обстоятельство, что прямымъ и неизбѣжнымъ послѣствиемъ этихъ личныхъ интригъ и междуусобицъ всегда бываетъ, кромѣ неудачи, большая потеря людей; имѣй они эту мысль почаще въ головѣ, они-бы непремѣнно рѣшились бросить всѣ эти личные расчеты въ пользу общаго дѣла, ибо всѣ они люди добрые и солдатъ любятъ. Что 20 сентября пришлось оставить Большую Ягны вслѣдствіе недостатка воды, это вѣрно, такъ-какъ приходилось ее возить изъ-за 17 верстъ.

Неудача 20 сентября, при всей ея тяжести, согласно пословицѣ — „нѣть худа безъ добра“, имѣла одно выгодное для насть послѣствіе. Она окончательно ослѣтила и упоила успѣхомъ Мухтарапашу, вообразившаго себѣ, что онъ выигралъ чуть-ли не генеральское сраженіе. Обольщенный этой мечтой, Мухтаръ-паша успокоился и, въ полномъ

смыслъ слова, заснуль сномъ *неподъимаго*, до самаго 2 октября, когда далъ себя обойти самымъ безмятежнымъ образомъ.

Но затѣмъ главною, разумѣется, побѣдною силой были наши молодцы-солдаты. Что это за герои и молодцы, какъ они лѣзутъ впередъ, какъ они выносятъ походъ, это невообразимо. Просто, говорилъ Ш., самъ не вѣришь глазамъ. Подъ Зивиномъ, напримѣръ, солдатиковъ, подъ страшнымъ перекрестнымъ огнемъ, надо было насилиемъ заставить уходить. Не идутъ назадъ ни за что, и если бы не сила, до послѣдняго всѣ легли. Но этого мало: лошади при пушкахъ не идутъ, вязнутъ, скользятъ; наступаетъ критическая минута замедленій; солдаты бросаются и несутъ кашку, точно перышко, лишь-бы не запоздать! Это не шашки, движимыя чужой волей. Это масса людей-героевъ, проникнутая до глубины мозга сознаніемъ долга и горящая нетерпѣніемъ сразиться и исполнить удачно планъ задачи. Въ этомъ — громадная сила этого молодого войска.

— Да, говорилъ одинъ изъ военныхъ, — русскій солдатъ—это, знаете, такое зрелище, которымъ можно насладиться. Я не говорю, офицеры и генералы храбры! Но каждый-ли изъ нихъ есть личность; у каждого есть впереди цѣль, мечта, при-

манка, отличіе, карьера. А у солдата — ничего! Одно сознаніе долга, и именно *сознаніе*, вотъ-что великколѣпно. Вы это чувствуете, понимаете, осозаєте, когда вы съ нимъ въ походѣ.

Я спросилъ у Ш., въ какія отношенія стала къ Кавказскимъ войскамъ Московская гренадерская дивизія.

— Ничего, отвѣчалъ онъ, — Но вотъ что бѣда: лошади этой дивизіи; въ обходѣ позиціи Мухтара, 3 октября, онѣ чутъ не изгадали всего дѣла: не идутъ и кончено. Не могутъ онѣ привыкнуть къ нашей грязи и къ нашимъ горамъ. Вначалѣ наши Кавказскіе солдаты прозвали Московскихъ гренадеръ *саечниками* и уверяли, что они на сакахъ кормлены. Но теперь дастъ Богъ доростутъ и до Кавказцевъ. Да, оно и понятно: трудно и съ первого раза, прибывъ изъ Москвы, втянуться въ походную кавказскую жизнь. 20 сентября, поздно вечеромъ, я былъ свидѣтелемъ такой сцены: Лорисъ-Меликовъ, Гейманъ и нѣсколько другихъ генераловъ ъздили на Большую Ягну, пили чай; воду имъ принесли въ бурдюкахъ; достали самоварчикъ, и они, не пивши цѣлый день, принялись съ большими аппетитомъ за чай. Вдругъ подбѣгаеть одинъ офицеръ изъ Московской гренадер-

ской дивизіи: Бога-ради, говорилъ онъ взволнованнымъ и дрожащимъ голосомъ, обращаясь къ Лорисъ-Меликову,—дайте мнѣ хоть одинъ глотокъ воды, я умираю отъ жажды. Лорисъ-Меликовъ его сейчасъ-же усадилъ и далъ ему не глотокъ, а три стакана чаю, которые несчастный офицеръ проглотилъ въ какомъ-то лихорадочномъ забытьѣ. Потомъ, когда онъ утолилъ свою жажду и поблагодарилъ генерала, мы увидѣли, какъ слезы лились изъ его глазъ.

Я умираю отъ жажды,—да, именно такъ; это не была фраза; умираютъ отъ жажды, и какова была въ немъ драматическая сила этой нужды въ глоткѣ воды, чтобы побудить его просить о немъ!

— Вѣроятно, прибавилъ генералъ, — дней черезъ десять уже этотъ офицеръ могъ переносить не одинъ, а два дня жажды!

Да, но можемъ-ли мы составить себѣ хотя приблизительное понятіе о томъ, что испытываетъ человѣкъ, прежде чѣмъ *привыкнетъ къ жаждѣ*!

— А то какъ вообще кормятъ у васъ солдатиковъ? спросилъ я генерала III.

— На стоянкѣ и въ походѣ славно кормятъ, сколько разъ я ихъ борщу хлебалъ съ удовольствиемъ, но только въ походѣ до этого борщу имъ

не скоро добраться; все дни три-четыре сухоядение, пока кухни не подойдутъ.

— Что-же они ъдять въ сухояденії?

— Сухари.

— И' только?

— Да воду, больше ничего; къ этому привыкнешь; они знаютъ, что ничего не подѣлаешь, и духъ ихъ отъ этого не терпитъ.

— Ну, а сухари, по крайней мѣрѣ, хороши?

— Сухари хорошие, свѣжіе; солдаты получаютъ ихъ, какъ только испекутъ, лежать чисто; а въ первый день похода хватаетъ еще холоднаго мяса; имъ раздаются при отправлениі.

При этомъ я вспомнилъ, какъ одинъ изъ трехъ офицеровъ мнѣ рассказывалъ, что относительно продовольствія арміи Лорисъ-Меликовъ творить чудеса, благодаря своему умѣнью администрировать. У него были черты, внушающія къ нему любовь солдата; заботится о томъ, чтобы солдатъ былъ сытъ и берегетъ солдата.

— А что стало, спросилъ я, со старымъ казацкимъ боевымъ духомъ? Говорятъ, иные полки утратили этотъ духъ, напримѣръ Сунженцы, Нижегородцы.

— Духъ полка, отвѣтилъ мнѣ генераль, — въ особенности кавалерійскаго, зависить исключитель-

но отъ полковаго командира. Въ пѣхотномъ полку, отчасти по его многолюдности, а отчасти по тому, что онъ сливаются съ массой отряда, это непосредственное вліяніе на полкъ командаира менѣе ощутительно. Но въ кавалерійскомъ полку, составляющемъ особую единицу въ каждомъ отрядѣ и почти всегда совершающимъ извѣстную задачу, зависящую отъ его лихости и отваги, полковой командиръ можетъ испортить духъ полка и можетъ, напротивъ, разомъ исправить его. Иногда достаточно бываетъ одного дѣла, чтобы разомъ поднять полкъ, или, напротивъ, испортить его старый духъ. Солдаты въ походѣ страшно чутки на оцѣнку командаира; мало-мальски въ немъ нѣтъ лихости или распорядительности, сейчасъ же полкъ становится неузнаваемъ.

Въ этотъ же вечеръ генералъ рассказалъ любопытный и характерный эпизодъ. Великій Князь Намѣстникъ посыпалъ въ Александрополь одинъ изъ госпиталей. Лежалъ тамъ одинъ солдатикъ, раненый въ отрядѣ храбраго генерала Комарова.

- Ты раненъ прежде твоего командаира?
- Прежде, Ваше Высочество, отвѣтилъ солдатъ.
- А тебѣ жаль твоего командаира?
- Какъ не жаль, извѣстно жаль, онъ у насъ безъ фальши.

— Какъ такъ безъ фальши?

— А такъ, значитъ, фальши въ немъ никакой не было.

— Что-же это значитъ безъ фальши?

— А то значитъ, Ваше Высочество, коли про кого мы говоримъ, что онъ безъ фальши, значитъ все больше онъ напереди.

— А съ фальшью?

— А съ фальшью, значитъ это такой генералъ, что въ иную пору нѣсколько бываетъ позади.

— Неужели есть такие? спросили мы у генерала Ш.

— Есть; и ужъ гдѣ такой командиръ въ полку есть, тамъ плѣкъ изгаженъ.

— Могъ-ли Омеръ-папа, спросили мы генерала Ш., — не сдаться?

— Судя по положенію, въ которомъ мы его застали, онъ имѣлъ только два исхода: или прорваться черезъ наши войска и потерять девятнадцати своего войска, или сдаться. Другого выхода у него не могло быть. Когда мы подошли къ подножію горы, Турки стояли скученными на одномъ мѣстѣ въ страшномъ безгорядкѣ. Солдаты дали первый залпъ, и такъ цѣликомъ вырвали у этой толпы всю средину. Послѣ

втораго залпа показался парламентерскій флагъ. Они сдались.

При сдачѣ, къ сожалѣнію, убѣжалъ, пробравшись черезъ наши ряды, Кондуховъ. А съ Мухтаромъ бѣжалъ сынъ Шамиля.

Говорятъ, Дагестанцы сильно поживились на счетъ лагеря Омеръ-паши. Илѣнныи паша и офицеры, только-что ихъ забрали, стали заявлять о пропавшихъ или украденныхъ у нихъ вещахъ, и такъ какъ Лорисъ-Меликовъ щедро давалъ имъ денегъ за каждую пропавшую вещь, какъ-то: револьверы, шашки, то эти господа не побрезгали эксплуатировать великодушіе Лорисъ-Меликова до той минуты пока не были уличены въ обманѣ.

Въ числѣ эпизодовъ доказывающихъ, что главный недостатокъ между военнымъ начальствомъ въ арміи заключается въ томъ, что господа эти позволяютъ себѣ не исполнять безпрекословно получаемыя ими отъ главныхъ начальниковъ инструкціи, слѣдующій случай, бывшей уже послѣ 3 октября подъ Карсомъ, весьма характеристиченъ.

Утромъ *никто* получаетъ приказанье вести отрядъ войска, причемъ ему дается инструкція, куда идти и какъ идти, и съ точностью указываются тѣ дороги, которыхъ онъ долженъ избѣгать, чтобы не попасть подъ огонь Карскихъ укрѣплений.

Въ тотъ-же день послѣ обѣда, когда Великій Князь выходилъ со своимъ штабомъ изъ ставки, видять, вдали летить казакъ. Казакъ оказался изъ Оренбургскаго войска и, несмотря на только что полученную изъ рану, летѣлъ въ карьеръ, чтобы донести о несчастіи.

— Турки, Турки! кричалъ казакъ.
— Гдѣ Турки? Откуда? спрашивають его.
— Турки окружили нашъ отрядъ.
— Какой отрядъ? откуда, какъ?
— А тотъ отрядъ, который нынче вышелъ утромъ.

Нельзя было сомнѣваться.

Отрядъ этотъ былъ именно тотъ самый, которому строжайше было велѣно не попасть на дорогу подъ карсскіе выстрѣлы, и который, какъ оказалось, именно подъ выстрѣлы попалъ, и именно тою дорогой пошелъ, которую ему велѣно не брать.

Подняли пѣхоту, подняли кавалерію, подняли артиллерию, составили отрядъ и послали наскоро выручать нашихъ.

Оказалось, что отрядъ попалъ подъ выстрѣлы Карсской артиллерии и съ обоихъ фланговъ на него выступилъ али, справа пѣхота, а слѣза кавалерія.

Когда провинившийся вернулся и его командующий корпусомъ спросилъ: почему онъ измѣнилъ данный ему маршрутъ, тотъ, ни мало несмущенный, съ самодовольнымъ видомъ прескокой вспыльтилъ: по моимъ соображеніямъ призналь и эту дорогу лучше!

И никакой отвѣтственности этотъ господинъ не подвергся; того, что старому барину все равно подставлять даромъ подъ выстrelы наши войска — никто не принималъ во вниманіе. И если онъ былъ оружень и положить на хѣстѣ двѣ трети отряда для удовлетворенія своимъ собственнымъ соображеніямъ, все-таки онъ-бы подвергся отвѣтственности.

Вотъ эта-то возможность не подчиняться диспозиціямъ и эта безответственность всякаго самодовольного невѣжды, которому поручается отрядъ и который можетъ его повергать какой угодно опасности даромъ и безъ цѣли, по мнѣнію военныхъ, бесѣдовавшихъ съ нами, возмутительна и скандальна.

— У Нѣмцевъ, сказалъ генераль N., — за такое дѣло разстрѣляли-бы, будь этотъ генераль князь В. или князь А., это все равно.

— Да не только у Нѣмцевъ, отрѣзалъ другой военный, — у Турокъ за это отдаются подъ судъ и приговариваются къ смертной казни.

Одна изъ причинъ такого явленія заключается, по ихъ мнѣнію, въ томъ, что при главной квартирѣ есть не мало генераловъ, негодныхъ къ дѣлу по невѣжеству и неспособности, но съ громкими именами, которые не даютъ покоя и все предъявляютъ требованія на командованіе отрядами, съ одною лишь цѣлью отличиться и получить Георгія. Надоѣдаютъ они страшно, а иногда, чтобы отъ нихъ отдѣлаться, случается на бѣду такъ, что имъ даютъ командованіе, и тогда немедленно они воображаютъ себя военными геніями, знать не хотятъ никакихъ инструкцій, и всю цѣль своего подвига заключаютъ въ томъ, чтобы дѣйствовать по-своему, наперекоръ инструкціи, поумничать и отличиться.

Суббота, 15 октября.

Дни моего бездѣйствія въ Тифлісѣ все продолжаются. Жду обоза со вчерашняго вечера, а его нѣтъ, и мнѣ въ утѣшеніе говорять, что онъ врядъ-ли раньше восьмаго дня пріѣдетъ изъ Владикав-каза.

Ужасы во многихъ отношеніяхъ Тифлісѣ. Знаю, что въ немъ живеть бывшій комендантъ Еазида майоръ Штокфишъ, но гдѣ, не могу узнать. Посыпалъ въ коменданцкое управление—не знаютъ; посыпалъ въ полицію,—подавно не знаетъ. Вечеромъ искать, напримѣръ, кого-нибудь въ Тифлісѣ—настоящая мука. О дворникахъ и швейца-рахъ здѣсь понятія не имѣютъ. Во всемъ Тифлісѣ два дворника и два швейцара, по одному въ каждой изъ двухъ гостинницъ. Полиціи нѣтъ, даже слѣда, а ея обязанности въ иныхъ домахъ

исполняютъ собаки. Подойдешь къ дому, запушишь, на васъ выскакиваетъ цѣлая стая собакъ, и всѣ жители дома выбѣгаютъ смотрѣть и спросить васъ, не воръ-ли вы?

Посѣтилъ сегодня Складъ Краснаго Креста. Онъ помѣщается въ магазинѣхъ единого изъ болѣшихъ тифлисскихъ караванъ-сараевъ. Въ немъ наставлено пристанишкъ изъ Московскаго Склада вѣщей видимо-невидимо. Я засталъ большую дѣятельность въ Складѣ. Лазаретъ Краснаго Креста на 100 человѣкъ, доктора Рейера, перебирается изъ Александрополя въ Тифлисъ, въ зданіе обсерваторіи, и на устройство понадобились богатства Склада. Этотъ госпиталь доктора Рейера заявилъ уже себя отлично. Докторъ Рейеръ, доцентъ Дерптскаго университета, вызванъ былъ въ Тифлисъ и взялъ на себя вѣсти этотъ госпиталь. Онъ оказался замѣчательнымъ хирургомъ, и успѣхъ леченія раненыхъ былъ замѣчательный. Какъ мнѣ передавали, осматривавшій здѣсь госпитали профессоръ Грубе, бывшій тоже на театрѣ госпитальной дѣятельности въ Германскую войну 1870 года, нашелъ госпиталь Рейера въ отличномъ состояніи, а въ хирургическомъ отношеніи призналъ его по многимъ операциямъ выше видѣнныхъ имъ германскихъ госпиталей.

Назначеніе Склада Краснаго Креста весьма не-прочно. Получая большую часть вещей изъ Москвы, то-есть изъ таможняго Склада Краснаго Креста, онъ снабжаетъ по мѣрѣ требованийъ большую часть военныхъ госпиталей. Но по этому по-воду я узналъ вещь незвѣроятно-грустную: Изъ оныхъ госпиталей не поступаетъ никакихъ требо-ваній, несмотря на то, что они терпятъ пужду во-многомъ и что Красный Крестъ, въ размѣрѣ средствъ, никому ни въ чемъ не отказываетъ; причина этого странного факта заключается въ томъ, что военно-медицинское мѣстносъдомство относится крайне непріязненно къ старшимъ вра-чамъ госпиталей, требующихъ что-либо отъ Крас-наго Креста, и конфиденциаль но внушило внача-лѣ, при открытии дѣятельности Краснаго Креста, что тотъ изъ старшихъ врачей, кто заявитъ Крас-ному Кресту о какой-либо нуждѣ въ своемъ гос-питалѣ, потерпитъ на службѣ и можетъ лишить-ся мѣста. Право, не вѣрится этому факту, но за-писываю его потому, что мнѣ выдавали за его достовѣрный.

Видѣлся сегодня съ однимъ изъ врачей Крас-наго Креста. Коснулся этого именно вопроса въ разговорѣ. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что это весьма возможно, ибо нѣтъ тѣхъ непріятностей, которыхъ-

бы не дѣлало военное медицинское вѣдомство Красному Кресту.

— А что же, хорошо у нихъ, по крайней мѣрѣ, въ госпиталяхъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, очень не хорошо, недостатокъ у нихъ во всемъ, а если нужно что-либо экстренное для раненыхъ или больныхъ, они обязаны заводить переписку, на которую положить надо по каждому самому нужному требованію мѣсяцъ времени. Я самъ лично былъ свидѣтелемъ, какъ рядомъ съ нами, въ военномъ госпиталѣ, понадобился ледъ. Пришлось заводить длинную переписку, такъ-какъ значилось, что ледъ забыли помѣстить въ отдѣлѣ нужныхъ для госпиталей вещей.

— Ну и что же? Дали ледъ?

— Конца переписки я не дождался, но знаю, что такъ-какъ врачъ былъ хороший человѣкъ и ему жаль было своихъ пациентовъ, онъ, не дождавшись отвѣта по начальству, просилъ льду у насъ, и мы ему дали, но самое любопытное въ этихъ госпиталяхъ то, что врачи не имѣютъ времени заниматься больными.

— Какъ такъ?

— Да! Все лѣтнее время у нихъ обязательно уходитъ на составленіе систематическихъ свѣденій и отчетныхъ вѣдомостей, по всевозможнымъ

формамъ, для еженедѣльной ихъ отправки по начальству. Вообразите, что по разсчету, еслибы каждый врачъ при военномъ госпиталѣ занимался въ точности возложеню на него работой по отчетности, то не только ему пришлось бы не имѣть времени для ухода за ранеными, но не хватило бы времени на сонъ.

Я вспомнилъ, что еще въ Петербургѣ одинъ членъ Краснаго Креста передавалъ мнѣ содержаніе разговора равно съ однимъ изъ главныхъ лицъ военно-медицинскаго вѣдомства.

— Это чтò, это все пустяки, говорило сie важное лицо, называя пустяками разныя заботы о раненыхъ, — а вотъ главное — статистическія данныя; мы теперь перепечоляли Америку, вотъ.

И важное военно-медицинское лицо считало тюкъ разныхъ разграфленныхъ листовъ.

— Это чтò? спрашиваетъ членъ Краснаго Креста, испуганной такою массой бумаги.

— Это, сударь мой, ни болѣе, ни менѣе, какъ четырнадцать разныхъ вѣдомостей, частныхъ, и одна общая вѣдомость.

— Куда-же это и для чего это?

— Въ каждый госпиталь, для собиранія самыхъ малыхъ статистическихъ свѣденій.

— Кто-же это собирать будетъ?

- Врачи по госпиталямъ.
- А составлять кто будетъ?
- Тоже они.
- Да помилуйте, на такую работу сутокъ мало.
- Это вопросъ второстепенный; главное, чтобы были эти свѣденія.

Членъ Краснаго Креста, вѣроятно, вообразилъ себя разговаривающимъ съ душевно - больнымъ, взглянуль на это важное военно-медицинское лицо съ сожалѣніемъ и отчасти со страхомъ, и, боясь раздражить оное, отошелъ, сказавъ только, что у нихъ принята была одна вѣдомость и что этой одной признано было совершенно достаточно.

- А что, спросилъ я у врача Краснаго Креста,—исполняютъ военные врачи инструкціи по составленію своихъ статистическихъ данныхъ?
- Исполняютъ, но только толку никакого.
- Отчего?
- Оттого, что, во-первыхъ, мало времени, а во-вторыхъ, мало нужныхъ свѣденій.

Ужасныя подробности передавалъ мнѣ этотъ врачъ Краснаго Креста насчетъ доставки раненыхъ къ нимъ въ госпиталь изъ Ріонскаго, напримѣръ, отряда. Были случаи, что раненый доставленъ былъ ко мнѣ на 33-й день послѣ раны,

и эти 33 дня перевозился въ арбѣ подъ палящимъ солнцемъ съ мѣста битвы. Состояніе, въ которомъ его привезли, такъ ужасно, что перо отказывается описывать. И если принять во вниманіе, что, несмотря на то большая часть такихъ страдальцевъ, измученныхъ раной, измученныхъ перевозкой, возвращается къ жизни въ госпиталѣ Краснаго Креста, то легко понять, какъ неизмѣримо-велико благодѣяніе учрежденій Краснаго Креста.

Воскресенье, 16 октября, Тифлисъ.

Сегодня рано утромъ поѣхалъ въ такъ-называемые Троицкіе бараки, гдѣ лежать раненые. Чтобы доѣхать до этого мѣста, надо проѣхать весь армянскій кварталъ, то-есть міръ грязи и вони положительно невообразимой, куда, кажется, съ основанія Тифлиса не заходила ни единая мало-мальски энергичная рука полицеysкаго. Въ девятомъ часу, послѣ доброго получаса юзды, прибылъ къ этимъ баракамъ. Они за городомъ, къ нимъ ведеть шоссейная дорога, а немного далѣе отъ нихъ раскинуто громадное зданіе военнаго постояннаго госпиталя на 1,200 человѣкъ. Бараки построены для раненыхъ нынѣшней войны, на 600 человѣкъ, на открытомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то былъ садъ, но гдѣ отъ этого сада не осталось ни

единаго дерева, такъ что всѣ помѣщенія находятся подъ палиющимъ солнцемъ и лишены тѣни. Видъ этихъ бараковъ весьма непривлекательнъ. Постройка непрочная, некрасивая, небрежная и, сверхъ того, съ полнымъ отсутствиемъ чего бы то ни было похожаго на соблюденіе гигіеническихъ условій. Между каждымъ баракомъ стоитъ маленький домикъ для ретирадныхъ мѣстъ. Ни въ одномъ неѣтъ трубы, ни вѣнчаней, ни внутренней. Вонь отъ нихъ была не только сильная, но заразительная, и только тогда, когда прибылъ въ эти бараки отрядъ сестеръ милосердія изъ Петербурга, съ госпожею Тимашевою во главѣ, они принялись заливать эти мѣста карболовою жидкостью, выписанною по приказанію Великой Княгини изъ Петербурга.

Строило эти бараки здѣшнее инженерное вѣдомство. Судя по постройкѣ и по цифрѣ выведенныхъ расходовъ, видно, что здѣсь это вѣдомство сохранило еще во всей неприосновенности преданія старины глубокой инженернаго міра. Цифра расходовъ первоначально была 60 тысячъ рублей; знатоки говорили, что если положить половину на расходы дѣйствительные, то это будетъ очень много. Какъ-бы то ни было, но когда сумма 60 тысячъ была израсходована и бараки, призванные

готовыми, приняли подъ свой кровъ раненыхъ, оказалось, что дождь проходитъ черезъ крыши. Пришлось подшивать крыши войлокомъ и покрывать ихъ снаружи черепицею, на что потребовалось еще 20 тысячъ. Но при всемъ томъ не оказалось все-таки помѣщенія для склада вещей Краснаго Креста; принялись за постройку онаго, и затѣмъ теперь, по прекрасной мысли Великой Княгини, устраивается походная церковь.

Прибытие г-жи Тимашевой со своими сестрами принесло новый, теплый и ежеминутно предусмотрительный міръ въ бытъ этихъ бараковъ. Кроме того, какъ мнѣ сказала г-жа Тимашева, къ чести главнаго доктора г. Козловскаго, надо сказать, что онъ, вопреки воззрѣніямъ военно-медицинского вѣдомства на Красный Крестъ, проявилъ къ старшей сестрѣ и къ помощницамъ ея не только сочувствіе и уваженіе, но, такъ-сказать, отдалъ имъ въ полное распоряженіе по хозяйственной части бараки, и теперь, благодаря дружному единодѣйствію между Краснымъ Крестомъ, врачами военно-медицинского вѣдомства и сестрами милосердія, раненые находятся въ отличныхъ рукахъ и на отличномъ содержаніи. Все, что требуетъ для пользы больнаго врачъ, все, что для улучшенія содержанія требуютъ сестры милосердія, все то Крас-

ный Крестъ отпускаетъ, не останавливаясь ни предъ какими расходами. И въ этомъ отношеніи ежедневно посѣщающій свой складъ при баракахъ членъ Краснаго Креста, г. Рейтеръ, по отзыву госпожи Тимашевой, оказываетъ ей, сестрамъ и нуждамъ раненыхъ самую сердечную и никогда неослабѣвающую помощь.

Я прибыль ко времени отправленія партіи раненыхъ во Владикавказъ. Фургоны стояли уже выстроеными, и въ нихъ размѣщено было до 200 больныхъ, изъ легко раненыхъ и поправляющихся. Въ этотъ разъ прибавилось новое улучшеніе, введенное заботою Краснаго Креста, въ виду наступившихъ холодовъ на горахъ, доставленія возможности раненымъ, въ случаѣ если помѣщенія на станціяхъ заняты больными или пересыльными партіями, ночевать въ фургонахъ. Улучшеніе это заключалось въ томъ, что верхъ фургона былъ подбитъ толстымъ сукномъ и сверхъ сукна обтянутъ парусинкою. Въ случаѣ, холода съ трехъ сторонъ верхъ фургона можетъ быть наглухо закрытъ, а съ четвертой стороны опускается сукно, съ отверстіями для воздуха. Само собою разумѣется, что улучшеніе это въ случаѣ холода сильного весьма недостаточно достигаетъ своей цѣли, въ особенности, еслибы пришлось несчастнымъ раненымъ

ночевать въ этихъ фургонахъ, но все-же лучше хоть это, чѣмъ ничего. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что мысль о возможности раненымъ не находить мѣста для ночлега не должна быть даже допущена, а отправка ихъ должна производиться не иначе, какъ по полученіи съ дороги, телеграфическихъ извѣстій, что въ noctлежныхъ пунктахъ помѣщенія свободны и приготовлены.

Тутъ-же я нашелъ сестру милосердія княгиню Шаховскую и доктора Розанова изъ Москвы. Оба признали необходимымъ поѣхать съ этимъ транспортомъ раненыхъ до Владикавказа, чтобы лично убѣдиться въ цѣлесообразности улучшений и пропроверить, на сколько устроенные Краснымъ Крестомъ пункты для остановки раненыхъ исполняютъ свои инструкціи и снабжаютъ раненыхъ пищею, чаемъ, виномъ и ночлегами. О результатахъ поѣздки этихъ лицъ я зачишу въ дневникъ. Повторю здѣсь, что сказалъ выше въ моемъ дневнике. Хотя, эти большіе фургоны далеко не удобнѣйшіе экипажи для перевозки раненыхъ, но примите въ соображеніе: 1) что дорога до Владикавказа хотя и гориста, но гладка, 2) что больные лежатъ на тюфякахъ, 3) что везутъ ихъ нешибко и 4) что перевозимые больные принадлежать къ разряду не тяжело раненыхъ; нельзя не быть и за эти пере-

возочныя средства благодарнымъ Красному Кресту, и сами раненые говорятъ, что для нихъ этотъ фургонъ удобенъ.

Я обошель всѣ бараки. Вездѣ производилась перевязка. Помѣщенія низки и, несмотря на открытые окна, душны. Кровати, весьма нехитрыя—стоять слишкомъ тѣсно одна возлѣ другой. О чёмъ, бы то ни было похожемъ на удобство нѣть и помину. Бѣлье сравнительно чисто. Больные веселы. Всѣ жалуются на недостатокъ книгъ. Евангелій есть у нихъ довольно. Раздаютъ ихъ раненымъ на время пребыванія въ госпиталѣ, но, разумѣется, ни отъ одного изъ нихъ до сихъ поръ евангеліе не было возвращено,—такъ цѣнятъ бѣдняги эту угѣшавшую ихъ въ минуту скорби и печали книжку. Есть изданія нашихъ редакторовъ, переводы съ англійскаго, дешевые и хорошо написанные, но не для солдатъ. Солдатъ начнетъ читать и заснетъ отъ скуки и непониманія. Они все просятъ житія святыхъ. Обрадовался, что приобрѣтенные мною въ Петербургѣ книжки сейчасъ-же пригодились. Роздалъ просившимъ нѣсколько Евангелій. Присутствовала при раздачѣ махорки. Ея маленькими пучками раздаютъ два раза въ неѣлю. Чай получаютъ они каждый день утромъ. Былъ на кухнѣ и нашелъ тамъ готовившіяся вели-

котынныя и т. д. Вечеромъ ужинъ. Тому изъ раненыхъ, кому нужна особенная пища, или усиленная порція, или вино, или ромъ, немедленно выдается по распоряженію агента Краснаго Креста.

Г-жа Тимашева и сестры обходяты бараки по п'ескольку разъ въ день, обо всемъ заботятся, во все входятъ, пишутъ для раненыхъ письма и вообще заставили себя полюбить и уважать. Въ числѣ сестеръ нашелъ чрезвычайно молодыхъ. Одной восемнадцатый годъ; пошла по непреодолимому призванію и ею очень довольны. При нась какія-то дамы, прибывши изъ Тифлиса, раздавали булки раненымъ. Увы, приношеній теперь меныше приходится на долю раненыхъ. Прежде, какъ мнѣ говорили, бараки были мѣстомъ съѣзда всѣхъ тифлисскихъ жителей и всякой пріѣзжалъ съ приношеніями и газетами. Раненые до того были въ то время избалованы этими приношеніями, что сами заказывали, что кому принесть, а кто ничего не привозилъ, тотъ принимаемъ былъ холодно; но все это проявлялось не нагло, а добродушно. Теперь бѣдняжки уже не балуются: спасибо говорятъ они и тому, кто просто ихъ навѣщаетъ, и ничего, ни о чёмъ не просятъ. Нашелъ я въ числѣ раненыхъ четырехъ Московскихъ гренадеръ

Перновского полка, легко раненыхъ въ дѣлѣ 20 сентября. Они веселы и бодры.

— Ну что, домой хочется? спросилъ я ихъ.

— Куды домой, отвѣтилъ молодой парень,— на войну хочется.

— Хочется?

— Страстъ, какъ хочется.

Большинство гренадеровъ Московскихъ изъ раненыхъ остались въ Александриополѣ.

Какое-же общее впечатлѣніе вынесъ я?

Общее впечатлѣніе, скажу по совѣсти, отрадное во всемъ, что касается ухода за ранеными. Видишь и чувствуешь, что они въ рукахъ хорошихъ людей, а это главное; безотрадное-же относительно помѣщеніе и условій гигіиены. Хуже трудно себѣ что-нибудь представить, и великъ грѣхъ тѣхъ, которые изъ денегъ, назначенныхъ на постройку раненымъ помѣщеній, извлекли себѣ такъ много, а раненымъ такъ мало! Гадко и грустно натыкаться на такія рѣзкія проявленія недобросовѣтности и безчеловѣчности.

Возлѣ барака есть палатки. Въ этихъ палатахъ лежать больные солдаты. Бѣдненькие! Къ нимъ никто не заходитъ, и не разъ иные изъ нихъ со слезами на глазахъ говорятъ: чѣмъ-же мы виноваты, что мы не раненые, а больные; настѣ

точно за это наказывают; имъ все даютъ, а намъ ничего. Даже чаю имъ не даютъ. Великая Княгиня послала ихъ налатки и просила Красный Крестъ позаботиться объ этихъ бѣдныхъ больныхъ солдатикахъ. Съ тѣхъ поръ имъ посылаютъ чай, сахаръ и табакъ. Частицу чаю, сахару и табаку изъ привезенныхъ мною изъ Москвы я назначаю этимъ больнымъ, чтобы не обидно имъ было въ сравненіи съ ранеными.

А груза моего все нѣть и нѣть!

Понедѣльникъ, 17 октября, Тифлисъ.

Посѣтилъ только что переведенный изъ благо-
датнаго Сурама госпиталь Краснаго Креста Мо-
сковскаго дворянства, коего уполномоченнымъ со-
стоитъ В. А. Шереметевъ. Послѣ усиленныхъ ро-
зысковъ онъ нашелъ довольно удовлетворительный
домъ, на Воронцовской набережной, и перебрался
въ него изъ Сурама. Въ Сурамѣ, какъ говорять,
госпиталь ихъ былъ для раненыхъ раенъ, во-пер-
выхъ, потому, что было просторно, а, во-вторыхъ,
чудесныя климатическія условія дѣятельно помо-
гали медицинѣ и уходу. Но наступили продолжи-
тельные холода. пришлось перебираться на зим-
нія квартиры. Найти что-либо вполнѣ удовлетво-
рительное для лазарета въ Тифлисѣ довольно труд-
но. Такъ, напримѣръ, въ гигіеническомъ отноше-

вії пріискать вполи є подхоящее мѣсто невозможнo. Благодаря отсутствію поліції и надзора за чистотою, всегда найдется причина дурного воздуха. Вблизи лазарета рѣка Кура. А рѣка Кура, иначе сказать, есть помойное вмѣстилище всего Тифліса, и на отмели складываются нечистоты! Извольте вы тутъ добиваться чистаго воздуха. Домъ госпиталя въ два этажа, съ большимъ дво-ромъ, садикомъ, довольно тѣнистымъ, хорошо выстроенный, имѣть балконъ, стоитъ на веселомъ мѣстѣ. Въ немъ помѣщаются до 90, если не менѣе, больныхъ и раненыхъ. Въ числѣ ихъ есть одинъ Турукъ, Абдулка. Наши съ нимъ играютъ, какъ съ дитяткою. Абдулка-же успѣлъ къ нимъ привыкнуть и боится ихъ меньше. Онъ былъ увѣренъ въ начальѣ, что какъ только онъ поправится, его неизрѣдько повѣсятъ, и со страхомъ ждалъ этой роковой эпохи. Развить очень мало, почти не говорить и по цѣлымъ часамъ сидѣть въ одиночествѣ въ какомъ-то тупомъ раздумъи. Большая часть раненыхъ поправляется. Три есть тяжело больныхъ и безнадежныхъ. Впрочемъ, какъ мнѣ говорили въ этомъ лазаретѣ, слово „безнадежный“ въ устахъ медпка не всегда оказывалось вѣрнымъ. Творились чудеса съ ранеными, вопреки всѣмъ предсказаніямъ науки. Были случаи рань

въ голову, съ пробитіемъ черепа и съ тимпаніа-
ціею черепа, окончившіеся благополучно; случаи,
когда раненаго привозили съ раною, успѣвшою
гноиться цѣлымъ двѣ, три недѣли, и все-таки онъ
исправлялся; былъ случай такой: пуля попала въ
часы, пробила ихъ и весь механизмъ часовъ ока-
зался въ желудкѣ; поодиночно надо было выни-
мать каждое колесо, каждую малѣйшую частичку
механизма, и въ-концѣ-концовъ раненый выздоро-
вѣлъ. Нынѣшніе тяжело больные пришли въ без-
надежное состояніе не отъ ранъ, но отъ худосо-
чія: у одного брайтова болѣзнь, а у другого, Бая-
зидца, изнуреніе отъ разстройства пищеваренія.
Нужно-ли говорить, что за отрадныя впечатлѣнія
выносишь при осмотрѣ этого госпиталя! Это, въ
полномъ смыслѣ слова, большая семья, гдѣ отецъ
и мать—мужъ и жена Шереметевы, а раненые—
дѣти. Каждаго они знаютъ по имени, состояніе
каждаго знаютъ въ малѣйшихъ подробностяхъ,
знаютъ семейныя обстоятельства каждого, отъ каж-
даго приобрѣли безграничное довѣріе и каждому
вселили то чувство любви и уваженія, благодаря
которому облегчается для каждого изъ этихъ
бѣдныхъ страдальцевъ доля долгихъ и мучитель-
ныхъ страданій, нравственныхъ и физическихъ.
Живымъ и хорошимъ дополненіемъ къ этимъ ро-

дителямъ раненыхъ являются здѣсь сестры милосердія, врачи и нѣкоторыя изъ сидѣлокъ. Все это вмѣстѣ опять-таки тѣсно и во едино сплоченная семья. Старшій врачъ, Брунсь, заявилъ себя отличнымъ хирургомъ и тѣмъ прекраснымъ русскимъ человѣкомъ, котораго раненый съ первого раза любить и которому отдаетъ свою судьбу съ довѣріемъ. Это послѣднее много значить, какъ духовное начало въ госпиталѣ и какъ условіе, помогающее общему ходу въ немъ жизни. Въ этомъ госпиталѣ перебывало до 400 раненыхъ, если не ошибаюсь. На это число смертныхъ случаевъ было 14. Выздоровѣвшіе и возвращающіеся или домой, какъ неспособные, или въ войско, получаютъ отъ больницы посильную помощь бѣльемъ и деньгами. Для первыхъ это особенно нужно, ибо несчастные неспособные, по выходѣ изъ больницы, должны возвратиться на родину, какъ они вошли въ больницу, иной даже безъ мундира, а деньги въ видѣ суточныхъ ему приходится получать на уѣздѣ его родины.

Странное впечатлѣніе вынесъ я при первомъ свиданіи съ старшою сестрой милосердія въ этомъ госпиталѣ, Н. А. Ш. Послѣдній разъ видѣлъ я ее въ одной изъ гостиныхъ Москвы. Разговаривали мы тогда обо всемъ, о чёмъ говорятъ въ го-

стиной—и о политикѣ, и о войнѣ, и о модахъ, и о московскихъ дѣлахъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя вижу эту самую русскую женщину большого свѣта въ передникѣ Краснаго Креста, въ простомъ платьѣ, въ образѣ неутомимой простой работницы; говорить она о каждомъ раненомъ съ какою-то горячою любовью, всякой медицинскій терминъ ей знакомъ, потому что связанъ съ состояніемъ Петра или Федора; интересуетъ ее только этотъ міръ страданій и печали, ставшій для нея безконечно шире и огромнѣе міра политики и злобы дня Москвы и Петербурга, и нѣтъ въ днѣ минуты, и въ душѣ чувства и мысли, которые не были бы ею отданы всецѣло и исключительно раненымъ, и только раненымъ.

Чудесны эти метаморфозы, чуденъ этотъ образъ, прекрасно это зрѣлище. Почему? Тутъ не въ ней лично дѣло, не хвалу Н. А. Ш. я записываю въ свой дневникъ. Она въ ней не нуждается, и даже ей эта хвала, я павѣрное знаю, непріятна, да я и не хвалю; я снимаю съ правды жизненной портретъ и болѣе ничего. Тутъ что хорошо: это образъ русской женщины, прекрасный образъ; онъ благословенъ, онъ—русской женщины образъ, русской женщины, вѣрующей, любящей, могучей волею, самоотверженіемъ, могучей

именно безсosловностью. Не ломаютъ-ли наши
лже-либералы и тупоумные прогесисты себѣ го-
лову надъ изобрѣтеніемъ современной женщины
и женскаго вопроса? Много они создали: типъ
стриженой нигилистки и больше ничего. А по-
смотрите-ка, что создала русская скорбь; какой
свѣтлый образъ русской женщины, въ сотни лицъ
всѣхъ сословій и положеній, гдѣ бабенка подня-
лась до барыни, а барыня поднялась до бабенки
въ духовномъ и единомъ пониманіи любви къ
ближнему, состраданія къ раненому и высоко-
христіанскаго призванія въ женщинѣ, словомъ въ
пониманіи идеаловъ русской церкви и, слѣдова-
тельно, русскаго народа. Это крупныя событія въ
нашой жизни; возрожденіе во всей своей духов-
ной силѣ русской женщины у святого одра ране-
наго, гдѣ боярыня становится сестрой кресть-
янки, и именно сестрою любви, сестрой милосердія!

Въ этомъ госпиталѣ есть сидѣлка; на видъ про-
стая, ничѣмъ неотличающаяся отъ общаго типа,
среднихъ лѣтъ бабенка. Прибыла она изъ Москвы;
родомъ крестьянка. Была она въ нянюшкахъ въ
одной семье, гдѣ выросла всѣхъ дѣтей. Пришла
она къ старшей сестрѣ милосердія г-жѣ Ш. и
просится ухаживать за больными.

— Мнеъ только и любо, говорить она,— что дѣ-

ти да больные; дѣтамъ послужила, а теперь хочу послужить и раненымъ.

Взяли ее съ радостью. А теперь эта сидѣлка есть поистинѣ добрый ангелъ для всѣхъ трудныхъ больныхъ, требующихъ особенно внимательнаго и нѣжнаго ухода. И откуда у этой бабенки берутся всѣ эти сокровища тончайшихъ чувствъ и безконечно разнообразныхъ оттѣнковъ участія, привзывающія къ ней больныхъ какимъ-то нѣжнымъ глубочайшимъ чувствомъ благодарности и любви? Вотъ уже три мѣсяца, какъ она въ своей должности. Когда она спитъ, никто не знаетъ; ляжетъ она или приткнется на полъ въ углу той комнаты, гдѣ лежитъ трудный больной, и будто спать собирается; а между тѣмъ только шевельнется больной, только кашлянетъ, или надо примочеку положить, лѣкарство дать, она тутъ какъ тутъ подойдетъ, потрогаетъ голову, одѣнетъ, поможетъ перевернуться, лекарство подастъ, и это по десяти, двадцати разъ въ ночь, а днемъ она все на ногахъ. все на работѣ,—бѣлье штопаетъ, прибираетъ, сказки разсказываетъ, и все весела, и все бодра.

Какъ-то однажды просится она въ сестры милосердія.

— Для чего тебѣ, ты и такъ лучше всякой сестры милосердія, отвѣ чаютъ ей.

— Хочется, потому докторъ со мною тогда будеть совѣтоваться, добродушно отвѣтила сидѣлка.

Другой разъ застаютъ ее читающею болѣному книжку.

Больной видимо силится находить это чтеніе интереснымъ, но не можетъ: устаетъ и засыпаетъ.

Смотрѣть, что это за книжка: оказывается латинская грамматика. Книжку эту она достала въ Москвѣ съ мыслью учиться латинскому языку, такъ-какъ ея сынъ въ гимназіи тоже по этой книжкѣ учится. Бѣдный больной не рѣшался сказать любимой сидѣлкѣ, что эта книжка его не интересуетъ, онъ заставлялъ себя слушать ее изъ любви къ этой женщинѣ. Надняхъ ее страшно огорчили: положили ее спать съ другими сидѣлками, съ мыслью дать ей отдохнуть. Она въ слезы, и объявляетъ, что если такъ, то она уѣзжаетъ въ Москву. Мысль, что ей не дадутъ стеречь всѣхъ своихъ дорогихъ больныхъ ежеминутно, ее глубоко огорчила и оскорбила.

Что-же касается материальнаго состоянія больницы, то она во всемъ и вполнѣ обеспечена.

Сегодня вечеромъ прибылъ изъ Горнаго Студеня курьеромъ флигель-адъютантъ Демидовъ-Лопухинъ, съ Георгиемъ 1-й степени Великому Князю. Онъ

прибыль баснословно-скоро, выѣхавъ 10-го изъ Горячаго Студеня.

События на здѣшнемъ театрѣ военныхъ дѣйствій получаются новый интересъ. Гейманъ съ одной стороны, а Тергукасовъ съ другой—преслѣдуютъ Измаила-пашу, но здѣсь полагаютъ, что оба, а послѣдній въ особенности, поздно взялись за преслѣдованіе, и предсказываютъ, что Измаиль-паша улизнетъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что между 3-мъ и 13-мъ, когда Гейманъ выступилъ, прошло 10 дней нерѣшительности и совѣщаній.

Пленные паши выѣхали изъ Тифлиса.

Ихъ хотѣли везти на перекладныхъ. Они взбунтовались и изволили объявить, что не поѣдутъ, и не привыкли къ русскимъ телѣгамъ. Вслѣдствіе этого, имъ поданы были почтовыя кареты и ресорные экипажи, съ шестернями лошадей къ каждому экипажу. На это они изволили изъявить свое удовольствіе, и вслѣдствіе огромнаго числа забранныхъ подъ нихъ лошадей, бѣдные проѣзжающіе по Военно-грузинской дорогѣ будутъ сидѣть трое сутокъ безъ лошадей. А офицеру русской военной службы, ихъ сопровождающему, назначено 50 коп. суточныхъ, и посадили его не въ карету, а какъ сажаютъ прислугу—въ омнибусъ! Все это гуманность!

Вторникъ, 18 октября.

Первая часть моего груза прибыла, но увы! меньшая. Она послана была съ русскими ломо- выми извозчиками, которые кормятъ своихъ лоша- дей овсомъ и останавливаются на постоянныхъ дворахъ. Другая-же, большая часть груза, отправлена на осетинскихъ извозчикахъ, и увы! они кор- мятъ лошаденокъ своихъ подножнымъ сѣномъ, ко- тораго, кажется, нигдѣ нѣтъ, вслѣдствіе чего ло- шаденки останавливаются чуть-ли не на каждой вер- стѣ, безмолвно прося корма. Къ сожалѣнію, при- шлось прибѣгнуть къ нимъ, ибо русскихъ извоз- чиковъ не хватило.

Сегодня въ полдень прибыла депеша, всѣхъ по- вергшая въ разочарованіе. Въ ней возвѣщалось о соединеніи Тергукасова съ Гейманомъ въ 30 вер-

стахъ отъ Эрзерума, и о томъ, что оба продолжаютъ преслѣдоватъ Измаила по пятамъ. Или это насмѣшка корреспондента, или ошибка. Никто не можетъ понять: какъ можно, устроивъ ночлегъ въ 30 верстахъ отъ Эрзерума, преслѣдоватъ Измаила по пятамъ. Неужели-же Измаиль-паша будетъ въ 30 верстахъ отъ Эрзерума ожидать, пока, переночевавъ, русскіе отряды примутся его преслѣдоватъ? Во всякомъ случаѣ, положеніе отрядовъ критическое, и они не достигли своей цѣли, ибо рѣчь шла о томъ, чтобы занять Киприкей прежде Измаила-пши, а именно это не удалось. Не лишній-ли разъ дружескія услуги оказали нашимъ генераламъ мнимые лазутчики? Нынѣшняя кампанія обнаружила несомнѣнно, что у Турокъ лазутчики есть, и хороши, а у насъ ихъ шѣсть, а есть мошенники, эксплуатирующіе добродушіе и честность нашихъ начальниковъ отрядовъ. Сегодня въ одномъ домѣ, въ числѣ гостей, былъ недавно вернувшийся изъ отряда Лорисъ-Меликова молодой человѣкъ, постоянно бывшій по обязанностямъ службы близко къ штабу. Онъ разсказывалъ подробноти на счетъ лазутчиковъ нашихъ крайне-интересныя.

Лазутчиковъ, или такъ себя называвшихъ Армянъ, не мало являлось въ лагерь командовавшаго дѣй-

ствующимъ корпусомъ, при которомъ было лицо, завѣдывавшее имъ и исправлявшее должность переводчика при генералѣ Лорист-Меликовѣ. Всякий изъ этихъ лазутчиковъ приносилъ съ собою какое-нибудь важное, будто-бы, извѣстіе или клочокъ бумаги, на которомъ значилась по-арабски или турецки переписка между Мухтаромъ и Измаиломъ; всѣ эти свѣденія принимались съ вполнѣйшимъ довѣріемъ, лазутчикамъ платили 10, 15 или 20 р., смотря по важности извѣстія, и немедленно принимались зависѣвшія отъ доноса мѣры. Напримеръ, передано было лазутчикомъ извѣстіе о немедленно будто-бы предстоящемъ отступлѣніи Мухтара и его арміи; 3,000 арбъ уже стоять готовыя, прибавляется лазутчикъ, сами видѣли и пересчитали; ночью Мухтаръ выступить. Тотчасъ же дѣжалось распоряженіе готовиться въ походъ: всѣ солдаты почуютъ въ ранцахъ и при ружьѣ. Всю ночь не спали. Къ утру оказывается, что Мухтаръ-паша и не думаль ни отступать, ни двигаться, и не то что 3,000, ни одной арбы не было. А лазутчиковъ и слѣдѣ простылъ. Добродушіе доходило до того, что лазутчики приходили подъ Карсомъ и приносили жестяные стаканчики въ подарокъ, говоря: вотъ это тебѣ, мы сейчасъ изъ Карса, на, возьми, видишь, мы это оттуда унесли...

Но отъ смѣшнаго до трагическаго, также какъ и до великаго — одинъ только шагъ. Слѣдующій эпизодъ, если онъ вѣренъ, доказываетъ, какъ дорого можно поплатиться за промахъ переводчиковъ.

Однажды, при поимкѣ подъ арестъ одного напившагося Дагестанца изъ отряда, находяты у него въ карманѣ бумажку. Бумажку эту передаютъ переводчику. Онъ переводить ее, говоря, что она написана по-арабски, и объявляетъ, что это письмо Мухтара къ Измайлу. Въ запискѣ значится что-то въ родѣ этого: „Жди меня скоро; привожу тебѣ сильныя подкрепленія. Мухтаръ“. Дагестанца, явно уличеннаго въ измѣнѣ, приговариваютъ къ повѣшенію въ 12 часовъ ночи. Командиръ полка и некоторые другіе генералы просятъ отмѣнить казнь до 4 часовъ утра, предполагая, что тутъ должно быть какое-нибудь недоразумѣніе. Недоразумѣніе обнаружилось. Одинъ изъ офицеровъ отряда прочиталъ предъявленную ему записку. Она дѣйствительно была по-арабски и дѣйствительно подписана Мухтаромъ, но только не главнокомандующимъ и не непобѣдимымъ, а старшиной того селенія въ Дагестанѣ, откуда прибылъ Дагестанецъ, и въ ней значилось: „Сія лошадь куплена у такого-то правильно такимъ-то,

что удостовѣряю. Старшина Мухтаръ⁴. Къ этому присоединяются показанія офицеровъ и коман-дира о честности и хорошемъ поведеніи мнимаго измѣнника. Къ счастію, Дагестанецъ былъ во-время спасенъ.

Сегодня ночью прибылъ въ Тифлисъ и отира-вился въ Горный Студень изъ-подъ Карса гене-ралъ Обручевъ, вызванный въ штабъ Дѣйствующей Арміи на Дунай по телеграфу. Какъ я слышалъ, въ штабѣ подъ Карсомъ полагаютъ, что въ Карсѣ не болѣе 6,000 турецкаго войска. Дороги ужасны, но духъ войскъ превосходный. Взятый у Турокъ въ громадномъ количествѣ провіантъ послужить войскамъ на угощеніе. Холодъ тамъ не особенно большой.

Среда, 19 октября, Тифлісь.

Былъ въ маленькомъ кружкѣ молодыхъ офицеровъ. Поразившая всѣхъ насть вѣсть о геройской смерти Илеминника Государя, Князя Сергія Лейхтенбергскаго, произвела на военную молодежь какое-то особенное, глубоко и высоко нравственное дѣйствіе. Бѣдный юный герой явился имъ какъ будто олицетвореніемъ и запечатлителемъ той духовной связи, которая объединяетъ Царя и его Семью съ русскимъ воиномъ и Русскимъ народомъ. Опи гордятся имъ и чувствуютъ, что Онъ своею геройскою смертью прославилъ Себя, прославилъ и ихъ, прославилъ всю семью павшихъ до него героевъ, прославилъ и Царя своего!

Бѣдный юноша! Думалъ-ли онъ, на зарѣ своей жизни, во цвѣтѣ и блескѣ красоты, съ цѣлою будущностью впереди, проститься съ жизнью, от-

правляясь, какъ вѣрный сынъ Россіи, въ походъ по влечению своего сердца? Не мечталъ-ли и онъ, отправляясь въ рекогносцировку, какъ всѣ боевые его молодые товарищи, о подвигѣ храбости, о Георгіѣ, о радости вернуться въ Петербургъ съ несомнѣнными доказательствами того, что Онъ былъ въ бою тѣмъ-же лихимъ и неустршимымъ воиномъ, какъ всѣ русскіе офицеры?

Одна ужасная пуля убила его мгновенно, убила въ двухъ шагахъ отъ сына Государя. Великаго Князя Владимира, и съ глубокою скорбью, съ глубокимъ благоговѣніемъ, подымая съ земли юный прахъ племянника Царя, не сказали-ли солдаты: „Ну, братцы, кровь Его да будетъ отомщена надъ врагомъ; еще святѣе намъ Царь, еще храбрѣе будемъ мы за него и за нашу Русь сражаться, еще тѣснѣе и дружнѣе сблизимся вокругъ Царя и свершимъ свое дѣло!

Да, нѣтъ сомнѣнія, что каждый солдатъ это сказалъ, ибо это почувствовалъ, а если каждый солдатъ это сказалъ, то несомнѣнно и каждый изъ насъ, Русскихъ, это почувствовалъ и сказалъ. Точно родственникъ, и близкій намъ родственникъ, убитъ! Да, почтѣ съ миромъ, храбрый юноша. Если ты, умиралъ, беззавѣтно, доблестно сложилъ свою голову на полѣ битвы, не зная, подобно солдату, цѣны ея,

но зная только, что исполнилъ долгъ твой, твоя семья, тебя любившіе твои товарищи и всѣ мы, Русскіе, мы знаемъ, какую великую и святую услугу ты оказалъ Государю твоему, а слѣдовательно Россіи, а слѣдовательно и дѣлу. Народъ это дѣло возвеличиваетъ и освящаетъ своею кровью, а Ты прославилъ и запечатлѣлъ это-же дѣло Царскою кровью!

Рассказывали мнѣ про одного военнаго здѣсь интересную и назидательную исторію. Иѣкто Р. командовалъ однимъ изъ лучшихъ полковъ Кавказской арміи. Пока полкъ стоялъ въ Тифлісѣ, дурная молва, въ видѣ всевозможныхъ мелкихъ интригъ, носилась надъ полковникомъ Р. Увы, она брала свое начало въ средѣ нѣсколькихъ офицеровъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, недовольныхъ тѣмъ, что полковой командиръ поставилъ себѣ задачей изо всѣхъ силъ подтянуть полкъ, ввести строгую дисциплину, обучать серьезно солдатъ и вообще отнестись къ дѣлу серьезно и строго, требуя такихъ-же отношений къ службѣ и отъ офицеровъ. Иными изъ офицеровъ это пришлось не по вкусу. Они предпочитали числиться въ полку,ѣздить къ себѣ домой на родину въ отпуски и вообще служить, какъ служили въ иныхъ полкахъ въ мирное время, спустя рукава. Неудовольствіе

этого крошечного кружка офицеровъ приняло форму сплетень, восходившихъ дальше и выше, и вслѣдствіе этого иные на этого замѣчательно хорошаго и дѣльнаго полкового командира глядѣли косо.

Полѣвъ выступилъ въ походъ. Подъ Карсомъ была стоянка. Тамъ во время одной вылазки Туровъ, не взирая на инструкціи отъ генерала Г., полковникъ Р. повелъ свой полкъ въ атаку и вмѣстѣ съ Сѣверскимъ кавалерійскимъ полкомъ взялъ занятую Турками позицію, блестательно опрокинулъ ихъ съ этой позиціи и отогналъ до стѣнъ Карса. Дѣло это было однимъ изъ самыхъ удачныхъ и славныхъ во все время кампаніи. Въ награду за него генераль Н. сдѣлалъ полковому командиру строгое внушеніе за неисполненіе инструкціи. Но Великій Князь Главнокомандующій, узнавъ о подвигѣ Р., публично его благодарили и далъ ему золотую саблю. Съ той минуты начальство удостоило его тоже того милостиваго вниманія, въ которомъ оно ему отказывало, несмотря на его личныя заслуги. Подъ Зивиномъ этотъ полковой командиръ увидѣлъ раненаго въ своеемъ полку капитана, соскочилъ съ лошади, подобралъ капитана и, взваливъ его на плечи, спасъ его отъ ужасовъ турецкой мести. Капитанъ этотъ пред-

ставленъ быль ко кресгу Владимира, если не ошибаюсь. Полковникъ Р., признавая его однимъ изъ лучшихъ своихъ офицеровъ, сталъ усердн^о хлопотать о томъ, чтобы за Зивинское дѣло онъ удостоенъ быль Георгія. А между тѣмъ, прибавляютъ, личныя отношенія его къ этому капитану были не особенно хороши, но для него, полкового командира, важенъ былъ вопросъ о награжденіи заслужившаго награду, то-есть о томъ самомъ, въ чемъ хотѣль было отказать ему его начальникъ подъ Карсомъ. Теперь полковникъ Р., произведенный въ генералы, командуетъ бригадою, а главнѣйшиe его недоброжелатели принуждены признаться, что они ошибались насчетъ Р. и что онъ оказывается однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ и замѣчательныхъ военныхъ людей въ кавказской арміи. И къ тому-же изъ русскихъ *людей!*

Теперь въ рядахъ Кавказской арміи выдающійся Русскій или выдающейся Грузинъ — это рѣдкость. Все армяне: Лорисъ-Меликовъ, Лазаревъ. Шелковниковъ, младшій Лорисъ-Меликовъ, Тергукасовъ, Алхазовъ... Только Оклюбжіо оказывается Черногорцемъ, и на бѣду ему-то и не везеть. Вообще въ здѣшней тифлисской жизни люди стоящіе наблюдателями ея въ сторонѣ, не могутъ не замѣтить, что усилиямъ Армянъ забрать, кромѣ

завоеванной ими навсегда торговли, въ свои руки всѣ сферы общественной и политической жизни— Грузины противоставляютъ самыя слабыя силы. Всѣ почти вышестоящія учебныя заведенія переполнены громаднымъ процентомъ Армянъ. Они хотятъ быть всѣхъ умнѣе на Кавказѣ. Честь имъ и слава. Но отчего-бы и Грузинамъ, и Имеретинцамъ, и Дагестанцамъ, не хотѣть того-же?

Тифлісь, Четвергъ, 20 октября.

Только-что вернулся изъ засѣданія Главнаго Управлениія Кавказскаго Краснаго Креста, куда имѣлъ честь быть приглашеннымъ въ качествѣ гостя. Предсѣдателемъ этого собранія состоять вѣдьми здѣсь уважаемый и любимый генералъ-адъютантъ князь Орбелиани, человѣкъ, съумѣвшій пріобрѣсти популярность несомнѣнно свѣтлыми нравственными сторонами своей личности, — что въ нашъ вѣкъ ухаживанья и погони за популярностью посредствомъ послабленій слабостямъ со-ставляетъ весьма рѣдкое явленіе. Къ тому-же, несмотря на преклонныя лѣта, князь — человѣкъ живой, полный священнаго огня, и издавна славится какъ прелестный поэтъ. Собраніе было многочисленно. Въ немъ были представители мѣстнаго во-

еннаго управлениі медицинскаго, Краснаго Креста, администраціи и даже уѣздной поліції.

Отчасти я могъ познакомиться здѣсь съ нѣкоторыми главными сторонами дѣятельности Краснаго Креста на Кавказѣ. Съ начала своей дѣятельности, то-есть съ 1-го апрѣля по 1-ое октября, управлениѣ Краснаго Креста израсходовало 262,000 рублей, что составляетъ менѣе 50,000 рублей въ мѣсяцъ, а если прибавить къ этому то, что на кавказскія нужды Краснаго Креста издерживалъ Московскій Складъ, получившій для кавказскихъ раненыхъ около 150,000 рублей изъ Центрального управлениія, то получится сумма около 460,000 рублей, въ сущности цифра незначительная.

Какъ я сказалъ прежде, Кавказское управлениѣ Краснаго Креста, состоящее подъ особымъ покровительствомъ Великой Княгини Ольги Феодоровны, приняло за основаніе своей дѣятельности служить помощью военнымъ госпиталямъ, и на свои средства рѣшилось открыть только 1 госпиталь, нѣсколько эвакуационныхъ пунктовъ и содергать въ разныхъ городахъ своихъ уполномоченныхъ.

На обязанности этихъ уполномоченныхъ лежитъ сообщеніе Центральному управлению о мѣстныхъ

нуждахъ военныхъ госпиталей, и затѣмъ, по полученіи требуемаго отъ сего управления, передавать въ госпитали для раненыхъ.

Главная помощь въ этомъ отношеніи заключается въ снабженіи чаемъ, сахаромъ, виномъ, табакомъ, предметами одежды, когда нужно, въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ средствамъ Общества; напримѣръ, чаю оно отпускаетъ по 16 фунт. въ мѣсяцъ на 200 человѣкъ и по 10 пудовъ сахара. Независимо отъ этого, если военно-медицинское начальство въ чёмъ-либо экстренно нуждается, уполномоченный пишетъ въ Центральное управление въ Тифлисъ, и требуемая вещь доставляется.

Что касается госпиталя, то по имеющимся свѣдѣніямъ оказывается, что онъ-то всео болѣе поглощаетъ денежныхъ средствъ, принося сравнительно пользу въ весьма ограниченномъ размѣрѣ. Комплектъ его больныхъ не превышаетъ ста. По отчетности, веденной завѣдывающимъ этимъ госпиталемъ уполномоченнымъ, выходитъ, что содержаніе каждого раненаго обходится въ мѣсяцъ по 100 рублей приблизительно, или 10,000 рублей въ мѣсяцъ. Правда, что въ этомъ госпиталѣ, подъ управлениемъ хирурга и доцента Деритского университета Рейера, помѣщались трудные раненые,

требовавшіе значительныхъ расходовъ по леченію и извѣстной роскоши въ содержаніи; правда и то, что въ составъ этого госпиталя входили и входятъ два летучіе отряда при дѣйствующей арміи, но за то, принявъ въ соображеніе, что госпиталь этотъ помѣщался въ палатахъ, не требовалъ расходовъ на наемъ дома и никогда не выходилъ изъ нормы своего комплекта, все-таки приходится сознаться, что содержаніе такого госпиталя стоять слишкомъ дорого, поглощая $\frac{1}{6}$ всей суммы, отпускаемой въ распоряженіе Краснаго Креста на весь Кавказъ. Теперь этотъ госпиталь переѣзжаетъ въ Тифлісъ, въ даровое помѣщеніе, въ зданіе обсерваторіи, и уже здѣсь, удалившись отъ театра войны, не будетъ въ состояніи прізрѣніемъ трудныхъ раненыхъ и уходомъ за ними искупать свою дороговизну.

Главный перевозочный трактъ для эвакуациіи раненыхъ и больныхъ изъ Александриполя до Владикавказа черезъ двѣ главныя станціи, Делижанъ и Тифлісъ, имѣть 450 верстъ. На этомъ разстояніи Краснымъ Крестомъ устроены обѣденные и ночлежные пріюты въ десяти, если не ошибаюсь, пунктахъ, кромѣ Делижана и Тифліса, гдѣ на путь раненыхъ остаются по пѣсколько дней. На каждомъ изъ этихъ пунктовъ Красный Крестъ

имѣть своего агента въ лицѣ обыкновенно воинскаго начальника, которому поручается заготовленіе обѣда и ночлега для раненыхъ, къ часу, за-благовременно назначаемому по телеграфу. Для обѣда раненые получаютъ щи съ говядиною и хлѣбъ. На мѣстахъ ночлеговъ они получаютъ чай. Сверхъ того, съ ними отправляютъ запасы хлѣба и сухарей. На ночлежныхъ пунктахъ раненые получаютъ помѣщеніе или въ домѣ, съ постелями, или же въ кибиткахъ, нарочно заказанныхъ Краснымъ Крестомъ. О способахъ перевозки я уже говорилъ; по всему этому тракту раненые и больные перевозятся въ крытыхъ фургонахъ. Для тяжело-же раненыхъ устроены Краснымъ Крестомъ сто одноколокъ, гдѣ два раненыхъ очень удобно лежать подъ плотно закрытыми навѣсами, и съ приспособленіемъ къ повозкѣ весьма удобнаго прикрепленія къ осягъ, и раненые говорять, что они чувствуютъ себя совершенно покойно, пока везутъ ихъ шагомъ.

Если не ошибаюсь, каждая изъ такихъ одноколокъ обошлась въ 75 рублей. Во время засѣданія шла рѣчь объ одной бѣдѣ при перевозкѣ раненыхъ: о своенравии и ничѣмъ несдержанномъ свое-воліи фургонщиковъ; останавливаются гдѣ хотятъ, по одиночкѣ и въ разное время, везутъ какъ взду-

маютъ, иногда вдругъ, ни съ того, ни съ сего рысью,—и о весьма важномъ впослѣдствіи этого своеволія, заключающемся въ томъ, что фургоны запаздываютъ къ мѣстамъ остановки. Разсуждали, какъ помочь бѣдѣ, и пришли къ заключенію, что другой мѣры принять нельзя, какъ поручить фургонщиковъ особенной заботливости одного или двухъ казаковъ, имѣющихъ сопровождать транспортъ, и попытаться новліять нравственнымъ внушеніемъ на этихъ фургонщиковъ молчаніемъ и посредствомъ обращенія къ старѣйшимъ изъ нихъ.

Разматривали перевозочные приспособленія Терещенки, присланная изъ Москвы для арбѣ и фургоновъ. Это приспособленіе заключается въ трехъ кроватяхъ, приспособленныхъ къ повозкѣ, такъ что двѣ лежать сверху, а одна снизу; мяѣ показалось, что вся эта штука слишкомъ сложна и не довольно прочна, и, во всякомъ случаѣ, приспособленія къ фургону не экономичны, ибо даютъ мѣсто тремъ раненымъ, требуя четыре лошади, тогда какъ одноколка даетъ мѣсто для двухъ тяжело раненныхъ и требуетъ одной лошади. Примѣненія къ арбѣ съ волами не было сдѣлано опыта. Одинъ изъ уполномоченныхъ Московскаго отряда, Н. С. Хомяковъ, отправился въ Александр-

поль именно съ цѣлью сдѣлать опытъ примѣненія изобрѣтенія Терещенки къ перевозкѣ раненыхъ въ арбахъ и фургонахъ.

Кромѣ госпиталя на сто раненыхъ, въ районѣ Александрополя находятся еще лазареты Голландскій и Финляндскій, каждый съ помѣщеніемъ на 50 больныхъ. Послѣдній находится въ Эривани; первый въ Александрополѣ. Вѣроятно, Финляндскій прибудетъ тоже въ Тифлисъ, такъ-какъ въ Игдырѣ болѣе войскъ нѣтъ, а въ Александрополѣ легче найти помѣщеніе. Все, что было свободнымъ, взято подъ военно-временные госпитали.

Возбужденъ былъ вопросъ объ опасности зараженія больныхъ въ Александрополѣ и даже въ Тифлисѣ диссентеріей и тифомъ отъ страшного наплыва въ немъ турецкихъ раненыхъ больныхъ, вышесказанными болѣзнями. Въ Александрополѣ отданъ подъ Турокъ особый госпиталь, и, вѣроятно, то-же сдѣлаютъ въ Тифлисѣ. Далѣе, благодаря Бога, свѣденія о санитарномъ состояніи больныхъ и раненыхъ въ Александрополѣ и Тифлисѣ утѣшительны тѣмъ, что весьма мало тифозныхъ.

Затѣмъ поднять былъ вопросъ: когда кончится эвакуація въ Россію, въ виду наступившихъ уже тамъ холодовъ? Отвѣтъ былъ простъ и ясенъ:

когда начнутся снѣжные завалы въ горахъ Кавказа, то-есть, вѣроятно, въ началѣ ноября.

На этомъ засѣданіи было рѣшено образовать комиссию для подробной и полной ревизіи дѣятельности окружнаго управлениія Краснаго Креста за все истекшее время. Въ эту комиссию избраны были представители Московскаго отряда и Голландскаго госпиталя и положено пригласить члена отъ городскаго управлениія; въ составъ-же комиссіи отъ окружнаго управлениія положено было избрать членовъ и завѣдывающихъ денежною частью. Нельзя не привѣтствовать окружное управлениѣ за такой починъ въ дѣлѣ, гдѣ всякаго жертвователя интересуетъ вопросъ: куда употреблены пожертвованыя деньги?

Что касается меня лично, то я, представивъ предсѣдателю собранія мои соображенія насчетъ мѣстъ, избранныхъ па совѣщаніи съ свѣдущими лицами для снабженія привезенными мною вещами, получилъ одобрение для этихъ соображеній. Мѣста эти слѣдующія: 1) *Александровольскіе госпитали*, относительно снабженія теплыми вещами, для эвакуируемыхъ раненыхъ и относительно хорошаго вина, для трудныхъ раненыхъ или изнутреннихъ; 2) *Эриванскіе госпитали*, какъ нуждающіеся во многомъ относительно бѣлья, чая, сахара

и табаку; 3) *Ардашанскій* отрядъ относительно снабжения больныхъ и слабыхъ солдатъ теплыми одеждами, сахаромъ, чаемъ и табакомъ, и 4) *Кабулетскій* отрядъ, подъ Озургетами, гдѣ больные и истощенные лихорадкою солдаты нуждаются въ винѣ, въ чаѣ, въ сахарѣ и въ табакѣ, продающемся въ Озургетахъ по 30 коц.

~~~~~

Пятница, 21 октября, Тифлисъ.

Сегодня мы снова прожили день въ волненіяхъ, вслѣдствіе телеграммы, полученной изъ-подъ Карса, въ которой извѣщается о жаркомъ дѣлѣ, бывшемъ подъ Эрзерумомъ, въ которомъ Турки были разбиты и разсѣяны, но какие Турки, кто ими командовалъ — не сказано. Повидимому, дѣло было у Геймана, но такъ какъ говорять о томъ, будто Турки укрѣпились на высотахъ подъ Эрзерумомъ, то, очевидно, или это дѣло было не съ главными силами армій Измаила и Мухтара-пашей, или-же на самомъ дѣлѣ Турки разбиты не были. Вообще здѣсь, сверху до низу, все беспокоятся, ибо всемъ ясно, что и Тергукасовъ опоздалъ, и Гейманъ опоздалъ, и оба прозѣвали Измаила-пашу, и дали много времени обоимъ оправиться и укрѣпиться. Боятся, чтобы подъ Эрзерумомъ не было

повторенія Зивина, и въ счастливую звѣзду Геймана меныше вѣрять. Къ тому-же довольно многочисленныя войска турецкія двинуты къ Эрзеруму отовсюду, съ юга и изъ Батума. Такъ или иначе, но начинаютъ здѣсь опасаться за Эрзерумскую экспедицію, при отсутствіи въ этомъ отрядѣ осадной артиллериі.

Свѣденія изъ Карса подтверждаютъ усиленную бомбардировку и тѣсную блокаду. Показанія на счетъ гарнизона Карса и его числительности самыя разнорѣчивыя: одни говорятъ, что тамъ 30 тысячъ войска и запасовъ недостаточно; другіе говорятъ, что отъ 8 до 10 тысячъ войска и запасовъ на четыре мѣсяца.

~~~~~

Суббота, 22-го, Тифлисъ.

Только сегодня утромъ прибылъ, наконецъ, мой грузъ изъ Владикавказа: 14 дней въ дорогѣ для 200 верстъ на лошадяхъ, это невѣроятно! На разспросы: почему они на 5 или 6 сутокъ просорчили, отвѣтъ былъ характеристиченъ: лошадь пропала въ дорогѣ, мы ее 4 дня искали. Если для спѣшнаго груза нужно платить 1 р. 50 к. съ пуда и подчиняться необходимости ждать 2 недѣли этотъ спѣшный грузъ, то что же происходитъ съ неспѣшнымъ грузомъ?! Купцы здѣшніе очень довольны такимъ состояніемъ путей и средствъ сообщенія, ибо эксплуатируютъ эту кавказскую язву до послѣдней степени, съ умѣньемъ чисто-армянскимъ.

Здѣсь тоскуешь по русскому купцѣ и русскому извозчикѣ, хотя, по совѣсти говоря, ни русскій ку-

пецъ, ни извозчикъ, не суть представители спартанскихъ правилъ нравственности въ дѣлѣ торговли, но все-таки не до такой степени, какъ Армяне. Армянинъ здѣсь поражаетъ васъ своимъ цинизмомъ въ эксплуатированіи чужаго кармана; это все шекспировскіе типы по глубинѣ и остротѣ спекулятивныхъ способностей. Независимо отъ многихъ другихъ чертъ, васъ поражаетъ здѣсь одна, никогда въ мірѣ несуществующая особенность: какъ только вы покупаете больше и Армянинъ-купецъ видитъ, что вамъ этотъ товаръ нуженъ, онъ моментально и въ вашихъ-же глазахъ поднимаетъ цѣну. Бездѣ въ мірѣ наоборотъ: когда вы покупаете много, вамъ дѣлаютъ уступку; а здѣсь, напротивъ, съ васъ берутъ дороже; Армянинъ какъ будто потому это дѣлаетъ, что вы этотъ товаръ будете продавать, можетъ быть, что наживете, и мысль, что вы, пожалуй, больше наживете, чѣмъ онъ думаетъ, его мучить, терзаетъ и душить, и побуждаетъ на всякой случай сорвать съ васъ впередъ часть того, что вы, по его мнѣнию, можете выручить. Если вы не Армянинъ, то сразу съ васъ спрашиваютъ вдвое дороже противъ продажной цѣны. Затѣмъ вамъ нужно цѣлый день торговаться прежде, чѣмъ дойдете до настоящей цѣны. Если вы, купивъ вещь, придете на другой день купить того-же то-

вара, но побольше, съ васъ беруть 40% дороже, а на вопросъ: почему это такъ, вамъ отвѣчаютъ: въ ночь товаръ вздорожалъ.

О томъ, чтобы здѣсь какой-нибудь купецъ уступилъ хоть гроши съ своего товара въ пользу раненыхъ — и помину неѣтъ. Напротивъ, какъ я вамъ гдѣ-то отмѣтилъ, едва узнали торговцы, что мнѣ нужно сто пудовъ сахару для раненыхъ, они втеченіи дня подняли цѣну съ 8 р. 20 к. на 9 р.. не взирая на то, что огромныя партіи сахара идутъ въ Тифлисъ изъ Харькова.

И любопытно: здѣсь *ни одного русского торговца*, даже помыслить объ этомъ русскому купцу невозможно: заѣдятъ. Два-три Француза, два-три Нѣмца, издавна поселившіеся здѣсь, кое-какъ держатся, но новой торговли кому-либо открыть теперь изъ не-Армянъ немыслимо.

Армяне имѣютъ свой литературный и политический органъ. Органъ этотъ — „Тифлисскій Вѣстникъ“. Здѣсь вы найдете чуть-ли не въ каждомъ нумерѣ прямое или косвенное обличеніе кого-нибудь или чѣго-нибудь *русского*, но дурного обѣя Армянахъ — никогда. Напротивъ, очень часто газета эта выступаетъ защитницею интересовъ того или другого Армянина и рекламой для всевозможныхъ видовъ армянской благотворительности

и интелигенціи. Это — органъ молодой Арменії. „Молодая Арменія“, — какая насмѣшка! Но въ чёмъ молодая Арменія отличается отъ старой? Въ томъ, въ чёмъ и молодая Грузія отличается отъ старой Грузіи: реализмомъ и презрѣніемъ къ старымъ преданіямъ о религіи и семейной жизни. „Молодая Грузія“ — тоже какая иронія! А между тѣмъ это не фикція, это дѣйствительность. И молодые Грузины, и молодые Армяне страстно отрываются отъ своей бытовой, семейной почвы, чтобъ отдаться какому-то омуту всемірныхъ идей прогресса и цивилизаціи, съ тою разницею, что у молодой Грузіи это витанье въ области прогресса обращается просто-на-просто въ самый безшабашный разгуль, а у молодой Арменіи оно должно проходить черезъ горнило или, вѣрнѣе, чистилище высшаго образованія и подготовлять молодаго Армянина къ служенію идеямъ будущности, на высшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Да и есть за чѣмъ еще имъ гнаться! Есть не мало лакомыхъ здѣсь кусочковъ, куда доступъ Армянамъ не открытъ еще вполнѣ: они должны еще много трудиться и много произвесть Лорисовыхъ, прежде чѣмъ въ эти счастливыя сферы попасть: напримѣръ, инженерное вѣдомство, пути сообщеній, лѣсное вѣдомство и т. д. Пока тамъ царство

Русскихъ и въ особенности Поляковъ. А Армяне, охъ, охъ, какъ туда косятся!

Сегодня появилась телеграмма о томъ дѣлѣ, про которое говорили вчера. Она никого не успокоила, напротивъ, всѣхъ встревожила; ясно, что Турки укрѣпились передъ самымъ Эрзерумомъ и грозная тѣнь кроваваго Зивина снова подымается въ пространствѣ и пугаетъ всѣхъ. Въ концѣ депеши Геймана къ Лорисъ-Меликову прибавлено: *Зывать не будемъ!* Впрочемъ, строго судить ни его, ни Тергукасова нельзя. У первого не было готоваго провіанта; у второго не было ни сухарей, ни воды въ первый день выступленія. Кто виноватъ, судить и рѣшать не берусь.

Воскресенье, 23 октября, Тифлисъ.

Сегодня былъ чудный солнечный, почти лѣтній день. Въ тѣни 18 градусовъ Реомюра. За двѣ недѣли впервые пришлось увидать ярко-солнечный день. Несмотря на то, все еще здѣсь зелено. Почти все дождливая погода, но теплая. Вчера и сегодня провелъ день въ баракахъ съ ранеными и больными. Вчера раздавалъ больнымъ евангелия и псалтири въ госпиталѣ въ палатахъ, близъ бараковъ устроенному. Это тѣ-же солдатики, но такъ-какъ они не раненые, а больные, то имъ во многихъ отношеніяхъ хуже, чѣмъ раненымъ. Они глубоко трогательны своею крѣстностью, смиренiemъ и терпѣливостью. Жалуются только, что курить рѣдко приходится. Докторъ подтвердилъ это жалобное показаніе, и я немедленно обязался доставить имъ 5 пудовъ махорки.

До этого раненымъ я раздалъ образки отъ Монску, которые имъ доставили весьма большое удовольствіе. Чудаки эти солдатики! Я началъ обходить палатки больныхъ и раздавать евангелія и псалтири; первыя написаны по русски, вторыя по славянски. Евангеліе разбираютъ на расхватъ, а псалтири — нѣтъ; по-славянски, дескать, не знаемъ.

— Но-церковному-то? говорю я одному.

— Не можемъ читать.

— Не можешь?

— Нѣтъ.

— Ну-ка попробуй!

Я даю ему псалтирь.

Солдатикъ начинаетъ читать, и очень бойко.

— Ты-же читаешь, и отлично.

— Позапамитовалъ должно быть; помню, что въ деревнѣ почитывалъ, говоритъ солдатъ, удивленный своимъ бойкимъ чтенiemъ.

Псалтирь онъ взялъ съ восторгомъ.

Подбѣжали другіе.

— Ваше в—діе, позвольте и мнѣ.

— Да вѣдь ты не читаешь, сказывалъ?

— Какъ-нибудь ужъ прочтемъ; книжка-то ужъ очень хорошая.

— Ну-ка читай.

И этотъ сталъ читать.

Оказалось, что въ каждой палаткѣ нашлось по два и по три человѣка, умѣющихъ читать по-церковному. Пришель юный солдатъ просить Евангелие по-нѣмецки, другой просить по-польски.

Каждому нужно по книжкѣ Новаго Завѣта, и подариль отъ имени Москвы.

— Ваше выс—діе, подходитъ одинъ.

— Чѣо, голубчикъ?

— Эти книжки у насъ отберутъ или нѣтъ?

— А что?

— Да хотѣлось-бы совсѣмъ.

— Ну бери совсѣмъ.

— Ну, спасибо, говорить парень.

Затѣмъ старшой сестрѣ милосердія, госпожѣ Тимашевої, я отдалъ для раненыхъ по нѣсколько экземпляровъ разныхъ житій святыхъ.

Сегодня я прибыль какъ разъ-четверть часа спустя послѣ прїѣзда партіи раненыхъ въ 170 человѣкъ изъ Александрополя. Минуты тяжелы! Большая часть раненыхъ одѣты были въ сапоги и въ мундиры; а раны въ руки и въ ноги подъ сапогами и подъ мундирями. Черезъ что должны проходить эти несчастные, когда приходится съ нихъ снимать мундиръ или сапоги, никакое перо не можетъ описать. Я стояль какъ окаменѣлый,—

нѣтъ, какъ пораженный этимъ невѣроятнымъ зреющимъ святыхъ по могуществу духа терпѣнія и безмолвія, съ которыми каждый раненый самъ, или съ помощью сестры, или служителя, снималъ съ раненой руки рукавъ. Мне хотѣлось все время стоять передъ ними на колѣнахъ, какъ передъ святыми страстотерцами; ни звука, ни жалобы, ни стона; потъ лъетъ градомъ съ блѣднаго, усталаго и искривленнаго мукой лица и ничего болѣе. Кончена пытка, сходять ужасныя складки съ лица, и солдатъ опять весель и бодръ. Эти пытки не нужны, подумалъ я: неужели нельзя распорядиться, чтобы при отправлениіи раненый въ ногу не надѣвалъ на большую ногу сапога, а бралъ сапогъ съ собою, а раненый въ руку не надѣвалъ мундира въ рукавъ больной руки? Я сообщилъ объ этомъ членамъ Краснаго Креста, и самъ собою разумѣется, что, съ горячимъ сочувствіемъ къ вопросу, они немедленно-же приняли мѣры, то-есть написали въ мѣста отправлениія раненыхъ, чтобы на раненыхъ не надѣвать мундира въ рукава и сапоги на раненые члены.

Я подошелъ къ одному изъ раненыхъ; онъ лежалъ уже раздѣтый въ постели. Лицо, мнѣ показалось, выражало страданіе.

— Что, болитъ у тебя что?

— Да вотъ, ногу повредили.

— Въ дорогѣ?

— Начала было заживать, а какъ на дорогѣ стали наскоро перевязывать, содрали перевязку что есть мочи, опять разболѣлась проклятая.

Сейчасъ-же добрая, симпатичная сестра подошла къ нему и взялась за перевязку.

Этотъ фактъ важенъ. Не лучше-ли въ дорогѣ не перевязывать, чѣмъ перевязывать наскоро? Вѣдь трудныхъ раненыхъ не перевязываютъ.

Въ одной изъ палатъ были три раненые Турка.

— Что, не страшно быть съ ними? спрашивалъ я у солдата.

— Куда, безъ оружія и Турка не страшенъ.

— А съ оружіемъ онъ страшенъ?

— Да, тоже драться умѣетъ.

— Нѣтъ, прерваль другой,—безъ офицера они не умѣютъ драться.

— Какъ такъ?

— А такъ, надо, чтобы безпремѣнно офицерь ихъ шашкою погонялъ; офицеры у нихъ бѣдовыи народъ, а какъ безъ офицера—не дерется.

— Да, отозвался бородатый казакъ,—а наши братъ, и безъ офицера сумѣютъ драться.

— Ну еще бы, отвѣтиль другой,—мы не Турки. Здѣсь разговоръ нашъ былъ прерванъ.

Кто-то прибѣжалъ сказать: Великая Княгиня
ѣдетъ.

Здѣсь я замѣтилъ явленіе очень отрадное.

Извѣстіе это сильно обрадовало. Два дня на-
задъ Великая Княгиня вернулась изъ Александро-
поля, гдѣ провела около трехъ недѣль въ боль-
ницахъ.

Но ни суеты, ни обычнаго наступленія такой
эпохи, когда всѣ забываютъ свои обязанности и
устремляютъ все свое существо на подобостраст-
ное ожиданіе чего-то необыкновеннааго и самоуни-
чоженіе. Здѣсь, напротивъ, все продолжалось
такъ-же, какъ было: главными были раненые, и ни-
кто другой. Спѣшу прибавить, что, насколько я
могъ замѣтить изъ образа обхода Великой Кня-
гиней палатъ, неизмѣнность въ обращеніи съ ра-
неными во время ея прїѣзда введена была ею.

Минутъ черезъ пять показалась коляска Вели-
кой Княгини съ тремя казаками позади. Она
прїѣхала съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Ми-
хаиловичемъ, и минутъ черезъ десять вошла съ
г-жею Тимашевою и главнымъ докторомъ въ па-
лату. Великая Княгиня стала обходить направо,
затѣмъ налево; и нетрудно было убѣдиться, что
во все время, пока длился этотъ обходъ, не обрядъ
совершался, а происходило живое, сердечное по-

същеніе раненыхъ. Это слишкомъ виднѣлось на лицахъ солдатъ и слышалось въ ихъ отвѣтахъ, въ ихъ тонѣ, въ ихъ простотѣ. Нѣкоторые встрѣтили въ ней Александропольскую Великую Княгиню, говорившую съ ними какъ со знакомыми.

Великая Княгиня пробыла въ этихъ баракахъ болѣе часа, навѣстила г-жу Тимашеву, потомъ посѣтила палаточный госпиталь больныхъ, и если, какъ всѣ, не могла быть довольна самыми зданіями этихъ бараковъ, въ то-же время не могла не вынести отраднаго впечатлѣнія отъ всего того, что съумѣли, несмотря на это зданіе, сдѣлать хорошие люди для облегченія положенія въ немъ раненыхъ. Бѣлья много, все чисто, кормятъ отлично, уходъ безупречный, согласіе между военными врачами и сестрами полное, больные всѣмъ довольны; при такой обстановкѣ дѣло ею устроенное и настоятельно веденное ею къ улучшенію, не можетъ не радовать и не можетъ не называться удавшимся.

Кромѣ того, Великая Княгиня, какъ я слышалъ, много даетъ изъ своихъ собственныхъ средствъ, и нѣтъ нужды, которой она-бы не помогала немедленно и щедро въ области помощи раненымъ. Сегодня-же былъ тому примѣръ въ баракахъ. Одному раненому офицеру, Грузину,

страшно хочется отиравиться на родину со ста-
рушкою-матерью, да увы! не на что. Великой Кня-
гинѣ объ этомъ сказали; она спросила: сколько
нужно, и сейчасъ-же приказала дать просимую
сумму изъ своихъ денегъ. Говорятъ, въ ея офи-
церскомъ госпиталѣ раненые не знаютъ, что же-
лать, ибо все имѣютъ. И потомъ, что мнѣ по-
правилось: оцѣнка труда каждого лежитъ въ осно-
вѣ отношеній ея къ дѣятелямъ Краснаго Креста,
а не формализмъ.

Послѣ отъѣзда Великой Княгини мнѣ случи-
лось быть свидѣтелемъ весьма характеристичнаго
эпизода изъ другого міра.

Раненыхъ привезъ какой-то комиссаръ воен-
наго вѣдомства: маленький человѣчекъ съ крас-
ньюмъ оконьшкомъ и въ сюртукѣ съ краснымъ
воротникомъ, однимъ словомъ, форма столь не-
привлекательная военнаго интенданства или ком-
миссариата.

Оказывается, что бѣдные раненые голодны.

Справляются, ёли они дорогой или нѣть?

— Хлѣбъ имъ дали вчера, отвѣтилъ комис-
саръ, — двойную порцію; чаю я отпустилъ нату-
рою, да сверхъ того 10 к. каждому на руки.

Идутъ къ раненымъ.

— Вамъ дали хлѣба?

- Да ли.
- Ког да?
- Вчера.
- Гдѣ-жъ онъ?
- Сѣли.
- Ког да?
- Кто вчера, а кто нынче.
- А деньги вамъ дали?
- Да ли.
- Сколько?
- Десять копеекъ.
- Что-же вы съ ними сдѣлали?
- Да ничего.
- А есть хочется?
- Хочется.

Разумѣется, они съ 10 копейками ничего, не могли сдѣлать, ибо нечего было здѣсь купить, а надо посыпать было въ городѣ.

Сейчасъ-же сдѣлано было распоряженіе о томъ, чтобы купленъ быль хлѣбъ, заказанъ чай и такъ далѣе, но тутъ характерно вотъ-что.

Коммиссаръ получилъ 40 к. на человѣка.

Онъ ухитрился на эти 40 к. сдѣлать аферу: даль имъ вчера на 3 коп. хлѣба больше противъ приготовленнаго, вручилъ сестрамъ щепотку чаю

въ розовой бумажкѣ, копеекъ на 40, и затѣмъ роздалъ 10 коп. на человѣка на руки.

Выходитъ разсчетъ такой.

На 170 раненыхъ казна ему отпустила по 40 к. на человѣка—68 руб.

Онъ отпустилъ хлѣба на 5 р. 10 к.

Чаю . . . . . — „ 40 „

Деньгами. . . . . " 17 " " "

Итого . . . 22 л. 50 к.

Доходъ превышаетъ расходъ на 45 р. 50 к., что и требовалось доказать!

Бѣдная Россія, бѣдные раненые, бѣдная казна.

Тифлисъ, понедѣльникъ, 24 октября.

Видѣлся съ однимъ изъ гласныхъ городской думы.

На мое замѣчаніе, что въ Тифлисѣ замѣтно отсутствіе городского хозяйства и хозяина, онъ мнѣ отвѣтилъ, что это совершенно вѣрно: о городе никто не думалъ и все предоставлено на произволъ судебъ.

— А городское управлениѣ? вѣдь у васъ тоже самоуправлениѣ?

— Да, но на бумагѣ.

— Такъ что же?

— Должностныя лица есть, и жалованье есть, и бумага пишется сколько угодно, но одного нѣть жизни. Нѣть общественныхъ интересовъ, нѣть людей ими занятыхъ.

Но па-ряду съ этимъ печальнымъ проявлениемъ безучастія городского общества къ нуждамъ и страданіямъ войны, жизнь этого городского общества далеко не неподвижна, когда рѣчь идетъ о мелкихъ интригахъ и сплетняхъ.

Если вѣрить здѣшнимъ жителямъ, то нѣтъ города въ мірѣ, говорятъ они, болѣе богатаго сплетнями и интригами партій, чѣмъ Тифлісъ. Винзорскихъ кумушекъ здѣсь видимо-невидимо. Каждому есть дѣло до того, какъ живеть, что дѣлаеть, что говорить и даже что думаетъ сосѣдній домъ. Общество раздѣлено на бесконечное количество партій, и ареной для схватокъ этимъ партіямъ служить или клубы, или иногда печать, печать газетнал, мѣстная.

Печать эта играетъ здѣсь важную роль. Органомъ страсти, вскипающихъ отъ взаимныхъ интригъ и разныхъ домороценніихъ сплетеній, служить, какъ я уже говорилъ, *Тифліскій Вѣстникъ*. Сотрудникомъ этой газеты можетъ быть всякий, кому нужно кого-нибудь заподозрить или обвинить, но въ особенности проявить рѣзко и страстно духъ армянской партіи. На *Тифліскій Вѣстникъ* здѣсь смотрятъ какъ на органъ Армянъ, но въ то же время какъ на органъ оппозиціи; другіе прибавляютъ: какъ на органъ прогресса:

послѣднее сомнительно, ибо я ежедневно читаю эту газету, а все явленій прогресса, не вижу.

Въ Тифлисѣ, какъ я имѣль случай убѣдиться, есть весьма многолюдное *высшее общество*, которое зимой представляетъ гостиныя, полныя гостей, и приемные дни. Это высшее общество дѣлится на два отдѣльные главные лагеря: грузинскій и армянскій. Аристократію родовую представляютъ гостиныя грузинскаго общества въ соединеніи съ высшей администрацией; аристократію денежную—армянскіе тузы-богачи, съ цѣлымъ штатомъ при нихъ подслуживающей имъ интеллигенціи. Въ торжественныхъ случаяхъ въ эти гостиныя входятъ и высшіе сановники, но настоящаго общенія между ними нѣть.

Гостиныя высшаго общества грузинскаго и русской администраціи представляютъ опять-таки особые дома или партіи. Дома, гдѣ бы сходилось все высшее общество въ Тифлисѣ нѣть. Да и физически его не можетъ быть, такъ многочисленно это общество: нужно было бы имѣть дворецъ для приемовъ. Грузинскія семьи или грузинскіе роды отличаются многочисленностью. Мнѣ называли дома, гдѣ, когда собираются всѣ члены семьи, то-есть родственники и свойственники, бываетъ въ гостиной до 80 и до 100 человѣкъ обоего пола. Такой

кружокъ семейный составляеть въ то же время известный домъ или известную партію. Члены его бывають другъ у друга, и уже въ другія семьи не вхожи. Такихъ домовъ въ Тифлісѣ нѣсколько, такъ что вечера со многочисленными гостями-родственниками ежедневно смыняются, но никогда вы не увидите въ гостиной одного дома гостей другаго дома. За то сплетенье про другой домъ вы наслышитесь вдоволь, тѣмъ болѣе, что эти сплетни составляютъ, по увѣренію мѣстныхъ жителей, главные предметы разговоровъ въ гостиныхъ.

Администрація съ ея сановниками играеть весьма видную роль въ гостиныхъ туземнаго общества, ибо почти всѣ русскіе сановники и чиновники, военные и гражданскіе, переженились на Грузинкахъ. Этакъ, путемъ дѣлалось обрусѣніе, естественно и мирно, но въ то же время, само собой разумѣется, семейныя отношенія стали все болѣе и болѣе проникать въ служебныя и дѣловыя. У каждого сановника явились *свои*, которымъ нельзя не дать мѣстечка, и отсюда, весьма понятно, цѣлый міръ интригъ и интрижеекъ, съ рекомендациими для однихъ и съ подножками для другихъ.

Вторникъ, 25 октября.

Ура! Сегодня вечеромъ получена депеша отъ Великаго Князя, извѣщающая о славной побѣдѣ Геймана надъ Мухтаромъ и взятіи штурмомъ занимаемой имъ позиціи предъ Эрзерумомъ, на горѣ Деве-Бойну. Турки бѣжали въ беспорядкѣ и все оставили въ нашихъ рукахъ, не исключая и самой палатки Мухтара. Для вящшаго эффекта Гейманъ въ извѣстіи, посланномъ съ гонцомъ къ Великому Князю, прибавляетъ, что онъ пишеть свое донесеніе, сидя въ палаткѣ Мухтара. Взято много пушекъ. Столь радостное извѣстіе заставляетъ предполагать близкое паденіе Эрзерума.

О, Эрзерумъ! восклицаешь мысленно сто разъ на дно: — какъ нужно намъ тебя взять, чтобы довести Биконс菲尔да до послѣднихъ степеней озлобленія! Нѣть словъ, чтобы выразить, какъ велико

отвращеніе къ той Англіи, которая съ цинизмомъ, неимѣющимъ предѣловъ, помогаетъ Турціи противъ насъ, и въ то же время самымъ серьезнымъ образомъ убѣждена, что мы должны подчиниться ея требованіямъ и ея предписаніямъ.

Всѣ эти дни и сегодня все разыскивалъ майора Штокфиша, бывшаго комендантомъ Баязида, но тщетно: нигдѣ не могъ его найти, а сегодня узналъ, что онъ находится въ Эриванскомъ отрядѣ у Тергукасова. Справлялся въ штабѣ о Баязидцахъ, но нечего не могъ добиться. У него нѣть свѣденій о томъ, гдѣ находятся теперь Баязидцы: одни вернулись къ своимъ частямъ, въ полки, другие отправлены въ разныхъ поѣздахъ въ Россію.

Сегодня отправилъ четыре транспорта: одинъ съ нарочнымъ въ Ардаганъ, другой съ артельщикомъ въ Озургеты, для Ріонскаго отряда или Кобулетскаго, третій на Делижанъ для Эривани, а четвертый, большой, въ Александрополь, куда выѣзжаю завтра.

Тифлисъ начинаетъ переполняться госпиталями. Изъ Александрополя вернулся госпиталь Краснаго Креста на 100 человѣкъ, вернулся тоже Голландскій госпиталь на 20 кроватей. Помѣщались они въ палатахъ и перевезены слюда изъ

опасенія имѣющихъ наступить холода. Что касается Финляндскаго госпиталя, то пока онъ остается въ Эривани, и, вѣроятно, тоже переселится въ Тифлисъ.

Здѣсь продолжаетъ стоять ясная погода, несмотря на частые дожди.

А чѣмъ на Дунай? задаетъ себѣ каждый изъ насъ жгучій и болѣзненный вопросъ; жаждешь извѣстій, а извѣстія продолжаютъ приходить отрывочныя и крайне неудовлетворительныя. Происходятъ стычки и сраженія, страшныя жертвы людьми, а результатовъ все еще не видно, все какъ будто движется въ какомъ-то закодированномъ кругѣ.

Подвожу итогъ тифлисскимъ впечатлѣніямъ, ибо наконецъ-то отправляюсь въ путь.

Впечатлѣнія эти, говоря по совѣсти, отраѣны, ибо могъ убѣдиться лично и на мѣстѣ, насколько преувеличеннаго и сочиненнаго насчетъ участія нашихъ раненыхъ. Въ Тифлисѣ имъ хорошо во всѣхъ отношеніяхъ, и перевозочные средства, какъ я не разъ уже видѣлъ, совсѣмъ не таѣ дурны, какъ писалось въ газетахъ. Повторяю, что говорилъ не разъ: Красный Крестъ, избравъ путь дѣятельности помогать военнымъ лазаретамъ всѣмъ тѣмъ, чего послѣднимъ не достаетъ, избралъ благую часть.

Я постарался уяснить себѣ вопросъ: насколько возможно составить отчетъ о полученныхъ Кавказскимъ управлениемъ Краснаго Креста вещахъ изъ Московскаго Склада, завѣдуемаго М. В. Дурново. Пришлось убѣдиться, что въ настоящее время трудъ этотъ невозможенъ, ибо, во-первыхъ, Складъ вещей Краснаго Креста, получавшихся изъ Москвы, переходилъ отъ завѣданія одного къ завѣданію другаго и расходовался постоянно по мѣрѣ поступавшихъ отъ разныхъ госпиталей и отъ разныхъ уполномоченныхъ требованій, а во-вторыхъ, люди, завѣдующіе теперь Складомъ, братья К. И. и Т. И. Мулины, суть въ то же время главные и единственныя дѣятели или, вѣрнѣе, рабочіе, которые съ 8 часовъ утра до часа и двухъ часовъ ночи ведутъ все дѣло снабженія всѣхъ госпиталей Кавказа вещами Краснаго Креста. Этихъ двухъ братьевъ называютъ *преподобными*, и на самомъ дѣлѣ они этого названія заслуживаютъ. Высокой честности, неисчерпаемой добродетели, крайней добросовѣстности въ воззрѣніи на дѣло и трудъ, эти два человѣка, влагаютъ всю душу свою въ дѣло, которое только ими и держится и дѣлается, за полнымъ отсутствиемъ людей.

Вотъ почему можно сказать: ни единая вещь, ни единая копѣйка, присланная изъ Москвы, не

пропали и идутъ по своему назначенію, но думать объ отчетѣ теперь невозможно!

Главное въ томъ, что всякий жертвующій эти копѣйки можетъ быть твердо убѣжденъ, что луч-шихъ людей и лучшихъ рукъ для принятія жертвъ въ пользу раненыхъ на Кавказѣ и для направле-нія ихъ къ мѣсту назначенія нельзя желать!

А это много.

Но, увы, рукъ этихъ крайне недостаточно. От-того при всѣхъ усиляхъ такихъ людей, какъ гг. Мулины, все-таки въ складѣ вещей Краснаго Кре-ста явтъ того порядка, который былъ-бы крайне нуженъ при массѣ вещей, туда посылаемыхъ.

Среда, 26 октября, Делижанъ.

Сегодня, въ 11 часовъ вечера, выѣхалъ изъ Тифлиса и въ 10 часовъ утра прибылъ въ Делижанъ, большое селеніе, на разстояніи 150 верстъ отъ Тифлиса; въ этотъ селеніи живутъ наши моловане и помѣщено пѣсколько военно-временныхъ госпиталей. Въ Делижанѣ путь изъ Тифлиса расходится на двѣ линіи: на Александрополь и Эризанъ.

Поселился я въ домѣ жены одного полкового командира, флигель-адъютанта Кафтарадзе, любезно предложившей мнѣ гостепріимство, и пишу эти строки въ теплой, уютной и чистенькой комнаткѣ, прислушиваясь отъ времени до времени къ дѣтскому, невинному храпу за стѣной.

Чтò сказать о дорогѣ? Она представляетъ поразительный контрастъ между голыми скалами, высохшими степями, носящими на себѣ какой-то

отпечатокъ смерти, и огромнымъ оживленіемъ самой дороги. Дорога эта—шоссе, наскоро оконченное до Александрополя прошлою осенью. По этому широкому шоссе двумя и тремя рядами тянутся безконечныя цѣли верблюдовъ, фургоновъ съ четверками лошадей, арбъ съ буйволами, и затѣмъ партия солдатъ, то выздоровѣвшихъ молодцовъ, возвращающихся въ свои полки, то запасныхъ чиновъ, бодро и весело идущихъ въ свои кадры, на мѣсто убитыхъ и раненыхъ братьевъ.

Встрѣтилъ я тоже печальный транспортъ больныхъ и раненыхъ, и еще разъ увидѣлъ, что они перевозятся по возможности удобно, ибо каждый изъ нихъ сидитъ или лежитъ на толстомъ, набитомъ сѣномъ, тюфякѣ, и видъ у раненыхъ вовсе не выражаетъ страданія. Ихъ везли скоро; я спросилъ: отчего ихъ везутъ не шагомъ? Солдаты отвѣчали мнѣ, что они предпочитаютъѣхать скоро, чтобы скорѣе добраться до пункта, гдѣ ждутъ ночлега или обѣда. Раненыхъ сопровождали: медикъ, сестра милосердія и два фельдшера. Партия раненыхъ и больныхъ была въ 200 съ чѣмъ-то человѣкъ.

На дорогѣ попалась мнѣ другая партия,—ужасная для глаза партия. Это транспортъ плѣнныхъ Турокъ въ тысячу человѣкъ. Картина эта наво-

дить ужасъ. Эта тысяча двигается между конными Дагестанцами и избоготными солдатами; чуть-ли не половина этихъ несчастныхъ представляет собою видъ выбившихся изъ силъ нищихъ, на каждой верстѣ переносимыхъ въ арбы. У однихъ скорбутъ, у другихъ лихорадка, у третьихъ дисентерія, у четвертыхъ тифъ; кто можетъ идти, идетъ, а кто не можетъ, валится. Вонь при проѣздѣ мимо этихъ плѣнныхъ ужасная: къ арбамъ съ больными подойти близко нельзя, и эту-то живую заразу перевозятъ изъ селенія въ селеніе до Тифлиса и изъ Тифлиса въ Россію, для чего? Съ ужасомъ думаешь, не для того-ли, чтобы всюду заражать города и селенія тифомъ и дисентеріей? Больныхъ и заболѣвшихъ дорогой выбрасываютъ изъ арбъ въ пунктахъ, гдѣ царти плѣнныхъ останавливаются, а такъ-какъ эти пункты суть тѣ самые, гдѣ останавливаются наши раненые и больные, то легко можно представить себѣ, какое вредное влияніе можетъ имѣть это сношеніе въ одиѣхъ и тѣхъ-же станціяхъ плѣнныхъ съ нашими ранеными.

Кромѣ всѣхъ этихъ видовъ транспортовъ, постоянно по дорогѣ попадаются перекладныя и экипажи съ проѣзжающими въ Александрополь. Большая частьѣдущихъ — офицеры, но есть и дамы,

и некоторые жены и матери, спешащія къ раненымъ мужу или сыну. Разгонъ почтовыхъ лошадей ужасный. Почтовыя лошади околѣваютъ въ дорогѣ. На каждой станціи до 20 троекъ, а между тѣмъ нужно до 60 троекъ. Лошади не отдыхаютъ болѣе часа и, утомленныя, не Ѳдятъ корма. На каждой станціи ждутъ лошадей по десяти экипажей. А курьеры все летятъ и летятъ. Курьерская подорожная въ военномъ вѣдомствѣ замѣнила казенную. Въ Тифлискомъ штабѣ ее выдаютъ чуть-ли не каждому полковнику во время загону, и вслѣдствіе этого не только Ѳдущимъ съ частною подорожною, но даже съ казенными надо ждать на станціяхъ цѣлые часы. Платится за тройку почтосодержателю 1,200 руб. Выгодно и при этой платѣ пельзя содержать лошадей, и станціи разоряются.

Да и сама почта разоряетъ станціи, требуя ежедневно два раза подъ себя до 10 и 12 лошадей. Курезныя творятся у насъ дѣла. Принявъ во вниманіе, что бѣдные офицеры лишены возможности получать посылки по почтѣ мало-мальски грузными, такъ-какъ почта не принимала посылокъ болѣе 6 фунтовъ вѣсу, правительство распорядилось весьма гуманно, предписавъ почтѣ принимать въ дѣйствующую армію посылки до 1 пуда. Что же изъ

этого вышло, здѣсь, по крайней мѣрѣ? Воспользовались этимъ не офицеры; нѣтъ, а какъ-бы вы думали, кто? Опять-таки Армяне-купцы. Сообразивъ, что по почтѣ посыпать товаръ дешевле, чѣмъ транспортами, они такъ устроились съ почтой, что отправляютъ въ Александрополь товаръ, дѣля его по 40-пудовымъ посылкамъ на имя тамошнихъ купцовъ. И вотъ почта забираетъ 12 и 14 лотадей, чтобы возить армянскіе товары, а офицерскія посылки составляютъ лишь одну десятую всей пересыпаемой по почтѣ клади. Между тѣмъ очень легко было-бы избѣгнуть этого злоупотребленія, предписать почтѣ принимать пудовые посылки только на имя офицеровъ и солдатъ дѣйствующихъ армій, отнюдь не допуская пользоваться этимъ правомъ купцамъ или вообще невоеннымъ.

Четвергъ, 27, Александриополь.

Сейчасъ, то-есть около 11 часовъ вѣчера, прибыль въ Александриополь и поселился въ неизящномъ, но чистомъ номерѣ гостиницы „Швейцарія“. Утро до 12 часовъ посвятилъ посѣщенію госпиталей въ Делижанѣ. Что за дивное мѣсто Делижань! Природѣ какъ-будто пришла фантазія послѣ 150 верстъ однообразно скучнаго пейзажа безжизненныхъ картинъ создать иѣчто прелестное, и этотъ маленький рай земной устроить въ широкой долинѣ Делижана. По горамъ кругомъ богатая зелень, чудные лѣса, отлогіе скаты, въ долинѣ сады, и воздухъ, въ которомъ вы чувствуете что-то укрѣпляющее и благодатно-цѣлительное. Часть госпиталей находится въ домахъ, другая—въ палатахъ, на мѣстахъ ближе къ лѣсу и болѣе возвышенныхъ. Прежде всего я отправился къ на-

чальницѣ сестеръ милосердія, почтенной госпожѣ Бакуниной, к тораѧ эту святую должностъ исполнѧла еще зъ Севастополѣ въ 1854—55 годахъ. Нашелъ ее бодрою и, слава Богу, здоровою. Полься начальствомъ 19 сестеръ. На мой вопросъ: „довольна-ли она ими“, она отвѣтила; „про иныхъ скажу: очень, про другихъ этого не скажу“. Съ врачами она живеть въ полномъ ладу, съ иными даже въ дружномъ согласіи. Самое отрадное впечатлѣніе производятъ ея показанія о томъ, какъ благодѣтельно вліяніе этой мѣстности и ея климата на выздоровлѣніе раненыхъ и больныхъ. Показанія эти подтверждены однимъ изъ старшихъ врачей. Едва болѣнаго или раненаго, даже изъ самыхъ изнуренныхъ, привезутъ въ Делижанъ, какъ на другой-же день, смотришь, больной начинаетъ оживать. Самые трудные больные, даже дисентерики, въ этомъ воздухѣ ожидаютъ, и въ одной изъ палатокъ мнѣ пришлось видѣть раненаго со столбнякомъ, который возвращался къ жизни. Столбнякъ, то-есть полное овѣмленіе мускуловъ ногъ, рукъ, шеи, является у раненыхъ вдругъ и почти всегда кончается самою ужасною смертію, смертію отъ голода. Въ Делижанѣ воздухъ производить даже чудо исцѣленія отъ столбняка.

Но, увы! сказали мнѣ доктора, не долго еще

пользоваться этими климатическими благодѣяніями, ибо ночи начинаютъ дѣлаться холодными и морозы приближаются. Придется думать о переселеніи раненыхъ изъ палатокъ въ жилыя помѣщенія. Разница между палатками и душными помѣщеніями въ домахъ огромная: процессъ выздоровленія въ послѣднихъ несравненно медленнѣе и труднѣе. Кромѣ постоянныхъ больныхъ, Делижанъ принимаетъ и раненыхъ, какъ станція на пути слѣдованія къ Тифлису изъ Александриополя. Въ Делижанѣ есть складъ Краснаго Креста и уполномоченный. На немъ лежитъ обязанность снабжать госпиталь чаемъ, сахаромъ, виномъ и всѣми предметами, которые могутъ понадобиться госпиталямъ. Между нимъ, врачами и сестрами также полное согласіе, такъ-что раненые и больные пользуются сравнительно всѣми удобствами и облегченіями своего положенія вполнѣ. Приблизительно въ госпиталахъ Делижана перебывало до 6,000 раненыхъ и больныхъ. Изъ нихъ умерло не свыше 30 изъ привезенныхъ въ безнадежномъ состояніи.

Я засталъ солдатиковъ бодрыми и веселыми. Они набросились на меня съ вопросами о войнѣ и о томъ, какъ идутъ дѣла. Радость ихъ, когда они узнали о блестательномъ успѣхѣ Геймана подъ

Деве-Бойной, была безмърна. Кто прокричалъ *ура!* кто сказалъ „слава-Богу“ и перекрестился, кто рванулся на своей кровати, да вдругъ ахнулъ отъ боли, напомнившей бѣднаго, что онъ раненый. Взятие Эрзерума стало для нихъ дѣломъ рѣшеннымъ.

— Ужь grenaderъ, ваше в—діе, на полдорогѣ не остановишь, сказалъ одинъ Эриванецъ съ разбитою ногой,—пѣтъ!

— Дай-то Богъ, сказалъ я, глядя съ благоговѣніемъ на Георгіевскій крестъ, висѣвшій надъ изголовьемъ молодчика-солдата.

Я спросилъ ихъ, не нужно-ли имъ чего.

Вездѣ всѣ мнѣ отвѣчали, что имъ нужны книжки, и что читать имъ нечего.

Одни просили Евангелие, другие — Святцы, третыи — Іеалтыри, четвертые—что-нибудь забавное.

Я обѣщалъ имъ прислать книжекъ изъ Александрии, и здѣсь, какъ и въ Тифлисѣ, имѣть случай убѣдиться, на сколько эта сторона быта раненыхъ, сторона снабженія ихъ книжками и газетами, мало удовлетворена.

Кстати о книгахъ. Былъ на Руси писатель, недавно, увы! скончавшійся, съ громаднымъ талантомъ писавшій разсказы для солдатъ. Писатель

этотъ былъ А. Ф. Погосскій. Сколько мнѣ известно, право изданія его сочиненій купилъ книгорадавецъ Фену въ С.-Петербургѣ, а журналъ его для солдатъ пріобрѣдъ генералъ-маіоръ Зыковъ, тоже въ С.-Петербургѣ.

Почти нигдѣ я не встрѣчалъ въ госпиталяхъ книжекъ г. Погосскаго и журнала „Досугъ и Дѣло“!

Позволяю себѣ обратиться къ господамъ Фену и Зыкову съ моленіемъ высыпать сюда книжки г. Погосскаго и №№ журнала въ значительномъ количествѣ. Нѣть сомнѣнія, что зная, на сколько присылка этихъ книгъ будетъ радостью и благодѣяніемъ для бѣдныхъ солдатъ, издатели не пожалѣютъ отъ доброго сердца послать по нѣсколько экземпляровъ въ каждый госпиталь (ихъ до 50 на Кавказѣ) даромъ, но затѣмъ, независимо отъ этого, каждый изъ издателей можетъ предложить выслать по нѣскольку экземпляровъ въ Окружное Управленіе Краснаго Креста въ Тифлисѣ для продажи; зная, какъ цѣнятъ эти книги солдаты, Красный Крестъ, безъ сомнѣнія, пріобрѣтетъ книжки г. Погосскаго и журналъ за деньги. Главное—послать эти книжки въ Тифлисъ, въ Деликанъ и въ Александрополь, на имя уполномоченныхъ Краснаго Креста. Теперь, когда коли-

чество раненыхъ и больныхъ стало увеличиваться и они размѣщены будуть скоро по домамъ, болѣе, чѣмъ когда-либо, бѣднымъ солдатамъ необходимо чтеніе.

Я спросилъ у сестеръ милосердія, не нуждаются-ли онѣ въ чемъ-нибудь?

Оказалось, что имъ нужны теплая одежда и теплая обувь.

Я предложилъ имъ полушубки и валенки. Онѣ съ радостью приняли предложеніе.

Пятница, 28 октября, Александрополь.

Что за грустный и ужасный городъ Александрополь! Именемъ его должно быть: городъ смерти и страданій. Все, что живеть въ немъ, живеть, двигается, мыслить и чувствуетъ во имя смерти и во имя страданій. Музыка играетъ для похоронъ, колоколъ церкви печально возвѣщаетъ отпѣваніе, и утро каждого дня начинается обрядомъ погребенія кого-либо изъ скончавшихся въ больницахъ героевъ-страдальцевъ.

Да, герои-страдальцы: это название не поэтической вымыселъ и не преувеличеннія похвалы. Надо быть въ Александрополѣ и провести день, чтобы понять, оцѣнить и почувствовать, какую цѣну имѣютъ страданія раненыхъ русскихъ воиновъ.

Сегодня, подобно всѣмъ жителямъ Александрополя, кончаю утро присутствіемъ на погребеніи одного умершаго отъ раны офицера. То былъ ко-

мандиръ 1-го эскадрона Нижегородского драгунского полка Тетюцкій, храбрый офицеръ, горячо-любимый солдатами и офицерами, молодой человѣкъ, содержавшій скуднымъ своимъ жалованьемъ старушку-матерь. Его привезли уже мертвымъ изъ-подъ Карса двое товарищевъ и нѣсколько солдатиковъ и поставили въ греческую церковь для отпѣванія, такъ-какъ русской церкви въ Александрополѣ не имѣется. Русская церковь только въ крѣпости. Служилъ греческій старикъ-священникъ съ діакономъ, скоро и небрежно; маленькая церковь наполнилась солдатами всѣхъ полковъ, нѣсколькоими офицерами и двумя-тремя русскими дамами, пѣль какой-то Армянинъ-дьячекъ, и затѣмъ солдаты спесли на рукахъ смиренный гробъ покойнаго на Холмъ Чести.

Холмъ Чести—невысокая гора предъ крѣпостью. Тамъ лежатъ погребенные съ 1854 года падшіе въ бою русскіе воины. Къ сожалѣнію, въ промежутокъ времени между послѣднею войной и нынѣшнею обычай хоронить на Холмѣ Чести только падшихъ въ бою воиновъ былъ нарушенъ; стали хоронить всякаго, вслѣдствіе чего недостатокъ мѣста начинаетъ уже обнаруживаться. Принесли къ могилѣ, изъ глинянаго песку вырытой, простенькой гробъ, отслужили литію, пропѣли вѣч-

ную память христолюбивому воину, за Царя и Отечество животь свой положившему, священникъ прочиталъ разрѣшительную молитву, гробъ опустили въ землю, бросили песокъ, товарищи съ солдатами перекрестились, и затѣмъ всѣ разошлись и все замолкло! Все было такъ-же просто, какъ проста смерть этого юноши. Лишь гдѣ-то далеко въ какомъ-нибудь городкѣ откликается на эту простую кончину ужаснымъ крикомъ и ужаснымъ воплемъ старушкѣ-мать, наступить страданіе, безпредѣльное, страшное, безутѣшное, и ничто въ природѣ не утѣшить это горе, не ослабить эту боль...

Александроволь поражаетъ васъ съ перваго раза своею уродливостью какъ городъ и мрачными красками своихъ каменныхъ домовъ, большою частью одноэтажныхъ, съ плоскими крышами, и съ мостовыми, гдѣ на каждомъ шагу яма въ аршинъ глубины угрожаетъ сломать вамъ шею и ноги. Всѣ мало-мальски порядочные дома взяты подъ госпитали, остальные подъ гостинницы. Несмотря на то, и больнымъ не достаетъ помѣщенія, и пріѣзжимъ негдѣ бываетъ останавливаться.

Я познакомился прежде всего съ уполномоченнымъ Краснаго Креста Карцевымъ. Это молодой человѣкъ, на видъ весьма дѣятельный и неутомимый, изъ словъ котораго отрадно было убѣ-

диться, что онъ горячо принимаетъ къ сердцу свои обязанности и свое призвание. Дѣла у него страшно много, такъ-какъ въ Александрополѣ со- средоточивается отъ 4,000 до 5,000 раненыхъ и больныхъ въ 12 госпиталяхъ, и снабженіе всѣхъ госпиталей вещами Краснаго Креста лежитъ на немъ одномъ. Съ первыхъ-же словъ не трудно было убѣдиться, что такая громадная работа одному не по силамъ. Тутъ нужно нѣсколько уполномоченныхъ. Невольно я подумалъ: вотъ гдѣ мѣсто русскимъ молодымъ людямъ для несомнѣнно полезной дѣятельности! Но увы, ихъ пѣть!

Въ завѣдываніи г. Карцева находятся два склада Краснаго Креста, одинъ главный, другой расходный для ежедневнаго отпуска требуемыхъ въ госпитали вещей. Требованія эти присылаются къ вечеру изъ всѣхъ госпиталей на особыхъ запискахъ, за подписью главнаго врача, и исполняются утромъ. Требованія весьма разнообразны: чай, сахаръ, вино, водка, бѣлье, махорка, посуда, перевязочные средства, книги и т. д.

Кромѣ этихъ госпиталей, находящихся въ Александрополѣ, вѣденію уполномоченнаго въ Александрополѣ подлежатъ госпитали въ дорогѣ отъ дѣйствующаго оряда до Александрополя и въ районѣ пребыванія войскъ, такъ что складу Але-

ксандропольскому приходится снабжать до 20 госпиталей. По этому легко судить, какъ трудна и сложна дѣятельность Александропольского уполномоченного отъ Краснаго Креста, и какъ нужна ему подмога въ лицахъ.

Сегодня-же познакомился съ новымъ комендантомъ Александрополя, полковникомъ Эристовымъ, бывшимъ въ Тифлисѣ плацъ-майоромъ. Знакомство наше сопровождалось престраиннымъ эпизодомъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что Эрзерумъ взятъ.

Я не повѣрилъ.

— Повѣрьте, говорить онъ мнѣ.

— Вы это знаете официально?

— Официально нѣтъ, но извѣстіе это вѣрно. прїѣхалъ курьеръ изъ отряда. Молодцы!

Я началъ колебаться въ своемъ сомнѣніи. Радость начинала входить чрезъ маленькия щели въ сердце. Но вдругъ я вспомнилъ про побѣду Геймана, и, сообразивъ день и число, пришелъ къ заключенію, что, очевидно, привезенное курьеромъ извѣстіе о штурмѣ Деве-Бойны превратилось слухами и разсказами въ извѣстіе о взятіи Эрзерума.

Догадку я сообщилъ коменданту.

Онъ не хотѣлъ разувѣриться въ отрядной иллюзіи. Такъ мы и разстались.

Александрополь, 29 октября, суббота.

Сегодня познакомился съ генераломъ Зедергольмомъ. Былъ брагаднымъ командиромъ и командовалъ имъ дивизіей, онъ до послѣдняго времени былъ боевымъ генераломъ. Теперь онъ назначенъ инспекторомъ всѣхъ госпиталей въ Александрополь и въ его районѣ. Я нарочно называю эту личность. Лучшаго назначенія нельзя было сдѣлать на эту трудную и въ высшей степени важную должность. Генераль Зедергольмъ старый Кавказецъ: доблести старыхъ боевыхъ преданій ему сродни, и несмотря на то, что онъ уже не молодъ, сохраняютъ въ немъ бодрость, свѣжестъ и неутомимую энергию; онъ добръ и мягокъ, уменъ и сообразителенъ, быстръ въ желаніяхъ и въ дѣйствіяхъ, и въ любовь къ солдату влагаетъ всю свою душу. Всѣ эти прекрасныя черты побуди-

дили его взяться за дѣло, которое въ его рукахъ и для его совѣсти сдѣлалось горячимъ, живымъ и святымъ дѣломъ, и помогаютъ ему съ удивительнымъ тактомъ преодолѣвать всѣ щекотливости и затрудненія своего положенія. Съ одной стороны ему надо ладить съ Краснымъ Крестомъ, съ другой стороны, быть агентомъ военнаго вѣдомства. Съ уполномоченнымъ Краснаго Креста онъ сошелся, кажется, и отъ этого выигрываютъ, разумѣется, раненые и больные. Съ 5 часовъ утра генераль Зедергольмъ встаетъ и начинаетъ свою трудную работу. Работа эта дѣлится на два главные отдѣла: во-первыхъ, надсмотъ надо всѣми госпиталями, во-вторыхъ, завѣдываніе эвакуацией раненыхъ и больныхъ. Оба отдѣла требуютъ ежеминутнаго труда, и этотъ-то ежеминутный трудъ генераль Зедергольмъ совершаеть всегда одинаково добросовѣстно и съ одинаковою любовью. Къ тому же онъ умѣеть говорить съ солдатами, умѣеть быть строгимъ, и, втретихъ, принадлежить къ разряду тѣхъ немногихъ дѣйствительно добросовѣстныхъ тружениковъ, которые сознаютъ, что одинъ умъ хорошъ, а два лучше, и что слѣдовательно во всякомъ вопросѣ надо стараться пользоваться совѣтами другихъ лицъ.

Да, глубоко отрадное впечатлѣніе произвела на

меня встрѣча съ такимъ человѣкомъ во главѣ Кавказскихъ военныхъ госпиталей въ Александрополѣ. Съ перваго-же дня, какъ мнѣ рассказывали другіе, назначеніе такого человѣка дало себѣ почувствовать. Генералъ Зедергольмъ принялъся обходить госпитали, но не по-начальнически, а по-человѣчески; придетъ въ госпиталь, обойдеть, разспросить солдатъ, посмотритъ бѣлье, пойдетъ въ кухню, уйдетъ; черезъ три часа, зная навѣрное, что его не ждутъ, вернется опять, опять посмотритъ, найдетъ злоупотребленія, попробуетъ чай, наткнется на бѣлье со вшами; пойдетъ въ другой госпиталь, только не рядомъ, а въ противоположный конецъ города, тамъ такой-же осмотръ; къ вечеру онъ всѣ найденные въ госпиталѣ злоупотребленія и недостатки вноситъ въ особую суточную записку и посыаетъ ее по госпиталямъ съ выговорами и напоминаніемъ и инструкціями тѣмъ, кому оные слѣдуютъ. Первые дни больничные смотрителя и комиссары думали, что все это дѣйствие новой метлы, и расчитывали, что не сегодня, такъ завтра можно будетъ уснокониться и снова приняться за обкрадываніе больныхъ на бѣльѣ и на кушаньяхъ, но они жестоко ошиблись. Не только генералъ Зедергольмъ съ каждымъ днемъ становился взыскательнѣе, настойчивѣе и

строже, но, тѣсно и дружно сблизившись съ врачами, съ сестрами милосердія и съ уполномоченными Краснаго Креста, онъ въ каждомъ изъ нихъ нашелъ себѣ союзника и помощника, и слѣдовательно удесятерилъ себѣ подмогу, и невозможность обкрадывать больныхъ.

А обкрадывать больныхъ и раненыхъ было-бы весьма легко. На одной стиркѣ бѣлля смотритель можетъ съ каждого госпиталя въ 200 человѣкъ наживать среднимъ числомъ до 1 рубля въ день, а уже о пицѣ и говорить нечего. Принимая-же въ соображеніе, что въ районѣ надзора генерала Зедергольма находится до 5,000 больныхъ и раненыхъ, легко себѣ представить, какъ велика и неоцѣнима заслуга такого серьезно-честнаго и высоко-человѣколюбиваго человѣка.

Я засталъ его въ самую трудную пору его дѣятельности. Приходится размѣщать больныхъ и раненыхъ, а помѣщеній нѣть. Кромѣ военно-временныхъ госпиталей, есть большой госпиталь въ крѣпости на 600 человѣкъ. И комендантъ, и онъ рассказывали мнѣ, что въ этотъ госпиталь на 600 человѣкъ пришлось надняхъ помѣстить болѣе 1,500 человѣкъ! Въ дома на 60 и 80 человѣкъ пришлось помѣщать до 200 и 300 человѣкъ! Кромѣ того, семь госпиталей, т. е. около 2,000

человѣкъ, находятся въ палатахъ виѣ города, а морозныя ночи могутъ начаться не сегодня, таѣ завтра. Что дѣлать? спрашиваетъ себя сто разъ на дюо бѣдный генералъ Зедергольмъ. Эвакуировать, эвакуировать, скрѣе, скрѣе и больше! Но откуда взять усиленныя перевозочныя средства? Наступаютъ холода,—какъ сдѣлать, чтобы эвакуируемые не мерзли на дорогѣ? Отъ этихъ вопросовъ не ютится и не спится, а между тѣмъ съ каждою минутой становится каждый изъ вопросовъ настоятельнѣе. Благодаря такому сочувству и содѣйствію коменданта крѣпости, удалось кое-какъ привести крѣпостную больницу въ болѣе возможное состояніе: часть больныхъ была перенесена въ палатки, часть размѣщена въ городскихъ отдѣленіяхъ, часть отправлена далѣе на Деликанъ и Тифлісъ; такъ что въ настоящее время больные уже не валяются на полу, въ коридорахъ, и число ихъ доведено почти до нормальной цифры. Три и четыре раза въ недѣлю предполагается возможнымъ устроить усиленную эвакуацію, такъ чтобы довести цифру эвакуируемыхъ больныхъ до тысячи. Но бѣда въ томъ, что нѣть полушибковъ, нѣть тулуповъ, нѣть одѣяль.

А тутъ еще наваливаютъ громадныя партіи больныхъ Турокъ, съ тифами и диссентеріями!

Александрополь, 30 октября, воскресенье.

Вчера и сегодня посѣтилъ госпитали, находящіеся въ городѣ. Тяжелыя вынесъ впечатлѣнія. При всемъ желаніи помочь горю, ощущается целѣйшая невозможность сдѣлать изъ александронольскихъ домовъ помѣщенія, сколько-нибудь удобныя и годныя въ гигієническомъ отношеніи для бѣдныхъ раненыхъ. Комнаты пизки, воздухъ улицы, входящій черезъ окна, воняетъ отъ дурнаго содержанія города, въ комнатахъ больные скучены, какъ только возможно, вентиляціи никакой, а въ одномъ изъ госпиталей, устроенномъ на-скоро, въ старомъ и гадкомъ зданіи таможни, я нашелъ больныхъ, лежащихъ на полу, на тюфикахъ, рядышкомъ. Несмотря на то, бѣдные солдатики веселы, рады посѣщенію, благодарны за уходъ сестеръ, за отпускаемый имъ чай, и просятъ объ одномъ толь-

ко: что-нибудь почитать. Вездѣ я пробовалъ обѣдѣ: супъ съ говядиной и каша порядочны, а въ другихъ двухъ госпиталяхъ даже очень вкусны. Я имѣлъ случай убѣдиться, что главнымъ образомъ содержаніе раненыхъ и больныхъ зависитъ отъ старшаго врача. Тамъ, где старшій врачъ добросовѣстно озабоченъ состояніемъ своихъ больныхъ, тамъ онъ принимаетъ на себя заботу не только о леченіи больнаго, но обѣ обѣдѣ и ужинѣ, о бѣльѣ, о чистотѣ въ палатахъ и т. д.; васъ сразу поражаетъ различіе между двумя госпиталями, находящимися въ той-же обстановкѣ и при тѣхъ-же средствахъ; одинъ госпиталь въ сравнительно отличномъ состояніи; другой—гораздо хуже во всѣхъ отношеніяхъ, не исключая и результатовъ леченія. Немаловажную роль играютъ въ этомъ дѣлѣ и сестры милосердія. Типы ихъ до безконечности разнообразны. Однѣ отлично знаютъ свое дѣло и желаютъ имѣть влияніе на больныхъ; другія хотятъ пріобрѣсти это влияніе, но не умѣютъ; солдатикъ не полюбитъ ее, и конечно; въ этомъ случаѣ вы замѣчаете небрежность и беспорядокъ въ обстановкѣ больницы. Изъ разговоровъ съ врачами и съ другими лицами я успѣлъ замѣтить, что неизвѣстно, по какой причинѣ врачи перемѣщаются изъ одного госпиталя въ другой, такъ, здорово

живешь, по чьей-то фантазии, отчего, разумеется, страдаютъ больные, ибо только-что они успѣютъ съ своимъ врачомъ свыкнуться, какъ въ одинъ прекрасный день этого врача переводятъ въ другой госпиталь. Тамъ онъ пребываетъ нѣсколько недѣль, и опять переводится. Лучшимъ изъ видѣнныхъ мною госпиталей въ эти два дня былъ тотъ, который помѣщается въ зданіи духовнаго училища. Тамъ очевидно и ощутительно было вліяніе старшаго врача.

Въ другомъ госпиталѣ, въ домѣ Цытовцева, я познакомился съ прелестною личностью, съ фельдфебелемъ славнаго Тифлисскаго полка, Скибою.

Про него мнѣ рассказывали вотъ что: былъ онъ раненъ, не опасно, еще въ началѣ кампани. Полковой командиръ Ридигеръ, увидѣвъ, что Скиба раненъ, самъ принялъ за нимъ ухаживать на полѣ битвы, присутствовалъ при перевязкѣ, далъ ему коньяку, воды, велѣлъ при себѣ его перенести въ фургонъ, словомъ, выказалъ къ своему фельдфебелю самое сердечное участіе.

Скиба все это вложилъ себѣ въ сердце. Какъ сталъ онъ поправляться, ему было предложено отпра- виться на поправленіе на родину въ Малороссію.

Скиба сказалъ: нѣтъ, не пойду къ себѣ на родину, а въ полѣ вернусь.

— Да ты-же не можешь ходить съ ружьемъ говорять ему.

— Могу иль не могу, это мы увидимъ, отвѣтаетъ Скиба;—а, только одно, что вернусь къ своему командиру; онъ меня спасъ, когда меня ранили, онъ за мною ухаживалъ, даромъ-что я простой солдатъ, и я буду при немъ, пока не убьютъ или снова не ранятъ.

Когда Скиба вернулся въ полкъ, полковой командиръ, которому Скиба самымъ простымъ образомъ объяснилъ причину своего возвращенія, горячо его обнялъ и пѣблагодарилъ. Вернулся онъ съ Георгіемъ. Черезъ нѣсколько дней командиръ рассказалъ краткую исторію Скибы Великому Князю. Великій князь призвалъ Скибу, обласкалъ его и собственноручно надѣлъ на него второй крестъ. Скиба былъ счастливъ. Но увы! недолго. Въ слѣдующемъ же дѣлѣ пуля пробиваетъ ему правую ногу, съ раздробленіемъ кости. И вотъ бѣдный Скиба лежитъ въ госпиталѣ. А мѣсяцъ спустя ранили бѣднаго командира его. Скиба заплакалъ, когда узналъ о раненіи командира, перекрестился и сказалъ: „кабы полегче была рана“. Скиба лежитъ окруженный Тифлисцами своей роты. Онъ имъ читаетъ евангеліе и псалтири, они за нимъ ухаживаютъ, какъ дѣти за отцомъ, и вся палата

любить и уважаетъ бѣднаго Скибу. Я предложилъ ему житіе святыхъ, онъ крѣпко обрадовался моему предложенію, и завтра я ему принесу книжечки. Такими-то крупно-почтенными личностями полкъ доходитъ до той высоты, на которой стоитъ Тифлисскій полкъ. Про этотъ полкъ говорять военные, что онъ чуть-ли не переподголялъ Эриванцевъ, а это много значитъ на языкѣ Кавказцевъ.

Видѣлся съ комендантомъ и спросилъ его: разочаровался-ли онъ насчетъ извѣстія о взятіи Эрзрума. Съ грустью пришлось ему сознаться, что да! Вообще въ Александрополѣ гораздо менѣе знаютъ о событияхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, чѣмъ въ Тифлисѣ. Въ Александрополь доходятъ только слухи и разсказы посредствомъ пріѣзжающихъ изъ отрада, а о телеграммахъ офиціальныхъ и неофиціальныхъ нѣть и помину.

Узналъ сегодня о болѣзни трехъ сестеръ милосердія. Одна заболѣла тифомъ, заразившись отъ Турокъ; другая заразилась при перевязкѣ гноемъ и получила шемію, третья заболѣла отъ простуды воспаленіемъ легкихъ. Холодъ усиливается.

Александриополь, 31 октября, понедѣль-
НИЕ.

Посѣтилъ сегодня госпиталь № 10, находящійся въ палатахъ. Тамъ познакомился съ живущею, какъ всѣ раненые, въ палаткѣ, съ начальницей сестеръ милосердія, княгинею Хилковой. Вотъ тоже прекрасный типъ женщины. Простота и естественность ея, при совершеніи ежеминутно и такъ давно уже высочайшаго подвига евангельской любви, глубоко впечатлѣютъ. Переходъ отъ довольства и удобствъ петербургской столичной жизни къ палаткѣ въ Александриополь и къ дѣлу сестры милосердія совершился какъ-будто самъ собою. Сынъ ея, молодой офицеръ Лейбъ-Гусарскаго гвардейскаго полка, находится въ отрядѣ подъ Карсомъ, а она съ утра до вечера перевязываетъ своихъ больныхъ и завѣдуетъ многочисленною общи-

ной сестеръ милосердія, разбросанныхъ по Александриополю. Я отправился вмѣстѣ съ нею къ раненымъ. Едва она вошла въ палатку, какъ всѣ лица раненыхъ улыбнулись, просвѣтлѣли; бѣдняжки точно согрѣлись, и со всѣхъ сторонъ послышалось: сестрица, сестрица!

- Чѣмъ тебѣ? спрашивала она у одного.
- Нога разболѣлась.
- Отчего?
- Да не вы перевязывали, ватки не положили, холодно ужъ очень, ну и болитъ.
- Чѣмъ же ты не сказалъ доктору?
- Да не смѣль, боязно было, какъ бы не разсердился, какъ намедни.

Княгиня Х. принялась перевязывать.

- Сестрица! кричать другой.
- Чѣмъ тебѣ?
- Лихорадка у меня.
- Сестра такая-то, кричать княгиня.
- Явилась сестра.
- Дайте ему хины.
- Сестрица! кричать третій.
- Чѣмъ тебѣ?
- Книжечку я прочелъ.
- Уже?
- Вчера мы до полуночи читали.

— Интересно?

— Занятная книжка.

И такъ въ каждой палаткѣ.

Я сталъ раздавать раненымъ образки отъ Иверской и Сергиевской Лавры, съ поясками, обѣявивъ имъ, что присыпаетъ имъ эти образки Москва въ знакъ того, что Москва ихъ помнить, любить и молится за нихъ.

Слышу, въ углу кто-то плачетъ.

Солдатикъ одинъ плакалъ подъ одѣяломъ.

Мы подошли къ нему.

Оказалось, что онъ заплакалъ потому, что его тронуло вниманіе къ пимъ Москвы, и имѣть образокъ было давно его желаніемъ.

— Насъ помнятъ, за насъ молятся, повторялъ съ глубокимъ чувствомъ солдатикъ.

Каждый солдатъ бралъ образокъ и поясокъ, рассматривалъ его, три раза крестился, говорилъ краткую молитву, и если могъ, самъ надѣвалъ образокъ или обращался къ киягинѣ.

— Сестрица, надѣньте на меня.

Слова № 10 госпиталя имѣютъ для знакомыхъ со здѣшними госпиталями особый смыслъ. При № 10 госпиталѣ состоить доцентъ Дерптскаго университета, консультантъ-хирургъ Рейеръ. Рейеръ— это страшный для бѣднаго солдатика человѣкъ.

Онъ молодой, энергический и любознательный въ научномъ отношеніи нѣмецкій врачъ. Онъ весь отдался ножу и книгѣ хирургіи. Для него раненый есть хирургической субъектъ и только. Солдатики бѣдные съ первого дня это почувствовали и поняли. Едва произносится его имя, солдатикъ вздрагиваетъ, а когда Рейеръ входитъ, съ раненымъ дѣлается лихорадка. Дѣло въ томъ, что въ № 10 госпиталѣ помѣщаются все самые трудные раненые, именно для Рейеровской практики; оперируетъ онъ всѣхъ почти безнадежныхъ раненыхъ, и оперируетъ такъ, какъ оперируютъ въ клиникѣ, долго и съ сопровожденіемъ лекціи, такъ-какъ у него есть ученики, пріѣхавши съ нимъ изъ Дерпта. Солдатики изъ палатокъ слышать сжатые стопы подъ ножемъ йусыщенного товарища, видятъ, какъ его переносятъ въ операционную, видятъ, въ какомъ состояніи его приносятъ назадъ, и, наконецъ, какъ изъ десяти разъ девять въ тѣ-же сутки раненый и оперированный умираетъ, и легко себѣ представить, что они, бѣдные, испытываютъ.

Наканунѣ въ этомъ № 10 умерло 13 человѣкъ изъ оперированныхъ втеченіи однихъ сутокъ! Мы обошли всѣ палатки и достигли ужасной операционной. На этотъ разъ операція дѣлалась на воз-

духъ; у несчастного солдатика вынимали шулю изъ кишечкъ. Ужаснѣе этого стона хлороформированного ничего нельзя себѣ представить. Оттого присутствіе въ этомъ именно госпиталъ такой старшой сестры, въ которой безграницная христіанская любовь къ страждущему получаетъ такие мягкия, кроткія и ласковыя проявленія, какъ къ княгинѣ Хилковой, неоцѣнимое благодѣяніе для солдатиковъ.

Въ одной изъ палатокъ раненый позвалъ сестрицу.

— Что тебѣ?

— Священника; что-то слабѣю.

— Хорошо, голубчикъ.

Мы вышли.

— Вотъ для меня пытка, сказала мнѣ княгиня; — четвертый день зову священника, по нѣсколько разъ за нимъ посылаю, не могу дождаться; солдатикъ просить-просить, а тамъ и перестаетъ просить и умираетъ безъ священника.

Дрожь пробѣжала по тѣлу.

Увы! объясненіе было очень просто. На всѣхъ 4,000 раненыхъ два священника въ цѣломъ Александрополѣ.

Сегодня-же сообщилъ объ этомъ уполномоченному Краснаго Креста, который принялъ вопросъ

этотъ къ сердцу и обѣщалъ написать въ Тифлисъ, а независимо отъ этого я поѣхалъ въ церковь, и тамъ, къ счастію, засталъ священника, упросилъ его немедленно поѣхать въ госпиталь № 10, и дождался, пока онъ сѣлъ въ фаэтонъ и поѣхалъ.

Госпиталь № 10, Рейера, имѣеть еще одну особенность. Въ немъ раненые лечатся по новому способу воздушнаго лечения, то-есть раны оставляются открытыми и должны заживать подъ влияніемъ воздуха.

Вечеръ провелъ въ кругу нѣсколькихъ военныхъ: былъ съ нами одинъ изъ полковыхъ командировъ-Кавказцевъ, одинъ драгунъ, еще два офицера, и, разумѣется, разговоръ посвященъ былъ военнымъ воспоминаніямъ. Говорили о Кавказской гренадерской дивизіи. Эти четыре полка: Эриванский, Мингрельскій, Грузинскій и Тифлисскій, не имѣютъ себѣ подобныхъ солдатъ въ мірѣ. Кто не видѣлъ эти полки въ дѣлѣ, тотъ не можетъ составить себѣ о нихъ никакого понятія. Мало того, что эти солдаты—герои, они *сознательные герои*. Они сознаютъ, что они кавказские гренадеры, то-есть первые полки въ мірѣ, и вслѣдствіе этого они сознаютъ невозможность отступать или быть разбитыми. Подъ Зивиномъ ихъ надо было

подъ самыи адскими огнемъ силой заставить отступить. Не идутъ, десятки падаютъ, а люди все стоять и подвигаются. Грузинскій полкъ стоялъ тамъ отъ Мингрельскаго въ 7 верстахъ. Гейманъ присыпаетъ приказаніе отступить. Одновременно, какъ-будто сговорившись, оба полка присыпаютъ сказать, что они не отступятъ, а лягутъ до послѣдняго.

Этотъ духъ товарищества, солидарности и согласія своихъ боевыхъ завѣтовъ, во всѣхъ полкахъ дивизіи, составляетъ замѣчательную черту. Если не ошибаюсь, на другой день послѣ Зивина одинъ изъ генераловъ подъѣзжаетъ къ Грузинскому полку. Вѣроятно, онъ былъ не въ духѣ и привѣтствовалъ солдатъ не совсѣмъ ловко, а рѣзко.

— А! вѣсть еще много, сказалъ онъ;— мы сказали, что чуть-ли не полполка перебили.

Мертвое молчаніе.

Ни голоса, ни движенія.

Генералъ смущился и принялъ ласковый тонъ, поздравляя съ молодецкою храбростью.

Мертвое молчаніе.

Въ трехъ другихъ полкахъ дивизіи повторилась та-же сцена. Полки были обижены.

Въ этотъ-же день полки эти стали приводиться

въ порядокъ, то-есть строиться послѣ убылей, Безъ слезъ и безъ восторга нельзя было смотрѣть на эту сцену. Солдаты, не Ѳвші 30 часовъ, были веселы и бодры. Офицеры тоже. Вездѣ въ рядахъ страшные недочеты. Но будто ихъ нѣтъ; ротные командиры ходятъ, подсчитываютъ себѣ ряды: разъ, два, три, точно въ самое мирное время, а солдатики остряять и шутятъ.

Слѣдующій эпизодъ, характеризующій отношенія солдатъ къ командиру, прелестенъ. Въ одномъ изъ этихъ 4-хъ полковъ привезли на стоянку воду. Кто въ это время бывалъ въ походѣ, тотъ знаетъ, что такое за событіе привозъ воды: сутки солдаты не пили, жара страшная, а затѣмъ, такъ-какъ вода была въ этомъ мѣстѣ рѣдкость, солдатамъ приходилось раздавать по маленькой порціи. Полковой командиръ вышелъ изъ палатки и отправился къ начальнику дивизіи. Черезъ часъ онъ возвращается, и зная, что полкъ получилъ воду, приказываетъ свою порцію отдать своей лошади.

- Ее уже напоили, отвѣчаютъ ему.
- Кто напоилъ?
- Солдатики.
- Откуда?
- Изъ своихъ порцій цѣлос ведро дали лошади.

— Кто приказалъ?

— Никто, сами сложились и напоили!

Увы, теперь не великъ составъ этихъ героическихъ полковъ. Если въ каждомъ насчитать въ строю 1,000 человѣкъ, такъ это много. Остальные въ могилахъ и въ госпиталяхъ.

Я старался разъяснить себѣ причину историческую такого чуднаго духа въ цѣлой дивизіи.

— Причина, по-моему, одна, сказалъ мнѣ полковой командиръ:—это то, что каждый изъ этихъ полковъ имѣеть свою штабъ-квартиру, а штабъ-квартира — это святыня и школа для полка. Въ этой штабъ-квартирѣ отъ старого кавказскаго офицера духъ полка переходитъ къ дѣтямъ, дѣти рождаются и воспитываются въ духѣ и преданіяхъ своего полка, и когда они дѣлаются офицерами и поступаютъ въ свой полкъ, можно поручиться, что какіе-бы солдаты въ этотъ полкъ ни поступали, посредствомъ офицеровъ эти солдаты дѣлаются тѣми-же самыми кавказскими гренадерами, какими были старые солдаты. Гласная сила—офицеры.

Я заговорилъ о 39-й дивизіи.

— Она тоже стала совсѣмъ кавказскою; герои, молодцы, сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— А тутъ какая причина? спросилъ я.

— Тутъ, я вамъ скажу, какая причина: наша гренадерская дивизія дала имъ своихъ безсрочныхъ, ну да и у нихъ славныя преданія въ полкахъ; это тѣ же Кавказцы.

Потомъ мы перешли къ 40-й дивизіи.

Пришла она на Кавказъ. Кавказцы ее сразу забраковали, а мѣсяца черезъ два она такъ обстрѣлялась, что кавказскій гренадеръ удостоилъ ее назвать молодцомъ, послѣ того, что бралиль ее на всѣ корки.

— Ионеволѣ обстрѣляешься, сказалъ одинъ изъ офицеровъ,— отъ смерти не уйдешь. Какъ только солдатики и офицеры это сознаютъ, такъ и готово, обстрѣлялись, куда угодно ихъ посыпай—не отступять. Я былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ солдатикъ въ 40 дивизіи струхнулъ и спрятался за камень.

Командиръ это замѣтилъ и идетъ къ нему, чтобы его пристыдить. Подходитъ, видитъ—бѣдняга лежитъ уже мертвый: пуля попала въ камень и рикошетомъ попала въ него и убила наповалъ. Солдатики это увидѣли, и достаточно одного такого эпизода, чтобы подѣйствовать на весь полкъ.

— Офицеры—славный народъ въ 40-й дивизіи, сказалъ командиръ полка, Кавказецъ, — оттого такъ скоро дивизія и обстрѣлялась.

Рассказано было нѣсколько эпизодовъ о чувствахъ нашихъ храбрецовъ къ Туркамъ. Во время боя они не милосердны, послѣ боя солдатикъ нашъ снова дѣлается добродушнымъ и милосерднымъ.

— Я видѣлъ самъ, рассказывалъ однѣмъ офицеръ,—какъ солдатикъ послѣ сраженія, увидя раненаго Турка, стонами и жестами просившаго пить, остановился, пошелъ за водой и принесъ раненому Турку воду, и самъ его поилъ.

По поводу славнаго дѣла 3 октября былъ разсказанъ чудесный эпизодъ.

Во всѣхъ войскахъ предъ 3-мъ октября лозунгомъ было: *не отступать*. Въ отрядъ Мазарева, которому поручено было взять Визинкевъ, за наступленіемъ темноты, прибыло приказаніе остановиться и отложить штурмъ до слѣдующаго дня.

Одинъ баталіонъ не остановился, пошелъ дальше, началъ дѣло, пришлось послать ему подкрѣпленіе, и Визинкевъ былъ взятъ.

— Или пошлите намъ подкрѣпленіе, или всѣ умремъ, но назадъ не пойдемъ, рѣшилъ баталіонъ.

Сегодня отнесъ житія святыхъ пріятелю Скибѣ. Радость его была большая.

— Будетъ что съ солдатиками читать, отвѣтилъ онъ мнѣ съ сіяющимъ лицомъ.

Александриполь, 1 ноября, вторникъ.

Угрюмый день былъ для меня сегодня по впечатлѣніямъ. Пріѣхалъ въ госпиталь № 10 послѣ страшно холодной ночи, морозной, съ вѣтромъ. Всѣ сестры ходятъ съ опухшими отъ холода руками. Нельзя дѣлать перевязки; бинты какъ ледъ; вода замерзла; больные стонутъ и плачутъ. Княгиня Хилкова въ отчаяніи. Одна изъ сестеръ за-немогла отъ холода. Рейеръ объявилъ, что нельзя болѣе оперировать. Раны у больныхъ опухаютъ. Поправлявшіеся вдругъ получаютъ лихорадку. Не могу передать, что я испыталъ. Я онѣмѣлъ отъ ужаса, стою, слушаю и чувствую, какъ сердце щемить ужасная боль отъ сознанія безсилія помочь бѣдѣ. Минутъ десять спустя узнаю, что одинъ изъ раненыхъ въ ногу заморозилъ себѣ ногу, такъ какъ онъ лежалъ всю ночь съ под-

нятою ногой и она при полной неподвижности замерзла. Приходится ее ампутировать. Часъ спустя узнаю, что въ № 5 госпиталъ больной тоже отморозилъ себѣ ногу; а при этомъ воздушное лѣченіе! Какая ужасная, кровавая иронія! А помѣщенія для перевязки раненыхъ въ домѣ еще нѣтъ. Что дѣлать? Зная, что въ Тифлисѣ люди, завѣдывающіе Краснымъ Крестомъ, отличные люди, и что Великая Княгиня горячо принимаетъ къ сердцу всякую малѣйшую нужду раненыхъ, я рѣшился телеграфировать генералу С. подробно. Телеграмма эта была крикомъ ужаса. Я сообщилъ обѣ этомъ уполномоченному Краснаго Креста, который одобрилъ мой поступокъ и прибавилъ, что онъ съ своей стороны тоже телеграфировалъ подробнѣ, прося разрѣшенія пересыпать раненыхъ въ деревни молоканскихъ крестьянъ на шоссе къ Тифлису и въ округъ Александрополя. Потомъ отправился къ генералу Зедергольму. Напѣль и его въ отчаяніи. Онъ рѣшилъ завтра созвать главныхъ врачей, коменданта, и сообща обсудить вопросъ: какъ сдѣлать, чтобы немедленно спасти отъ бѣды?

А тутъ еще другія бѣды. Одна изъ старшихъ сестеръ милосердія, начальница Ставроопольской общины, умерла въ теченіе двухъ дней отъ воспа-

ленія легкихъ. Женщина эта пользовалась большимъ уваженiemъ и отличалась необыкновенною энергией и дѣятельностью. Она казалась колоссомъ силы и здоровья. Но александропольскому климату довольно было двухъ дней, чтобы сломить этотъ колоссъ.

Съ каждымъ днемъ все болѣе и сильнѣе чувствую отвращеніе къ этому городу. Русскій элементъ представляетъ собою однихъ страдальцевъ, физическихъ и нравственныхъ; армянскій-же элементъ—удовольствіе и наживу. Ветрѣтиль погребальную процессію одного офицера, его несли на Холмъ Чести. На крышѣ одного изъ домовъ между тѣмъ Армяне съ зурною и барабаномъ весело справляли свадебную пляску. Теперь 12 часовъ ночи. Все стихло. А Армяне все еще веселятся. Гдѣ-то въ дали раздаются неугомонныя зурна и раскаты барабана. Ночью эти пляски происходятъ съ аккомпаниментомъ факеловъ. Вся торговля здѣсь въ рукахъ Армянъ. Есть только одна русская фирма, торгующая водкой! Эксплуатациѣ Армянами нуждъ въ Александрополь страшная по безстыду и безжалостности. Я сегодня покупалъ фуфайки и теплѣе носки, искалъ вездѣ, и купилъ все, что могъ, для раненыхъ въ палатахъ. Цѣны неимовѣрныя, а уступки не дѣлаютъ дру-

гой, какъ мнимой, то-есть скидывая съ запрашиваемой въ триорога цѣны. Даже Холмъ Чести и тотъ въ рукахъ Армянъ. Чтобы заказать памятникъ, надо торговаться съ живущимъ вблизи кладбища Армяниномъ, и торговаться долго.

Сегодня прибыла въ Александрополь жена полковника Колодѣева, ѿдущая къ мужу, тяжело раненому подъ Эрзерумомъ. Несчастная женщина! Полковникъ Колодѣевъ — замѣчательно доблестная личность. Онъ былъ начальникомъ Тифлисскаго арсенала и имѣлъ мѣсто съ хорошимъ содержаниемъ и сравнительно спокойное. Но не сидѣлось ему на этомъ мѣстѣ. Загорѣлась воинская кровь! Не внимая совѣтамъ и отговорамъ, онъ все брошилъ, поѣхалъ въ отрядъ и взялъ на себя командованіе батареей. Такіе подвиги заслуживаютъ особенного вниманія!

Александриополь, 2 ноября, среда.

Сегодня погребена на Холмѣ Чести сестра милосердія Балуева, въ присутствіи многихъ ея сестеръ. Священникъ сказалъ надъ могилой теплое прощальное слово.

Благодаря Бога, сильно заболѣвшія двѣ сестры подаютъ надежду на выздоровленіе. Нынѣшняя ночь была холодна менѣе предыдущей. Отъ раненыхъ въ палаточныхъ лазаретахъ слышалъ, что они страдали менѣше. Вѣднаги были веселы. Говорили со мной о политикѣ, то-есть о войнѣ. Ихъ крайне интересуетъ вопросъ о Карсѣ.

- Богъ дастъ, онъ сдастся, сказали.
- Чего сдастся, говоритъ солдатъ, — надо брать.
- Нѣть, говорю я, — штурма не дай Богъ: мно-

го людей будетъ намъ стоить штурмъ Карса. Великій Князь бережетъ солдатскую жизнь.

— А на чѣ-же мы пришли, отвѣчаетъ солдатикъ, — какъ не для того, чтобы драться; кому лечь, а кому и уѣхѣть.

Солдатики единогласно подтвердили рѣчь товарища словомъ: вѣрно!

Сегодня вечеромъ было засѣданіе у генерала Зедергольма. Былъ комендантъ, было нѣсколько врачей, былъ и уполномоченный Краснаго Креста.

Предметомъ совѣщенія было обсужденіе вопроса: чѣ-сдѣлать съ ранеными въ виду наступившихъ холодовъ?

Хозяинъ сообщилъ, что ему хирургъ Рейерь заявилъ категорическимъ образомъ, что безъ опасности для жизни раненыхъ долѣе оставаться въ палатахъ нельзя, причемъ извѣстилъ, что у одного раненаго заморожена нога.

Тутъ произошла сцена весьма характерная, увы! нерѣдко повторяющаяся у насъ на Руси.

Несмотря на всю захватывающую за душу жизненность такого вопроса, онъ прямо перешелъ на почву личностей.

Встаетъ одинъ изъ военныхъ врачей, оказавшійся тузомъ военно-медицинскаго управления, и заявляетъ, что, какъ врачъ и хирургъ, онъ долженъ

отвергнуть основательность сдѣланныхъ г. Рейеромъ заявлений. Рейера-же самого не было.

Въ дальнѣйшемъ развитіи своей темы почтенный ораторъ-эскулапъ доложилъ, что, по его мнѣнію, нога не могла замерзнуть у раненаго въ палаткѣ, и что хотя дѣйствительно въ палатахъ теперь холодно и холодъ неблагопріятенъ для раненыхъ и больныхъ и желательно ихъ перевести изъ палатокъ въ теплый помѣщенія, но что всегда надо имѣть въ виду, что лучше быть въ палатахъ, чѣмъ въ дурныхъ жилыхъ помѣщеніяхъ.

Къ чему были сказаны всѣ эти слова, мы въ эту минуту не поняли: поняли мы полчаса спустя, когда изъ новаго протеста того-же туга-эскулапа противъ переданнаго Зедергольмомъ мнѣнія г. Рейера стало очевидно, что ораторъ не столько интересовался вопросомъ о 2,000 раненыхъ, стынившихъ и стонущихъ въ палатахъ, сколько о томъ, чтобы въ пику г. Рейеру противорѣчить каждому изъ его заявлений. Несмотря на несомнѣнность факта замороженной ноги, несмотря на то, что и въ другомъ госпиталѣ случился такой-же печальный фактъ, тузъ-эскулапъ сказалъ: не правда, этого не было, и кончено!

Къ счастію, онъ не пошелъ далѣе въ своихъ

смѣлыхъ противорѣчіяхъ и даже изволилъ изъявить согласіе на обсужденіе вопроса: какъ горю пособить? Когда-же разсуждали о помѣщеніяхъ въ городѣ, могущихъ быть обращенными въ госпитали, и назвали подвалы и бани, онъ громко протестовалъ, и весьма основательно, съ гигиенической стороны, противъ этихъ помѣщений. Но когда кто-то сказалъ, что докторъ Рейеръ тоже громко протестовалъ противъ взятія бань подъ помѣщенія для раненыхъ, тузъ-эскулапъ, къ немалому изумленію всѣхъ, заявилъ, что, по его мнѣнію, бани, напротивъ, могутъ быть пригодны, а подвалы нѣтъ!

Какъ-бы то ни было, но засѣданіе это безплоднымъ, благодаря предсѣдателю и многимъ членамъ, отнесшимся къ нему исключительно съ человѣческой стороны, не оказалось. Рѣшено было: 1) ходатайствовать о перевозкѣ всѣхъ легко раненыхъ и конвалезцентовъ въ молокансія и духоборскія деревни; 2) приступить къ опыту устройства теплыхъ палатокъ, съ дверью, окномъ и печью, и 3) немедленно-же приступить къ перенесенію госпиталей въ палатахъ въ жилыя помѣщенія въ городѣ, начавъ съ № 10 госпиталя. При этомъ для трехъ госпиталей тутъ-же въ засѣданіи найдены были помѣщенія. Въ этомъ за-

съданіи обнаружилось, что критическое положеніе бѣдныхъ раненыхъ въ палаткахъ въ столь поздней порѣ произошло отъ двухъ причинъ: 1) отъ неисправности подрядчиковъ и лицъ, взявшихъ на себя изготавленіе помѣщеній для раненыхъ въ зданіяхъ, предназначенныхъ къ тому въ городѣ, по указанію и заказамъ инженернаго вѣдомства, и 2) отъ безсилія мѣстнаго инженернаго вѣдомства: а) понудить подрядчиковъ къ исполненію въ срокъ обязательствъ и б) выйти изъ бумажной по этому животрепещущему вопросу переписки съ ея формулами безконечности.

Вообще ясно было, что вопросъ о судьбѣ раненыхъ въ палаткахъ 2 ноября засталъ всѣхъ врачи-сплохъ.

Въ этотъ вечеръ пришла и утѣшительная вѣсть отъ Тифлисскаго Краснаго Креста. Генералъ Зедергольмъ и уполномоченный получили депеши, извѣщающія, что сдѣлано распоряженіе обѣ отпускѣ 2,000 полушубковъ и 2,000 тулуповъ въ ихъ распоряженіе.

Никогда не забуду этого вечера и вообще этихъ двухъ тяжелыхъ дней. Говорить, разсуждать о томъ и о другомъ, вообще жить для себя и ежеминутно вспоминать, что вотъ-вотъ 2,000 раненыхъ забнутъ въ палаткахъ и что можетъ насту-

пить сильный морозъ и подуть съверный вѣтеръ, и что тогда будетъ, и быть безсильнымъ въ течениіи нѣсколькихъ дней помочь горю,—о, это ужасное ощущеніе и нѣвообразимая пытка!

Записываю характеристичныя слова, слышанныя мною сегодня на улицѣ.

— Это наши? спрашиваетъ какой-то Армянинъ у другаго вечеромъ, указывая на кучку народа.

— Нѣтъ, это Русскіе, отвѣтилъ другой.

Посѣтилъ сегодня пріятеля своего Скибу.

— Прежде, бывало, сказалъ онъ мнѣ, — здѣсь весело было.

— Отчего такъ? спрашиваю я.

— Да отъ солнышка; и гуляли, и разговоромъ занимались, а ионче, отъ погоды, что-ли, всѣ точно скучнѣе стали.

Александриополь, 3 ноября. четверг.

Сегодня мы здѣсь узнали двѣ новости изъ военнаго міра: первая о неудачномъ штурмѣ Эрзери-ма, въ отрядѣ Геймана, причемъ, говорять, страшно пострадалъ и все на своихъ геройскихъ плечахъ пынесь славный Бакинскій полкъ, и другая—о томъ, что 31 октября решено было штурмовать Карсъ, войска двинулись по диспозиції, корпусный командръ выѣхалъ, но штурмъ былъ отложенъ вслѣдствіе дурной погоды, снѣга и мятели. Изъ этого заключаютъ, что, вѣроятно, штурмъ возобновится надняхъ и, вѣроятно, очень скоро! Благослови Боже эту страшную попытку! Здѣсь военные люди говорятъ, что врядъ-ли штурмъ удастся; гадаютъ съ ужасомъ о громадныхъ потеряхъ, припоминая неудачу Муравьевскаго штурма, стоявшаго до 9 тысячъ человѣкъ. Ужасна эта пер-

спектива! А что, если не удастся, и если къ нынѣшнему количеству раненыхъ, изъ коихъ болѣе половины некуда помѣстить, придется еще размѣщать шесть или семь тысячъ? Ужасъ, ужасъ! А между тѣмъ, говорять, что такъ продолжать стоянку подъ Карсомъ нельзя: или надо штурмовать чтобы добыть войска зимнія квартиры, или надо, отойти отъ Карса и заключить за нынѣшній годъ компанію. Въ палаткахъ люди заболѣваютъ подъ Карсомъ, говорятъ, сотнями, а въ кавалеріи лошади падаютъ и падаютъ. Еще одно неудобство для взятія Карса. Кавказская гренадерская дивизія и часть 39-й подъ Эрзерумомъ. Съ ними на все можно рѣшиться. А подъ Карсомъ всего 40-я дивизія и Московская гренадерская, далеко еще не обстрѣленныя.

Получилъ изъ Тифлиса отвѣтъ на мою депешу. Въ немъ, какъ и слѣдовало ожидать, я нашелъ радостное увѣдомленіе, что посылается почтенный и дѣятельный докторъ Неммертъ въ Главную Квартиру для полученія отъ Великаго Князя уполномочія на принятие экстраординарныхъ мѣръ къ размѣщенію раненыхъ въ виду холода, и въ то-же время, что приняты мѣры къ немедленному усиленію перевозочныхъ средствъ для эвакуаціи раненыхъ и больныхъ изъ Александрополя. Мысль

уполномоченного въ Александрополѣ о размѣщении ихъ по русскимъ деревнямъ принита въ Тифлисъ съ полнымъ сочувствіемъ.

Слава-Богу, легче на душѣ стало. Холодъ къ тому-же сталъ слабѣе. Нѣтъ этого ужаснаго вѣтра. Сего дня-же здѣсь учредилась маленькая комиссія для пріисканія свободныхъ домовъ подъ раненыхъ. Между прочими рѣшено взять гостиницу „Швейцарія“, где я живу. О томъ уже объявлено черезъ поліцію хозяину: онъ повѣсила ность, заговорилъ обѣ убыткахъ, но дѣлать нечего: приходится покориться необходимости.

Посѣтилъ госпитальный помѣщенія для офицеровъ. Два изъ нихъ очень недурны во всѣхъ отношеніяхъ своего мѣста и свѣта, одно ужасно, но оттуда, какъ мнѣ сказали, офицеровъ уводятъ. У офицеровъ все есть: общество товарищей, чтеніе, отличныя постели, добрѣйшая сестры милосердія и очень порядочный столъ. Лежитъ ихъ въ трехъ госпиталяхъ около ста съ чѣмъ-то.

Сего дня-же посѣтилъ большой госпиталь въ крѣпости. Нашелъ его въ сравнительно хорошемъ видѣ. На одно лишь бѣднаги жалуются: нечего читать. Я обѣщалъ прислать имъ кипу книгъ. Наговорился сегодня съ однимъ казакомъ.

Не легко стало на душѣ. Казака увидишь, по-
Кавказскій путевой дневникъ.

говоришь съ нимъ—сразу полюбишь его. А между тѣмъ, знаете-ли вы, что нѣтъ въ русской арміи судьбы печальнѣе казацкой. Во-первыхъ, почему-то казакъ долженъ нести, кромѣ военной службы, личную службу услуженія. У кого нѣтъ казака въ услуженіи? Во-вторыхъ, кромѣ аванпостной службы, казакъ несетъ и пикетную или сторожевую службу. Тяжелая эта служба: цѣлый день или стоять на какомъ-нибудь холмѣ, или-же скакать въ видѣ конвойнаго. При всемъ этомъ о казакахъ никто не заботится. Полковой командиръ казацкаго полка можетъ дѣлать съ своимъ полкомъ, что хочетъ, никто съ него не взыскиваетъ. Некому и жаловаться. Ужасно и печально сказать: эксплоатировать полкъ и каждого казака въ отдельности, стало почти обычаемъ. Мнѣ называли полки, гдѣ командиры не держатся этого обычая; значитъ, не-много, увы, ихъ. Казакамъ слѣдуютъ деньги, ихъ просто не даютъ, и кончено. Казаки молчатъ, а командиръ богатѣетъ. Мнѣ указывали на одного изъ такихъ командировъ, который втеченіи трехъ мѣсяцевъ заплатилъ 40,000 рублей долга. Бѣдные казаки! Есть полки до того бѣдные, что они, чтобы выйти въ походъ, должны были заложить свои церкви. А между тѣмъ все-таки они служатъ источникомъ дохода для своихъ командировъ. Вмѣстѣ

съ тѣмъ казакамъ во всемъ отказываютъ; у нихъ нѣтъ палатокъ, нѣтъ каретъ для перевозки раненыхъ, есть полки, гдѣ нѣтъ никакой санитарной помощи.

— У бashi-бузуковъ, и у нихъ есть палатки, говорилъ крѣпко-грустно казакъ,—а казаку ничего не полагается. Есть бурка, и будетъ съ него; эта бурка служить ему и теплою одеждой, и палаткой.

А между тѣмъ казакъ тотъ-же храбрый, доблестный, добродушный, смиренный и великолѣтний русскій солдатъ. Одинъ казацкій офицеръ встрѣчаетъ своего казака полторы сутокъ послѣ сраженія 3 октября верхомъ; несчастный стонетъ, такъ-что у офицера заболѣло сердце.

— Что съ тобой?

— Раненъ, ваше вѣдѣ; мочи нѣтъ терпѣть, хоть-бы подстрѣлилъ кто.

— Когда?

— 3-го числа.

— Куда?

— Въ ногу, чуть выше колѣна.

Офицеръ осталбенѣлъ.

— И ты... началь онъ.

— Такъ точно, отвѣтилъ на недосказанній вопросъ казакъ; — фельдшеръ, какъ въ ту пору пе-

ревязалъ, такъ и отпустилъ, а понче ужъ и силь нѣть терпѣть.

— Что-же ты въ фургоны раненыхъ не легъ?

— Не приказано, ваше в—діе; сказали такъ, что въ фургоны турецкихъ раненыхъ помѣстили.

Кровь прилила къ сердцу офицера.

А у казака, глядишь, отъ боли потекли по загорѣлому лицу слезы.

Офицеръ взялъ съ собой казака и поѣхалъ въ ближайшее расположение одного изъ пѣхотныхъ полковъ. Полкъ этотъ оказался Московской гренадерской дивизіи. Онъ отправился къ полковому командиру Цеймерну и попросилъ у него позволенія помѣстить казака въ ихъ полковой фургонъ.

Командиръ, добрый человѣкъ, сейчасъ-же согласился.

Казака уложили въ удобный фургонъ, предварительно сдѣлавъ ему перевязку тщательно и внимательно. Надо было видѣть выраженіе благодарности на лицѣ бѣднаго казака, увидѣвшаго къ себѣ такую-же заботу, какъ къ солдату.

2 октября было небольшое кавалерійское дѣло, въ которомъ участвовали казаки и Нижегородцы-драгуны. Около двухсотъ человѣкъ наткнулись на шесть полныхъ турецкихъ батальоновъ, два раза

пробили себѣ сквозь ряды ихъ дорогу, потеряли до ста человѣкъ и спаслись быстрымъ отступлениемъ.

На другой день одинъ изъ драгунъ приходитъ къ сотенному командиру.

— Что тебѣ?

— Я, ваше б—діе, пришелъ заявить, что одинъ казакъ вашъ спасъ мнѣ жизнь.

— Какъ-такъ?

— А какъ мы назадъ-тоѣ бѣжали, лошадь у меня убили; я слышу Турки за нами, бѣгу, что только есть мочи, а силь какъ-будто не хватаетъ; только, слышу, позади меня справа кто-то кричитъ мнѣ: „Землякъ, а землякъ!“ Я гляжу: какъ-разъ справа камень, а за камнемъ лошадь стоитъ; подхожу: казакъ лежитъ, значитъ, раненый, да крѣпко стонетъ. Онъ меня, значитъ, подмѣтилъ, да и говорить мнѣ: „Бери, землякъ, мою лошадь и скачи, потому Турки нагонятъ и убьютъ“. Я братъ не хочу, совѣстно. „Тебѣ, казакъ, пригодится“, говорю. Онъ меня торопить. „Скорѣй, говорить, слышши Турки єдутъ. Обо мнѣ не заботься, я ужъ убитый, а ты спасайся“. Я и беру, значитъ, лошадь, напередъ помолившись Богу, сѣль на нее, пожаль еще казаку руку, а онъ все меня торопить, чтобы я єхалъ, и только ска-

залъ: помяни душу казака Николая Спирова. Такъ я и спасся.

Крупныя слезы полились по щекамъ драгуна.

Прослезился и офицеръ, слушая этотъ чудный разсказъ. Казакъ этотъ былъ изъ Кизляро-Гребенскаго полка. Это дѣло 2 октября еще разъ доказало, что такое Турки и что звѣрства надъ нашими ранеными производятъ не одни Черкесы, бashi-бузуки, а самое регулярное ихъ войско.

Кавалерійскому отряду изъ эскадроновъ Нижегородцевъ и 2-й сотни Кизляро-Гребенскаго полка и 40 человѣкъ Дагестанскаго полка поручено было сдѣлать рекогносцировку на Хаджи-Вали, Маграджика и Орлока. При выходѣ изъ Маграджикскаго оврага 2 октября, по указанію проводника Армянина, на другой день взятаго въ числѣ Турокъ въ плѣнъ, отрядъ наткнулся на шесть турецкихъ баталіоновъ въ полномъ составѣ. Что дѣлать? Они рѣшаются пробиться черезъ турецкіе ряды. Подъ залпомъ всѣхъ баталіоновъ отрядъ бросается карьеромъ на одинъ изъ баталіоновъ и пробивается. Пробившись, летить далѣе, и что-жъ? Прѣдъ ними отвѣтный оврагъ. Дальше идти нельзя. Въ одинъ мигъ они рѣшаются вернуться назадъ и снова пробиться черезъ Турокъ. Рѣшено и сдѣлано. Подъ этимъ-же огнемъ приготовляют-

ся ихъ встрѣтить турецкіе баталіоны; они пробиваются снова и ускакиваютъ.

Но увы! дорого имъ стоило это ужасно-смѣлое предпринятіе. Поле усеялось ранеными, оставшимися во власти Турокъ.

На другой день спасенные вернулись подбирать своихъ. И что они застаютъ? Всѣ тѣла уцѣлѣли, но раненыхъ уже не было. Всѣ были до гola раздѣты, поставлены въ разныя позы и увы! послужили еще живыми предметами страшныхъ истязаній и поруганій. Лица выражали адскія мученія. Почти каждому отрѣзаны были части тѣла, почти каждого саблей ударяли по головѣ (офицеры этимъ забавлялись), отрѣзаны были носы, вырѣзаны были на груди большиe кресты, залпами въ упоръ стрѣляли въ животъ, отрублены были ноги, однимъ словомъ, всякий изъ раненыхъ былъ измученъ звѣрски, пока не умеръ.

Что перечувствовали солдаты и офицеры въ эти минуты, глядя на голые трупы своихъ товарищей, человѣческое слово не въ силахъ сказать. Здѣсь опять сказалось чудное сердце казаковъ и солдатъ. Всѣ собрали между собою рубахи, подштанники, кто послѣднія отдалъ, и, благоговѣйно эдѣль въ нихъ несчастныхъ убитыхъ, предали землѣ.

Въ этомъ дѣлѣ погибъ казначай казачьяго Киз-

лярского полка Ушинковъ. Замѣчательно, что, какъ казначею, ему никогда не приходилось быть въ дѣлѣ, а тутъ неизвѣстно почему полковой командиръ его назначилъ. Когда ониѣ хали, Ушинковъ былъ очень грустенъ и задумчивъ.

— Что это ты такъ пріонылъ? спрашиваетъ его товарищъ.

— Да на смерть ѿду.

— Ну вотъ еще вздоръ, отвѣчаетъ товарищъ, разсмѣявшиись.

— А вотъ увидишь; предчувствіе есть: уже не даромъ меня назначили.

Затѣмъ онъ высказалъ нѣсколько распоряженій на случай смерти.

Товарищъ все смѣялся.

— Смѣйся, смѣйся, увидишь, что я правъ; до-садно умирать, когда жить хочется, и въ такомъ глупомъ дѣлѣ. И съ чего это именно меня назна-чили; я такой мирный человѣкъ, занять своимъ дѣломъ.

Черезъ полчаса бѣдный Ушинковъ, раненый, падаль съ лошади...

У бѣдныхъ казаковъ, участвовавшихъ въ этомъ несчастномъ дѣлѣ, осталось семьдесятъ человѣкъ, но остались они безъ ничего, при носильномъ пла-тьѣ, все потерявъ на мѣстѣ схватки. Я поспѣ-

шилъ предложить разсказывавшему мнѣ офицеру послать казакамъ изъ имѣющихся у меня вѣщей, что онъ и принялъ съ большимъ удовольствиемъ.

Александриополь, 4 ноября, пятница.

Сегодня осматривалъ № 5 госпиталь въ завѣдываніи старшаго врача Сухоцкаго.

Госпиталь этотъ находится тоже въ палатахъ, но въ немъ солдатики менѣе страдаютъ отъ холода, такъ-какъ мѣсто это закрыто отъ вѣтровъ горами. Раздавалъ солдатикамъ образки съ поясками. Какъ и въ другихъ госпиталяхъ, они очень были довольны. Госпиталь этотъ, благодаря старшему врачу и товарищамъ его, приложившимъ гигантскія усилия къ наилучшему веденію дѣла обращаетъ на себя вниманіе щегольствомъ въ содержаніи больныхъ. Все у него есть, начиная отъ фонтана и отличной кухни, и кончая богатою читальней. Старшій врачъ обратился лично къ редакціямъ нашихъ газетъ и почти всѣ стали при-

сылатъ свои изданія. Тутъ впервые попали изъ газетъ и мнѣ въ руки *Московскія Вѣдомости*, по странному стечению обстоятельствъ, попалъ именно тотъ нумеръ, въ которомъ неизвѣстная Москвичка бранитъ меня за то, что я упрекаю высшее Московское общество въ томъ, что оно не довольно занято помошью раненымъ. Я вернулся домой и написалъ сегодня-же отвѣтъ. Въ концѣ своей статьи Москвичка говоритъ, что она надѣется, что по возвращеніи моемъ я еще болѣе убѣжусь въ неосновательности моихъ обвиненій и въ справедливости ея словъ. Увы! этого-то не дано будетъ мнѣ испытать. Напротивъ, когда, дастъ Богъ, вернусь въ Москву, изъ всего, что я видѣлъ, почувствовалъ здѣсь, я болѣе чѣмъ когда-либо буду чувствовать душой, на-сколько много страдаютъ раненые наши нуждами и на-сколько въ сущности недостаточна имъ помошь, нами оказываемая, именно въ этихъ сферахъ общества, гдѣ у многихъ столько средствъ помогать въ десятеро больше, чѣмъ мы помогаемъ раненымъ теперь. Да одни ли раненые нуждаются въ нашей помошѣ? Нѣть дня, гдѣ-бы на зѣсты не открывались страшныя нужды нашихъ бѣдныхъ солдатъ, не раненыхъ! Что они страдаютъ! Что за лишенія они терпятъ! А признанные *неспособными* выздоровѣвшіе сол-

даты, отправляющіеся на родину изъ Александрополя? Знаютъ-ли многіе что не мало такихъ несчастныхъ, съ деревяшками вмѣсто ногъ, плетутся пѣнкомъ съ одною шинелью, иногда прострѣленною, въ 10° мороза на высокихъ горныхъ подъемахъ и должны протягивать руку прохожему? Нѣть чѣмъ глубже входишь душою въ этотъ міръ раздирающихъ ее страданій и нуждъ, тѣмъ непреложище становится убѣжденіе, что предъ долгомъ и совѣстю мы должны имѣть мужество себѣ сказать: что мы хотя много дѣлаемъ, но это многое очень мало сравнительно съ нуждами нашихъ раненыхъ братьевъ, и могли-бы дѣлать гораздо больше. Я тоже, какъ былъ въ Петербургѣ и Москвѣ, думалъ, что мы много дѣлаемъ и много даляемъ на раненыхъ; мой грузъ, купленный на приношенія добрыхъ людей, казался мнѣ неистощимъ сокровищемъ; но здѣсь я позналъ и прочувствовалъ, какъ мало между жертвами для страдающихъ за насть и между страданіями ихъ соответствія, и мой грузъ оказался каплею воды въ морѣ. Куда ни пойдешь, вездѣ нужда. Напримеръ, видишь въ госпиталяхъ молодцовъ поправляющихся, они лежать и кажутся веселыми.

— Ты слава Богу поправляешься? спросилъ я одного.

— Слава Богу, да только ходить не могу, хочется, а не съ чѣмъ.

— Какъ такъ?

— Да виши костылей нѣтъ, обѣщали, а не даютъ.

Оказывается, что костылей положено на госпиталь 20 паръ, на 21-го не хватаетъ.

И какіе костыли! Сегодня узналъ отъ одного въ госпиталѣ, что у него были костыли.

— Пошелъ съ ними, да какъ сталъ спускаться, одинъ костыль у меня и сломался пополамъ.

И такихъ костылей не мало. А хорошихъ не откуда взять. А деревянныя ноги! Въ нихъ здѣсь страшная нужда. А между тѣмъ мастера на выѣзжанье ихъ здѣсь ни за какія деньги не достанешь. И кому далуть деревяшку, на третій день она лопается и несчастный падаетъ.

Это все въ Александрополѣ, гдѣ сравнительно все имѣется — и средства, и помошь.

А тамъ на Деве-Бойнѣ, гдѣ-нибудь подъ Эрзен-румомъ, гдѣ ничего нѣтъ и гдѣ ничего достать нельзя? Подумаешь только о томъ, что тамъ за нужды у бѣдныхъ раненыхъ, и сердце заноется на цѣлый день. А въ Ріонскомъ отрядѣ, а въ Эривани, а въ Ардаганѣ, а подъ Карсомъ, гдѣ, говорятъ, наступили уже сильные морозы?

Да, когда на мѣстѣ увидишь и поймешь всю святость нашего солдата и всю глубину претерпѣваемыхъ имъ страданій и нуждъ, тогда любовь къ нему становится до того сильною и до того требовательною, что невольно для души дѣлается потребностью сознавать, на сколько мало мы для этого солдата дѣлаемъ и даемъ отъ избытка того, что имѣемъ и можемъ дать.

Вечеромъ сегодня слышалъ интересные эпизоды изъ солдатскаго быта нынѣшней войны.

Въ одномъ изъ дѣлъ подъ Карсомъ солдатики наши въ остервенѣніи бросились колоть раненыхъ Турокъ.

Одинъ изъ солдатиковъ жалѣеть врага, онъ сталъ усовѣщевать товарищѣй.

— Бросьте, говорить, братцы, вѣдь души у нихъ человѣческія.

По странному случаю, въ эту самую минуту одинъ изъ солдатъ докалывалъ Турка; тотъ успѣваетъ выстрѣлить, и пуля попадаетъ въ того самого солдата, который отговаривалъ и усовѣщевалъ своихъ товарищѣй.

Какъ солдаты увидали раненаго товарища падающимъ, они все позабыли. Въ одинъ мигъ не осталось ни одного Турка.

На другой день раненому объ этомъ разсказываютъ въ госпиталѣ.

— А ты знаешь, какъ за тебя отомстили солдатики? спрашиваютъ его.

— Слышалъ, сказалъ онъ съ грустною улыбкой;—жалко мнѣ ихъ, да ужь, видно, дѣлать было нечего.

Въ разговорѣ солдатъ о боевыхъ дѣлахъ попадаются характерныя описанія.

У одного спрашиваютъ: страшно-ли ему было встрѣтиться съ Турками.

— Какой страшно, а вотъ одинъ разъ, такъ и въ правду страхъ взялъ, какъ мы эдакъ, значитъ, къ нимъ подходили, темненько уже стало, стрѣлять они не стрѣляютъ, а слышно, какъ эти самые Турки противъ насъ зубами скрежещутъ, страшно стало, такъ морозъ всю кожу и задираетъ.

Очень живописно разсказывалъ намъ одинъ изъ полковыхъ командировъ дѣло 3 іюня подъ Карсомъ, въ которомъ такъ отличились Грузинскій полкъ и Сѣверскіе драгуны.

— Лежу я у себя въ палаткѣ, говорить онъ,— и собираюсь засыпать. Вдругъ слышу крики: Турки, Турки; я прислушиваюсь: одинъ выстрѣль, два, три. Вѣгаютъ ко мнѣ въ палатку.

— Турки, говорять.

— Убирайтесь вы съ вашими Турками, отвѣтилъ я,—откуда Турки? Только спать мѣшаете.

Опять выстрѣлъ. Опять вѣгаютъ офицеры.

— Турки, говорятъ они.

Я вскакиваю, выхожу изъ палатки; слышино, сверху почти надъ головою турецкія батареи такъ и жарятъ въ нашъ лагерь, и какъ-разъ гранаты ложатся между нашими ящиками со снарядами.

— Лошадь, крикнулъ я.

Полкъ собирается. Является генераль Гейманъ.

— Это что? спрашиваетъ онъ.

— Турки, ваше пр—ство, отвѣчаю я.

— Не можетъ быть, это наши стрѣляютъ.

Между тѣмъ три роты Грузинскаго полка бросаются на высоту съ одной стороны, а саперный батальонъ съ другой.

— Стой, погоди, вернуть, кричитъ Гейманъ.

Къ нимъ летять останавливаютъ.

Солдаты и офицеры не слушаются, идутъ, въ нихъ жарятъ, легло ихъ тутъ до 150 человѣкъ.

Что дѣлать?

— Ведите вашъ полкъ къ Панину (Панинъ командовалъ казацкимъ полкомъ), говоритъ Гейманъ командиру.

Полкъ выступаетъ выручать Панина.

Спускаемся въ равнину; здѣсь мы видимъ, что полкъ Панина уже выступилъ. Тогда я приказываю своему идти на турецкій отрядъ въ обходъ; Турки между тѣмъ уже встрѣтились съ Грузинцами. Грузинцы ихъ страшнымъ натискомъ опрокидываютъ, Турки бѣгутъ и тутъ на нихъ прямо фронтомъ налетаютъ Сѣверскіе драгуны; всѣ бросаются ружья, а драгуны рубятъ направо и налево. Блистательное было дѣло, несмотря на то, что Гейманъ не могъ простить, что Грузинцы самовольно распорядились и такъ скоро и мѣтко отбили одну изъ сильнѣйшихъ вылазокъ Туровъ подъ Карсомъ.

Любопытно, что вылазка эта, какъ они узнали послѣ, произведена была потому, что Турки чрезъ лазутчиковъ узнали, будто Гейманъ отошелъ отъ этой позиціи. Гейманъ дѣйствительно каждый день собирался отойти, но все откладывалъ. Лазутчики-же дали знать, что Гейманъ, оставивъ палатки и посты, самъ съ войсками отошелъ.

Еще два грустные эпизода, странные своею случайностью.

3 октября казаки преслѣдуютъ Туровъ.

Одинъ только казакъ былъ убитъ.

Казакъ этотъ, убивая Турка, ругался надъ нимъ.

— Брось ругаться, говоритъ ему другой казакъ,—вѣдь пуля можетъ тебя убить.

Едва онъ досказалъ эту фразу, какъ, видить, несчастный казакъ падаетъ съ лошади съ пробитою пулей грудью.

Въ одномъ изъ драгунскихъ полковъ офицеръ получаетъ дивизіонъ.

— Ну, теперь я застрахованъ отъ смерти, говоритъ онъ,—не убьютъ и не ранятъ; я такъ долго ждалъ дивизіона, что не судьба мнѣ теперь умирать.

И онъ сталъ необыкновенно веселъ.

Увы! въ первомъ-же дѣлѣ онъ убитъ наповалъ пулею въ животъ.

Ему назначаютъ преемника. На другой день онъ въ дѣлѣ. Пуля въ животъ, какъ-разъ въ то же мѣсто, и онъ умираетъ.

Изъ раненыхъ могу указать на турецкаго офицера, лежащаго въ офицерскомъ госпиталѣ. Онъ получилъ семнадцать сабельныхъ ударовъ въ голову. Теперь онъ поправляется, ходитъ и полюбилъ Русскихъ.

Александроволь, 5-го ноября, суббота,
утромъ.

Черезъ часъ отправляюсь въ отрядъ, какъ здѣсь называютъ Главную Квартиру и вокругъ нея стоящія войска. Чтобы не растерять въ дорогѣ кое-какихъ впечатлѣній, стоящихъ вниманія, записываю ихъ до отправленія въ путь. До Главной Квартиры и вообще до мѣста расположенія войска считается около ста верстъ. Доехать до нихъ весьма трудно. Надо или проѣхать эти сто верстъ верхомъ, какъ то дѣлаютъ ежедневно прибывающіе изъ отряда офицеры, или-же нанять фургонъ у молоканъ или Армянъ, или фаэтонъ у извозчика и заплатить около сорока и пятидесяти рублей. Почтовое сообщеніе есть, но оно частному лицу недоступно. Называется оно военно-загранич-

нымъ сообщеніемъ, вѣдается особымъ начальствомъ и заключается въ трехъ тройкахъ, разставленныхъ на пѣсколькихъ станціяхъ. Три эти тройки служить исключительно для почты и для проѣзда фельдъегерей. Я обратился тѣмъ не менѣе къ начальнику этого военнаго сообщенія и просилъ его содѣйствія для переѣзда въ главный отрядъ. Содѣйствіе онъ мнѣ оказалъ; оно заключалось въ томъ, что онъ мнѣ предложилъ сегодня везти въ Веранъ-Кале, то-есть въ Главную Квартиру, почу. Такимъ образомъ, ночуя на дорогѣ,—ибо по наступленіи темноты єзда прекращается и казацкіе пикеты снимаются,—я могу разсчитывать быть въ Веранъ-Кале завтра утромъ. На мой вопросъ о степени безопасности этого пути, мнѣ отвѣчали, что теперь онъ совершенно безопасенъ, такъ-какъ о шайкахъ разбойниковъ - Курдовъ, бродившихъ прежде въ этихъ мѣстностяхъ, болѣе не слыхать, а населеніе ауловъ начало примиряться съ заведенными русскими порядками и перестало даже послѣ двухъ-трехъ уроковъ портить телеграфныя сообщенія. Населеніе этихъ ауловъ полу-армянское, полу-турецкое, живущее въ землянкахъ или сакляхъ, по степени развитія не далеко отходящее отъ скотовъ, довольно равнодушно къ вопросуполитическому, но грабить было-бы не прочь,

если-бы не павели на него полезнаго страха наши казаки.

Здѣсь въ Александрополь, со словъ проѣзжающихъ изъ отряда офицеровъ, все упорнѣе распространяются слухи о близости штурма Карса; всѣ говорятъ о 7-мъ числѣ, то-есть о послѣ завтрашнемъ днѣ, какъ о днѣ, назначенномъ для штурма. Значитъ, придется мнѣ увидѣть это страшное событіе, но, Боже мой, какъ сердце рвется и молится, чтобъ этого штурма не было... Цифра десяти тысячъ новыхъ раненыхъ послѣ штурма неотвязчиво представляется воображенію и производить ужасныя впечатлѣнія, ибо теперь не десять тысячъ, а одной лишней тысячи раненыхъ негдѣ помѣстить.

Мы какъ-то съ военными здѣсь людьми бесѣдовали о штурмѣ Карса. Какъ я уже говорилъ, всѣ единогласно признаютъ удачу невозможную и пророчатъ отбитіе штурма.

При этомъ одинъ изъ боевыхъ офицеровъ рассказывалъ мнѣ очень живописно о приготовленіяхъ къ штурму Карса лѣтомъ, если не ошибаюсь, 3 июня.

Штурмъ Карса вдругъ рѣшился. Кажется, Гейманъ всего сильнѣе за него стоялъ.

Извѣстіе это принято было въ войскѣ какъ нѣ-

что зловѣщее. Въ успѣхѣ штурма не вѣрилъ никто. Ожидалась страшная кровавая жертва людьми и больше ничего.

— Никогда не забуду этого вечера и этой ночи, говорилъ намъ разсказчикъ.—Когда мы узнали, что будетъ штурмъ, всѣми овладѣло какое-то тяжелое чувство, тоска какая-то. Это ужасное чувство: идти на битву и знать, что ни дѣлай, успѣха не будетъ, цѣли не достигнешь. Не дай Богъ никому испытать этого чувства. Планъ приблизительно былъ таковъ. Дѣйствовать должны были двѣ дивизіи. Одной дивизіи, Комарова, подъ начальствомъ Геймана, предстояло взять три укрѣпленія, другой дивизіи, Девеля, съ другой стороны надо было штурмовать. Съ ранняго утра предполагалось бомбардированіе, а потомъ штурмъ. Я былъ въ дивизіи Комарова. Намъ представлялось вотъ что: мы ийдемъ, возьмемъ первое укрѣпленіе, хорошо; оставимъ тамъ полкъ; затѣмъ далѣе, съ тремя полками возьмемъ второе укрѣпленіе и тамъ оставимъ полкъ; съ двумя полками возьмемъ третій фортъ, хорошо. А затѣмъ что-же? Мы знали, что всѣ эти форты обстрѣливаются и, слѣдовательно, или нась вѣхъ перебываютъ, если мы будемъ держаться во взятыхъ нами укрѣпленіяхъ, или мы должны будемъ брать форты, положить

под-дивизіи и ути. Воть наша перспектива. Разумѣется, у всѣхъ грусть и на душѣ, и на лицѣ. Не запомню, чтобы такъ часто, какъ въ этотъ вечеръ, пришлось слышать между нами обѣ Евангеліи и обѣ завѣщаніи. „Нѣтъ-ли у тебя Евангелія, нѣтъ-ли молитвенника, вѣтъ-ли клочка бумаги?“ — „На чю тебѣ?“ — „Нисать женѣ, писать завѣщаніе; какъ пишется завѣщаніе?“ Только и слышинъ. Гейманъ насъ позвалъ обѣдать. Всѣ пришли грустные. Подали шампанскаго. Выили; немного развеселѣли. Послѣ обѣда вдругъ дождь ливнемъ. Потомъ чудный тихій и звѣздный вечеръ. Везде слышно двигаются, собираются; чистка идетъ, солдатики острятъ, а кто, смотришь, письмо пишеть, а другіе молятся. Скверно на душѣ. Хотѣль заснуть, нѣтъ, не спится. Затихло все. Во второмъ часу ночи сборы; выступать. Я въ палатки. Вдругъ появляется NN изъ штаба.

— Что такое? спрашиваю.

— Плохо.

— А что? Орудія завязли, не берутъ лошади, такая грязь, что страхъ.

Мы все-таки выступаемъ.

Вдругъ записка отъ Девеля къ Гейману, что онъ заблудился.

Лорисъ-Меликовъ рѣшаетъ: если такъ, я самъ

поведу дивизію. Ведеть. Но тутъ еще записка, отъ Геймана на этотъ разъ, съ извѣщеніемъ, что онъ не можетъ предпринять штурма, опоздаль, вслѣдствіе того, что артиллерія застряла. Мы вернулись. Когда мы узнали, что штурма не будетъ, вѣрите-ли, чѣмъ многіе изъ насъ не то, что обращались,—трусовъ между нами не было и нѣтъ,—а почувствовали, что Богъ на насъ ведеть и что не-премѣнно когда-нибудь будетъ штурмъ, но не та-кой; этотъ потому не состоялся, что онъ быль-бы для насъ ужасенъ.

— Ну, а теперь если будетъ? спросилъ я у рассказчика.

— И теперь не время, отвѣтилъ онъ.

У кого ни спросишь насчетъ количества турец-кихъ войскъ въ Карсѣ, все показываютъ различно. Плѣнныи Омеръ-паша говорилъ въ Тифлисѣ, что въ Карсѣ до 40,000. Лазутчики увѣряютъ, что до 15,000. Другіе говорятъ—не болѣе 10,000. При этомъ разсуждали такъ: если Муравьеву не удал-ся штурмъ и онъ положилъ до 10,000 человѣкъ, то что-же будетъ теперь, когда Карсъ го-раздо сильнѣе укрѣпленъ и у Туровъ магазинныя ружья?

Страшно, страшно!

Оставляя Александрополь, главный центръ вра-

чебной дѣятельности для нашихъ раненыхъ и больныхъ воиновъ, попытаюсь сказать и несколько словъ для обрисованія этой дѣятельности. Прежде всего скажу, что еще разъ, именно здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо, я убѣдился, какъ велико и умѣстно благодѣяніе Краснаго Креста. Военно-медицинское вѣдомство не предвидѣло зимней кампаниі; къ тому-же оно снабдило свои госпитали по нормѣ, предопредѣленной очень давно, и несколько лѣтъ назадъ, на извѣстное количество раненыхъ для каждого госпиталя, и черезъ это въ настоящее время терпитъ большія неудобства и большия недостатки, такъ-какъ врачи лечатъ раненыхъ сообразно требованіямъ современной науки, а госпитали этихъ современныхъ удобствъ и средствъ не имѣютъ, и каждый госпиталь волей-неволей долженъ помѣщать вдвое и втрое большее количество раненыхъ противъ нормы. Можно положительно сказать, что не будь Краснаго Креста на Кавказѣ, съ его неоскрудѣвающею дѣятельностью, пе только врачи военныхъ госпиталей оказались бы въ невозможности лечить раненыхъ удовлетворительно, но на двѣ трети раненыхъ не хватило бы бѣлья.

Гдѣ-то въ своемъ дневнику я говорилъ на основаніи сообщенныхъ мною разсказовъ о дурныхъ

отношенияхъ между военно-медицинскимъ управлениемъ и Краснымъ Крестомъ. На основавіи личныхъ моихъ наблюдений я долженъ сказать, что какъ въ Тифлисѣ, такъ и здѣсь, молва эта не совсѣмъ оказывается основательною въ томъ отношеніи, что персоналъ военныхъ врачей почти безъ исключенія находится въ отличныхъ отношеніяхъ къ Красному Кресту, и это-то составляеть главную причину сравнительно весьма удовлетворительного состоянія больницъ.

Визинкевъ, подъ Карсомъ, ночь съ 5 на
6 ноября, 11 часовъ вечера.

Шишу наскоро въ состояніи души, которое выразить не могу. Никогда ничего подобного этому состоянію души не испытывалъ. Что-то страшное по своей величественности, по захватывающему душу драматизму и по душевной боли. Боль душевная, сильная, и благоговѣніе безпредѣльное. Не знаешь, какъ выразить. Плакаль не разъ, и все плакать хочется, отъ мысли, сколько теперь нашихъ легло, ложится и ляжетъ еще до утра.

Штурмъ Карса идетъ, какъ говорятъ кругомъ меня офицеры; полчаса назадъ все вдругъ замолкло.

— Отбили, послышались миѣ голоса.

— Кого? спросилъ я точно задушеннымъ голосомъ.

— Насъ, кто-то отвѣчалъ.

Господи, что это была за мука: холодъ, жаръ, сердцебіеніе, отчаяніе, тоска, все разомъ терзаетъ и мучитъ. Я отбѣжалъ, бросился на колѣни, и молился какъ молились не часто въ жизни.

Въ двухъ шагахъ молились два солдата, стоя въ снѣгу по колѣни.

Но вотъ снова выстрѣль.

— Шушка.

Опять выстрѣль, другой, третій.

— Пошла! крикнули.

Мы точно ожили.

Что за ужасъ, прошла въ головѣ мысль: пальба—это вѣдь смерть нашихъ, а мы радуемся.

— Та, та, та, та, та, послышался ружейный огонь безпрерывный.

— Ну, слава тебѣ Господи, не отбили, сказалъ солдатъ, крестясь.

Бѣглый огонь длился съ полчаса.

Потомъ онъ снова замолкъ. Однѣ пушки отъ времени до времени палили.

Мы сошли внизъ.

Офицеры хотѣли прилечь и спать.

Я пакторо набрасываю эти строки.

По начну съ началы.

Я выѣхалъ изъ Александрополя въ десять ча-

совъ утра, съ почтой, въ должности почтоваго курьера, такъ какъ иначе почтовыхъ лошадей достать до Главной Квартиры нельзя. Всего на станціяхъ пять троекъ. Весь путь до пяти перегоновъ, около ста верстъ; послѣдніе два перегона составляютъ большой крюкъ, такъ какъ надо дѣлать обѣзѣздъ, чтобы не попасть подъ выстрѣлы Карскихъ укрѣпленій.

Дали миѣ везти до 500 тысячъ рублей деньгами и два тюка. При перекладной 20 человѣкъ конвойныхъ казаковъ.

Казаки эти смынялись черезъ каждые три или четыре версты. Стояли они несчастные на открытыхъ холмахъ.

— Холодно вамъ? спрашивалъ я ихъ.

— Холодно, отвѣчали они.

Стоять они такъ цѣлый день. Къ вечеру сходятъ и располагаются въ тѣхъ аулахъ, гдѣ находятся ихъ сотня и постъ воинскаго начальника.

— Лошадокъ жаль, сказалъ намъ одинъ казакъ.

— А что?

— Да нечѣмъ кормить, такъ весь день безъ корму и стоять.

Становилось холодно, такъ какъ мы все подымались. Послѣ двухъ часовъ появилась предъ нами большая сѣжная вершина.

— Это что? спросилъ я.

— Кизиль-Тапа, отвѣчали казаки;— вамъ туда и держать путь.

— А что это нынче не налять? спрашиваю я.

— Да, что-то не слыхать.

— А вчера слышно было?

— Всякій день слышно, отвѣтилъ казакъ.

Дѣйствительно, кругомъ мертвая тишина. Ни звука, кромѣ топота нашихъ коней, ни единой птицы нигдѣ, ни даже лая собаки. Солнце пряталось уже за горой, морозъ вступалъ въ свои права.

Вторая станція была Кюрюкъ-Дара. Тамъ два госпиталя и складъ Краснаго Креста. Третья станція—Хаджи-Вали. После Хаджи-Вали пришлось взбираться на Кизиль-тапу.

Станція изображается тремя телѣжками и тремя тройками: телѣжки на улицѣ, лошади въ сакль; тутъ-же помѣщенія для проѣзжающихъ; пѣсколько полѣнъ горѣло на полу: вся сакля полна дымомъ; въ чану кипѣлъ ямщицкій чай. Не забуду, какимъ дворцомъ эта переполненная дымомъ сакля показалась мнѣ послѣ мороза.

Восхожденіе на Кизиль-Тапу было настоящею ныткой. Началь дуть произительный сѣверный вѣтеръ, морозу градусовъ 10, лошади съ трудомъ

подвигаютъ телѣгу по массѣ снѣга, бѣдные казаки кочепѣютъ на голодныхъ лошаденкахъ. Отъ двадцати человѣкъ конвоя осталось всего два, несмотря на то, что днемъ нужды въ немъ было меньше, чѣмъ на Кизиль-Тапѣ, гдѣ день склонялся къ закату и наступали сумерки.

Но, само собою разумѣется, не достало духу заявлять претензію на такое таяніе моего конвоя. Я былъ въ шубѣ, а бѣдные казаки не всѣ имѣли даже бурки. Такъ я въ Визинкевъ пріѣхалъ съ двумя казаками.

Тамъ нашелъ очень любезнаго воинскаго начальника въ лицѣ молодого офицера сороковой дивизіи. Онъ стоялъ тутъ съ ротой. Сакля его съ настоящимъ каминомъ показалась мнѣ земнымъ раемъ: два солдата, расторопные и добрые, предложившіе самоваръ, да еще щей—какими-то ангелами, а жизнь въ эти минуты чѣмъ-то не земнымъ, но наслажденіемъ и блаженствомъ.

Съ молодымъ ротнымъ командиромъ мы подружились черезъ пять минутъ послѣ моего пріѣзда.

— Чѣмъ, весело тутъ? спросилъ я его.

— Не дай Богъ, отвѣтилъ онъ мнѣ съ живостью;—вотъ ужъ не думалъ, что приду сюда на Кавказъ для того, чтобы сидѣть въ саѣль и прописывать подорожныя,

— А вы давно здѣсь?

— Да ужь скоро мѣсяцъ, обѣщаютъ, что скоро снимутъ мою роту; да, помилуйте, есть съ чего досадовать! Приходишь воевать, очень понятно, всякому хочется-же отличиться, а тутъ изволь-ка сидѣть въ аулѣ да больныхъ принимать! Придетъ партія, подавай того, другого, третьяго; всякий требуетъ, ничего мнѣ не даютъ, всякий недоволенъ, денегъ у меня мало, велятъ все отпускать; варить пшеницу; дровъ нѣть, кизяку нѣть, надо солдатъ посыпать за 20 верстъ доставать топлива; какой-то жидъ запелъ сюда и продаетъ провизію въ десять разъ дороже противъ настоящей цѣны; за фунтъ сахару деретъ полтора рубля, за булку 20 копеекъ, за свѣчу стеариновую полтинникъ. Чѣмъ станешь дѣлать? Я человѣкъ бѣдный, живу однимъ жалованьемъ, и, вѣрите-ли, уже своихъ денегъ сколько я издержалъ. Потомъ, возьмите: всякий, кто проѣзжаетъ въ Главную Квартиру, не-премѣнно ко мнѣ заходитъ. Куда ему дѣться? Холодно, погрѣться надо; другой проголодается; надо чаемъ угостить, надо накормить, вѣдь это все расходы.

Дѣйствительно, положеніе невеселое.

Едва мы принялись за самоваръ, какъ подка-тили два офицера изъ Главной Квартиры: одинъ

толстый и пожилой, другой худощавый и молодой.

Толстый оказался капитаномъ изъ тѣхъ молодцовъ, которымъ море по колѣно и которые не очень разборчивы ни на выраженія, ни на пріемы въ сношеніяхъ съ людьми.

Юноша снялъ бурку.

На груди блеснулъ офицерскій Георгій.

Онъ ѿхалъ изъ Геймановскаго отряда, изъ-подъ Деве-Бойну, въ Александрополь.

Толстый капитанъ былъ не въ духѣ, все ругалъ и бранилъ, безцеремонно потребовалъ, точно въ гостиницѣ, водки, хлѣба, закуски, пока молодой георгіевскій офицеръ смиренno садился въ уголъ и закуривалъ цапироску.

Я предложилъ ему изъ моей провизіи, чтò имѣль. Разумѣется, толстый капитанъ, не дожидался предложенія, залѣзъ пальцами во все, что лежало на столѣ, а когда я сталъ разсирашивать юношу о томъ, гдѣ онъ получилъ Георгія, толстый капитанъ вмѣшался въ разговоръ и съ полнымъ ртомъ сталъ сквозь толстые губы говорить про себя:

— Это герой, началь онъ,—настоящій; вы видите, того, праорщикъ, а командуетъ уже ротой... Ну, положимъ, Георгія онъ подъ Ардаганомъ получилъ... А что вы думаете, вдругъ началь онъ,—что у меня нѣтъ орденовъ? Есть.

— Я ничего не думаю, отвѣтилъ я толстому капитану, желая отъ него отвязаться.

— Напрасно, сказаль онъ, не слушая меня и доставая свой кожаный мѣшочекъ,—не угодно-ли посмотретьъ.

Онъ вынулъ грязненькую бумажку, развернулъ ее и показалъ мнѣ нѣсколько ордековъ.

— Вотъ-съ и у меня есть.

— Да, но Георгія нѣть, сказалъ хозяинъ.

— Ну что же! не всѣмъ же Георгія, замѣтилъ капитанъ,—вы герой, молодчикъ.

— Ну я-то еще не очень заслужилъ Георгія...

— Слышите, началь капитанъ, не заслужилъ! Ирапорщикъ ведеть подъ адскимъ огнемъ цѣлый баталіонъ, ему кричатъ *ура*.—не заслужилъ! Ломаться нечего... А все-таки я скажу: Георгій Георгію рознь; вы вотъ заслужили, а другой не заслужилъ, а что я не заслужилъ, это, батюшка мой, вопросъ такъ-сказать личный; я вѣдь тоже, знаете, спуска давать не люблю, я, знаете, какой человѣкъ... Да вы кто такой? вдругъ спрашиваетъ онъ меня послѣ всего, что мнѣ наговорилъ,—позвольте узнать.

— Я такой-то.

— А, ну, очень радъ. Куда вы йдете?

— Въ Главную Квартиру.

— А, такъ! А нынче штурмъ будетъ.

— Какъ?

— Будетъ, ужь я вамъ говорю.

— Кто вамъ сказалъ? Навѣрно?

— Навѣрно.

— Какъ-же вы раньше не сказали? обратились мы къ нему съ досадой.

И дѣйствительно человѣкъ пріѣзжаетъ съ такимъ извѣстіемъ и сообщаетъ, о немъ случайно предпославъ ему столько ненужной болтовни.

— Да что это—пустяки, сказалъ онъ.

— Что пустяки?

— Да штурмъ.

— Какъ пустяки?

— Полѣзутъ и отобьютъ.

— Отобьютъ?

— Да, непремѣнно; развѣ можно братъ Карсъ? Это такъ, для препровожденія времени; холодно ну погрѣться.

— А тысячи убитыхъ и раненыхъ, это тоже пустяки?

— Пустяки; положать тысячъ десятъ и ладно, отвѣтилъ капитанъ.

Не успѣлъ онъ этихъ словъ сказать, какъ на улицѣ послышались голоса.

Вѣѣгаеть солдатъ.

— Ваше высокоблагородие, крикнул онъ, — палаять.

Мы все вздрогнули.

Вниманіе разомъ стало чуткимъ и острымъ; мы явственно услышали глухіе выстрѣлы.

Мы выбѣжали на улицу.

Возлѣ сакли была стѣна. Мы взобрались на нее.

Толпа солдатъ и казаковъ стояла кругомъ. У всѣхъ было предчувствіе, что пальба эта не изъ обыкновенныхъ.

— Неужто штурмъ? сорвалось у меня изъ стѣненной груди.

— Штурмуютъ, отвѣчалъ какой-то солдатъ, — ишь какъ жарятъ!

Предъ нами, при ярко сіявшемъ мѣсяцѣ, виднѣлись далеко Карскія высоты, казавшіяся не въ далекомъ разстояніи.

Я гляжу.

Вижу прямо противъ насъ вспыхивають огни, съ промежуткомъ въ полсекунды: то были пушечные выстрѣлы.

Потомъ вдругъ точно огненная змѣя блеснула по сѣйской дали, на длинномъ разстояніи. Нѣсколько секундъ спустя донесся непрерывный звукъ ружейной перестрѣлки.

Ужасный звукъ: что-то въ родѣ тяжелаго экипажа, ъдущаго по замерзлому шоссе.

— Турки жарятъ, сказалъ солдатъ.

— А вотъ и наши, сказалъ кто-то.

Въ снѣгу показались огни какъ разъ напротивъ. Потомъ долетѣлъ до насть трескъ, но уже не непрерывный, а въ видѣ залпа.

Какъ объяснилъ мнѣ офицеръ, эта разница въ выстрѣлѣ происходит отъ того, что, очевидно, Турки стрѣляютъ изъ магазинныхъ ружей и даютъ до шестнадцати выстрѣловъ сряду, а наши даютъ одинъ выстрѣлъ, останавливаются и затѣмъ даютъ другой.

Направо блеснули огни.

Минуту спустя—нальво.

Перестрѣлка усиливается. Уже не одна, а нѣсколько огневыхъ линій показались въ разныхъ направленияхъ. Пушечные выстрѣлы учащаются.

— Штурмуютъ, сказали солдаты.

Вотъ и съ горѣ показались выстрѣлы.

Что я испытывалъ, не могу выразить. Я дрожалъ, какъ въ сильнейшей лихорадкѣ. Первый разъ въ жизни приходилось видѣть выстрѣлы, убивающіе людей. Мысль, что каждый выстрѣлъ убиваетъ кого-нибудь изъ нашихъ, невыносимо тѣснила грудь. Сердце билось, точно выскочитъ хо-

тѣло. Не въ моготу стоять. Я соскочилъ внизъ и вошелъ въ саклю. Она пуста была. Я сталъ молиться.

Потомъ сѣлъ. Не сидится. Побѣжалъ опять на стѣну.

— Ишь, ишь, какъ жарятъ, говорить солдатъ.

— Досадно, досадно, сказалъ сфицеръ съ Георгіемъ,—уѣхать изъ-подъ Карса въ день штурма!..

— Благодарите Бога, что уѣхали, говорить капитанъ,—подъ огнемъ хорошо, а подальше все лучше.

— Полноте, съ жаромъ и страстью отвѣтиль юноша.—Слушайте... Казакъ! крикнулъ онъ.

— Чего изволите? отклинулся казакъ.

Тръ-тръ, та-та-та, раздался страшный ружейный огонь.

— Сходятся, ездятся.

— Смотрите, приближаются.

— Казакъ! крикнулъ юноша во все горло и точно задыхаясь.

— Чего изволите?

— Давай лошадь, лошадь.

Онъ вскочилъ.

Капитанъ за нимъ.

— Сейчасъ, сказалъ казакъ и побѣжалъ.

— Куда вы? набросился на него капитанъ, и тутъ-же, не замѣтивъ ската, свалился подъ падающими камнями.

— Поѣду.

— Куда?

— Это мое дѣло.

Глаза у юноши горѣли.

— Что вы, что вы! съума спятили!

— Нѣтъ, я поѣду смотрѣть поближе.

Воинскій начальникъ сталъ тоже удерживать его.

— Полноте! Куда вамъ.

— Нѣтъ, я не могу, здѣсь меня душить.

И дѣйствительно, это было наше отпущеніе: что-то душило, и страшно душило.

— Не пускайте его, обратился капитанъ къ воинскому начальнику.

Онъ былъ такой-же юноша.

— Полноте, неѣздите.

— Я только до этой горы доскачу, сказалъ тотъ, указывая въ даль па одну изъ снежныхъ вершинъ.

— Да она подъ выстрѣлами.

— За то лучше видно.

— Вишь жарятъ.

Канонада вдругъ усиливается; выстрѣль за вы-

стрѣломъ. Потомъ, смотримъ, огневыя линіи вдругъ исчезаютъ.

- Въ долину сошли, сказалъ кто-то.
- Наша береть, сказалъ другой солдатъ.
- Дай-то Богъ, сказалъ одинъ голосъ.
- Дай-то Богъ, повторило голосовъ сто.
- Пойдемте на гору, предложилъ мнѣ воинскій начальникъ. Гора Визинкевъ стояла направо, высоко-высоко предъ нами;—тамъ лучше видно.

Мы пошли. Спустились сперва въ глубокій оврагъ. Я упалъ разъ иять. Вѣтеръ дулъ холодный. Морозъ страшный. Снѣгу бездна. Мы вышли изъ оврага и начали подыматься. А пальба все идетъ.

Подымались скоро. Волненіе, біеніе сердца и замираніе его все усиливаются.

Я упалъ въ полномъ изнеможеніи, съ шубой на плечахъ. Залаяли какія-то собаки.

Въ этотъ-же мигъ я представилъ изъ себя штатского, изъ любопытства взбирающагося на гору смотрѣть на штурмъ Карса и надающаго отъ изнеможенія. Фу, какъ сталъ я вдругъ гадокъ самому себѣ, когда тутъ-же представилъ себѣ еще живѣе, что теперь происходитъ тамъ, въ этой роковой дали.

— Идите! крикнулъ мнѣ офицеръ.

Я вскочилъ и точно крѣпче сталъ.

„Что значитъ, когда стыдно станетъ“, подумалъ я, карабкаясь по склону.

Добравшись до места болѣе отлогаго, мы нашли тамъ маленький лагерь. На горѣ Визирека стояли въ палаткахъ до 80 человѣкъ солдатъ съ офицеромъ, коему поручена была охрана этой горы, стоявшей такъ дорого кавказскимъ храбрецамъ. Офицеръ и солдаты стояли на вершинѣ, упившись макушкой и чутко слѣдя за каждымъ движениемъ ружейной и пушечной пальбы.

Мой спутникъ поздоровался съ товарищемъ.

— Штурмуютъ никакъ? спросилъ офицеръ.

— Да, кажется, отвѣтилъ мой спутникъ.

Солдаты съ какимъ-то напряженнымъ вниманиемъ глядѣли въ освещавшуюся выстрелами даль.

— Винъ, винъ, сигналъ подаютъ.

Мы посмотрѣли.

Дѣйствительно, зажглись два фонари.

— Это съ нашихъ позицій?

— Нѣтъ.

— Съ нашихъ, тебѣ говорятъ.

Трахъ, трахъ.

— Эка жарятъ!

— Гляди, гляди, ракета али иѣть?

— Ракета.

— Съ горы пущена.

— Ужъ не взяли-ли мы ее?
— Дай-то Богъ.
— Тише стало.
— Чѣдѣ Богъ дасть, сказаль, взыхая, солдать;—
страшное дѣло.

Я отошелъ поодаль.

Не могу прийти въ себя. Какое-то страшно торжественное таинство свершалось, все въ воздухѣ этимъ дышало. Этотъ говоръ солдатъ, доходившій до меня, эти отдалившіеся отъ насть учащенные звуки пуль, гдѣ-то далеко, далеко лай собакъ, это яркое звѣздное небо, этотъ во всемъ блескъ сиявшій мѣсяцъ, эта снѣжная, морозная тишина, а тамъ прямо этотъ трескъ и эти молнии огней,—все вмѣстѣ производило странное, никогда неиспытанное въ жизни впечатлѣніе.

Мысль, что вотъ-вотъ теперь, именно въ эту ночь, рѣшается участъ кавказской кампаниі, не отвязывалась отъ души, и какъ явится, такъ сей-часъ забьется сердце, и страшно забьется.

Потомъ эта мысль исчезнетъ, является другая.

Вдругъ все стихаетъ, и тогда кажется, что вотъ сквозь эту тишину доносятся оны умирающихъ, крики раненыхъ. Смерть, смерть въ тысячѣ видовъ стоитъ точно ужаснымъ призракомъ передъ вами въ кровавомъ одѣяніи...

А морозъ трещить... Боже, что же происходит теперь на перевязочныхъ пунктахъ, вѣдь морозъ страшный, мнѣ и вѣ шубѣ холодно...

— Затихло, сказалъ, подходя ко мнѣ, мой спутникъ,—мы можемъ спуститься.

— Конечно, вы думаете?

— Должно быть.

— Я знаете, что думаю? сказалъ офицеръ, присоединяясь къ намъ

— Ну, что еще? спросилъ мой спутникъ.

— Это былъ не штурмъ?

— А что-жъ такое?

— Просто демонстрація.

— Такъ долго?

— Да, или вылазка.

— Вылазка, пожалй.

— Видите, штурмовать ночью Карсъ это немыслимо.

Дѣйствительно, все стихло.

Мыостояли минутъ десять.

Одинъ выстрѣль гдѣ-то далеко, потомъ все смолкнетъ; минуты двѣ спустя второй выстрѣль; опять тишина.

Затѣмъ и эти выстрѣлы смолкли.

Солдатъ снялъ шапку и перекрестился.

— Даль-бы Господь нашему Князю забрать этотъ *Карцеръ!*

Другіе солдаты послѣдовали его примѣру, и тоже перекрестились.

Мы послѣдовали примѣру солдатъ и перекрестились.

Затѣмъ мы стали спускаться по знакомой намъ дорогѣ внизъ къ аулу.

— Ну, что вы думаете? спросилъ я у моего спутника.

— Ей-богу не поймешь. Думаю, что штурмъ, а тамъ Богъ ихъ знасть...

Мы вернулись къ саклѣ.

Тутъ новая картина: прїездъ больного транспорта раненыхъ.

Я остался въ саклѣ, офицеръ пошелъ принимать транспортъ.

Въ саклѣ я засталъ толстяка-капитана уже хранящаго во всю силу своего могучаго носа.

Юноша, его спутникъ, уѣхалъ-таки куда-то на казацкой лошади.

Я принялъся записывать въ дневникъ мои впечатлѣнія.

Вскорѣ подѣхалъ нашъ георгіевскій кавалеръ.

— Ну, что спросили мы его.

— Да что, я думаю, что это не штурмъ, отвѣ-

тиль онъ;—что-то такое странное, вѣрнѣе всего, что это просто рекогносцировка.

— Дай-то Богъ, сказаль я.

— Нѣтъ, штурмъ лучше.

— Лучше, да вы все забываете раненыхъ. Куда ихъ дѣнуть? говорю я;—вѣдь это пахнетъ десятью тысячами.

— Да кто о раненыхъ думаетъ, съ жаромъ отвѣтилъ юноша,—когда люди дѣло дѣлаютъ?

Я разговарился съ этимъ юношемъ о Деве-Бой-юнисемъ дѣлѣ.

— Чудное было дѣло, сказаль онъ мнѣ,—честь и слава Гейману, не будь онъ, никогда-бы не было такого штурма. У насть рассказываютъ такъ: Гейманъ собралъ всѣхъ генераловъ на совѣщаніе; штурмовать или не штурмовать? Всѣ говорятъ, помилуйте, нельзя, это неприступная позиція. А, нельзя? говоритъ Гейманъ,—такъ я приказываю взять. И взяли. Потому что мы всѣ знали, что надо взять во что-бы то ни стало, и взяли! А потомъ, какъ увидали, что мы за позицій взяли, вѣрите-ли, смотришь и самому кажется невѣроятнымъ. Ловко мы сдѣлали обходъ, чортъ возьми, геніальная была штука. Турки, вобразите, такъ мало этого ожидали, что, когда Гейманъ уже сидѣлъ въ палатѣ Мухтара-папи,

то явился какой-то турецкий полковникъ, чуть-ли не начальникъ артиллеріи, спрашивать у Мухтара инструкцій, и вдругъ, каково его изумленіе, когда вмѣсто Мухтара онъ застаетъ Геймана, и прямо попадаетъ въ плѣнъ.

Отъ него узналъ я о страшномъ холодѣ подъ Эрзерумомъ и о недостаткѣ теплой одежды.

Я спросилъ о солдатахъ.

— У многихъ есть, и, говорятъ, подвозятъ, а вотъ у нашего брата и въ виду-то не имѣется.

— Да вѣдь купить можно.

— Можно, коли есть на что.

Я посмотрѣлъ на юношу.

— Знаете что, вотъ все мое имущество, что вы видите на мнѣ, продолжалъ онъ, — а въ портмоне два рубля шестьдесятъ копѣекъ.

Нужно-ли сказать, на сколько мое лицо выражало сожалѣніе и глубокое участіе.

— Какъ-же такъ? а жалованье? спросилъ я.

— Жалованье идетъ сестрѣ, она учится въ гимназіи въ С...

Все это было сказано просто и искренно.

— Вотъ теперь, благодаря этому крестику, скажалъ юноша, показывая на свой Георгій, — я немного стану богаче, а то бѣда.

Я предложилъ ему взять одинъ изъ моихъ по-
лушубковъ.

Онъ отказался.

— Я здоровъ, а раненымъ нужно менѣ, отвѣ-
тиль онъ, и какъ я его ни уговаривалъ, не могъ
уговорить.

Встрѣча съ такими личностями приносить въ
душу что-то теплое, освѣжающее и свѣтлое! Какъ
хорошо, подумалъ я, когда Георгій попадаетъ на
грудь именно такихъ достойныхъ.

Я взглянулъ на часы: было одиннадцать часовъ.

Мы вышли на улицу.

— Чѣмъ тамъ? спросилъ я у солдата.

— Шалять, да вяло.

Дѣйствительно, раздались въ теченіи двухъ ми-
нутъ два выстрѣла.

Мы пошли навѣстить больныхъ.

Часть лежала въ палаткѣ, въ невообразимой
тѣснотѣ—и рядомъ, и одинъ на другомъ. Другая
часть больныхъ лежала въ фургонахъ. Только-что
кончилось чаепитіе. Многіе изъ больныхъ каза-
лись слишкомъ бодрыми и веселыми для боль-
ныхъ.

Между солдатами шла оживлена бесѣда, рѣз-
ко отдѣлявшаяся отъ изнеможенія и неподви-
жности несколькихъ тяжело больныхъ.

— Чтò, плохо подъ Карсомъ? спросилъ я у московского гренадера.

— Плохо.

— А чёмъ плохо?

— Да холодно ужь очень.

— А ты чёмъ боленъ?

— Да лихорадить.

— А теплое платье у тебя есть? Фуфайка есть?

— Есть, и полуушбокъ есть.

— Чего-же тебъ жаловаться? говорить ему офицеръ;—небойсь у другого солдатика и фуфайки п'ять, и полуушбка в'ять.

— Оно точно.

— Они, вапе высокоблагородie, нёжны ужь очень, подхватилъ какой-то солдатикъ, — зябки больно.

Солдаты засмѣялись.

— Извѣстно, не привычно, добродушно сказалъ солдатъ,—нешто легко привыкнуть.

— Вотъ это правда, сказалъ офицеръ,—молодецъ.

Мы вернулись въ саклю.

Ардость, селеніе подъ Карсомъ, 6 ноября, воскресенье.

Продолжаю мой разсказъ по порядку.

Само собою разумѣется, что заснуть въ эту ночь я не могъ, какъ ни манили меня усталость, мягкая койка въ саклѣ моего пріятеля и богатырскій храпъ толстаго капитана.

Записавъ главныя впечатлѣнія въ свой „Дневникъ“, я прилегъ, потушилъ свѣчку и сталъ припоминать снова все пережитое въ эти нѣсколько часовъ.

Едва я началъ эту утомительную работу, какъ по лицу что-то пушистое и мягкое точно скользнуло; я подумалъ съ ужасомъ: не крыса-ли? Но зажегши свѣчу, убѣдился, что это кошка. Хозяинъ сакли рассказалъ мнѣ, что ночью, какъ тушатся свѣчи, сбѣгаются къ нему вѣсъ кошки аула, такъ

какъ эта сакля—единственное теплое жилье во всемъ аулѣ. Турки бѣжали, а кошки остались и укрываются ночью отъ мороза въ этой саклѣ. Набралось ихъ штука двадцать. Пришлось подчиниться печальной необходимости дѣлить ложе съ шестью кошками, но чтобы они не могли располагаться на моемъ лицѣ, я зажегъ свѣчу.

Пушечная и ружейная пальба такъ въ ушахъ и трещали до самаго утра. Едва стало разсвѣтать, какъ я всталъ и вышелъ на улицу.

— Чѣмъ кончилась пальба? спросилъ я у часового.

— Никъ нѣтъ.

Въ седьмомъ часу я выѣхалъ и слышалъ опять пушечные выстрѣлы.

Предпослѣдняя станція была Магараджикъ. Тамъ, зналъ я, была главная квартира генерала Алхазова. Думалъ, узнаю что-нибудь тамъ.

Недалеко оттуда, при поворотѣ, передо мною при первыхъ лучахъ солнца блеснула Карсъ.

— Вотъ Карсъ! сказалъ мнѣ яищикъ, указывая на него.

Крѣпость прижата къ высокой горѣ, отъ которой до насъ было по прямому направленію верстъ 18 по крайней мѣрѣ, но, казалось, это гораздо ближе, такъ какъ насъ раздѣляла большая долина.

на и солнечное освѣщеніе измѣняло т
спективы.

Съ этой минуты Карсъ оставался видѣнъ во все
время нашей ъзды: мы все вертѣлись около, и я
замѣчалъ, какой кругъ мы дѣлали, чтобы не по-
падать подъ пушечный выстрѣлъ.

Вотъ мы прибыли въ Магараджикъ. Много па-
латокъ, госпиталь, много движенія и солдатъ. Вы-
скочилъ я изъ перекладной. Иду къ солдатамъ.

- Чѣмъ ночью было? спрашиваю я.
- Говорятъ, атаковали.
- Кто?
- Да мы.
- Ну и чѣмъ?
- Взяли, слышно, позицію.
- А Карсъ?
- Карса не взяли, говорятъ.
- Иду къ другимъ.
- Тѣ-же вопросы и тѣ-же приблизительно отвѣты.
- А генералъ вашъ?
- Алхазовъ-то?
- Да, гдѣ онъ?
- Тамъ они.
- Гдѣ тамъ?
- Пошли съ нашими.
- Когда?

- Вчера послѣ обѣда.
- Чѣмъ же, былъ штурмъ?
- Слышно такъ, что былъ, а навѣрное не можемъ знать.

Странно, подумалъ я, и невольно началъ предчувствовать что-то неладное, ибо, говорю себѣ, еслибы что-нибудь было хорошее, навѣрно всѣ знали бы и эти солдаты знали бы; кто-нибудь прилетѣлъ бы сюда съ мѣста битвы.

Нечего дѣлать. Ёду дальше на Веранъ-Кала, гдѣ была Главная Квартира Великаго Князя.

На пути встрѣчаются мнѣ обозы и артиллерія.

„Спросить или не спросить? думаю я;—а ну-ка, если что-нибудь дурное; нѣтъ, лучше не спрашивать, будь чѣмъ будетъ, узнать всегда успѣю“.

Версты двѣ проѣхавъ, опять встрѣчаю обозы.

Не вытерпѣлъ.

- Чѣмъ, спрашиваю я, новаго?
- Кто ихъ знаетъ! Слышно, что взяли.
- Чѣмъ взяли?
- Да Карцеръ-то.
- Взяли Карсы! крикнулъ я.
- Не разберешь: кто говоритъ, взяли, кто говоритъ, не взяли.
- А вы откуда?
- Изъ лагеря.

Зажглась надежда, но въ то-же время родилось опять и сомнѣніе. Во всякомъ случаѣ на душѣ легче стало. Если говорить о взятіи Карса, значитъ даже, если онъ не взять, все-таки дурнаго ничего не было.

А Карсъ все подъ глазами, такъ вотъ и хочется крикнуть ему: „Взять ты или нѣть“?

Наконецъ, спускаюсь съ горы. Вижу лагери направо и налево. Все какъ-будто пусто.

— Чѣмъ это?

— Это Верань-Кала.

— Главная Квартира?

— Такъ точно.

Направо лагерь и налево лагерь.

Мы повернули направо.

Вижу флагъ. На немъ написано: „Почтамтъ“. Возлѣ кибитка, тамъ большая палатка. Вижу нѣсколько почтовыхъ чиновниковъ. Всѣ они смотрятъ куда-то прямо по направленію Карса.

Я перебѣхалъ мостикъ и подъѣзжаю съ своими тюками.

Выскочилъ.

Подхожу къ группѣ чиновниковъ. Сердце бьется, не смѣю спросить.

— А знаете... говорить мнѣ одинъ.

— Чѣмъ? прерываю я его.

- Карсъ...
- Ну, ну? Взять Карсъ! вырвалось у меня.
- Взять, взять, повторили нѣсколько голосовъ.
- Я перекрестился съ такимъ чувствомъ, какъ рѣдко крестился въ жизни.
- А потеря?
- Неизвѣстно; говорятъ, небольшія.
- Вотъ везутъ раненыхъ, сказалъ кто-то, указывая на приближавшуюся вереницу арбъ.
- Я не вѣриль еще, признаюсь, въ возможность такого баснословно-великаго счастія.
- Штурмомъ взяли?
- Какъ-же. Всю ночь штурмовали. Вчера въ семь часовъ выступили.
- Да вѣрно-ли?
- Вѣрно. Сейчасъ прискакалъ фельд-егерь съ депешей Великаго Князя къ Государю для телеграфа. Да вотъ, вотъ, смотрите, Турки бѣгутъ, видите?
- Мнѣ указали на снѣжную вершину за Карсомъ и подъ Карсомъ.
- Я взялъ бинокль и сталъ смотрѣть. Впервые мой бинокль мнѣ пригодился.
- Вижу темныя кучки двигаются по снѣгу, то мухи по сахару.
- Это Турки.

— Куда-же они бѣгутъ?
— Удираютъ.
— Кавалерію послали за ними.
— А гдѣ-же Великій Князь? спрашивалъ я.
— Тамъ, объѣзжаетъ войска, вѣроятно; здѣсь никого неѣть, все пусто; одни только мы, почтовые чиновники.

Я началъ спрашивать о подробностяхъ.

Никто ничего не зналъ. Не знали даже о томъ, кто убитъ и кто раненъ.

Я поседилъ у одного изъ любезныхъ чиновниковъ почтамта, предложившаго мнѣ гостепріимство въ своей палатѣ, помощника управляющаго полевымъ почтамтомъ. Подали самоваръ, солнышко стало грѣть, а на душѣ такъ легко, такъ радостно, какъ давно уже не было. Почти въ томъ-же родѣ чувство, какъ радость въ тотъ день, когда, 19 лѣтъ отъ роду, я вышелъ изъ училища окончившимъ курсъ. Заботы, печали, грустныя воспоминанія,—все исчезло; радость и безпредѣльная благодарность Богу, больше ничего на душѣ не было.

Бесѣдовали обо всемъ, и о почтѣ, разумѣется.

Узналъ, что несмотря на ликованія, въ полевомъ Кавказскомъ почтамтѣ стряслась бѣда. Обнаружились беспорядки. До 20 тысячъ писемъ не

было доставлено, и въ томъ числѣ много денежныхъ. Къ счастью, все это обнаружилось, и никто не старался, какъ это у насъ дѣлается, затушить дѣло, а прямо, по энергическому настоянію начальства, вельно все дѣло разслѣдовать, начальство смѣнить, назначить другого, и всѣ упущенія исправить. Удивительно, что главная причина была просто неряшество, а не недобросовѣстность, ибо письма оказались на лицо. Въ особенности пострадали письма бѣдныхъ солдатиковъ, то-есть денежныя къ нимъ въ одинъ рубль присылки при письмѣ съ родины.

Закусивъ, мы отправились осматривать лагерь. Большая дорога, широкая и сравнительно не дурная, раздѣляла, какъ я сказалъ, лагерь на двѣ половины. Направо была большая палатка корпуснаго командира, его начальника штаба, лицъ его штаба, комендантскаго управлѣнія, почтамтъ, казначейство, телеграфъ, интенданство и т. д.

Налѣво впереди стояла избообразная палатка князя Святополкъ-Мирскаго, подальше, посрединѣ, съ маленьkimъ палисадникомъ и съ двумя часовыми, большая палатка съ тремя окнами Великаго Князя Главнокомандующаго, возлѣ длинная, открытая съ одной стороны столовая палатка, а затѣмъ палатки чиновъ Главной Квартиры.

Въ лагерѣ не было ни души.

Послѣ осмотра лагеря мы направились къ приблизившемуся транспорту первыхъ раненыхъ.

Это были не трудно-раненые.

Всѣ они глядѣли бодро и не имѣли страдальческаго вида.

Мы ихъ поздравили. Они намъ отвѣчали весело.

Ихъ отправляли въ Ардость, въ селеніе въ 5 верстахъ отъ Веранъ-Кала, гдѣ находятся главные госпитали. Но увы! ни у кого изъ этихъ солдатиковъ не было ни полушибковъ, ни тулуповъ.

Минутъ десять спустя какъ-будто что-то засуетилось. Послышались голоса.

Мы оглянулись кругомъ.

— Ёдутъ, ёдутъ, услыхалъ я.

Справа изъ ущелья спускалась къ долинѣ группа всадниковъ.

— Кто это? спросилъ я:— Великій Князь?

— Нѣтъ, это бѣлая лошадь, это должно быть Мирскій, онъ всегда на бѣлой лошади.

И дѣйствительно минуты три спустя мы увидѣли на бѣломъ арабскомъ конѣ, въ длинномъ пальто, князя Мирскаго подъѣзжавшимъ къ своей палаткѣ. Князь Мирскій замѣчательно красивъ, бѣлокурый, средняго роста, стройно и изящ-

но сложенъ; съ перваго-же взгляда на его наружность глаза пріятно очаровываются его вельможескою фигуруой. За нимъ былъ знаменосецъ, иѣсколько военныхъ и казацкій конвой.

Сойдя съ лошади, онъ вошелъ въ свою палатку.

Четверть часа спустя суeta и тревога стали вдругъ сильнѣе. Отовсюду, вижу, сбѣгаются.

То былъ Великій Князь. Издали можно было догадаться по огромной свитѣ.

Великій Князь спускался медленнымъ шагомъ съ горы, на небольшомъ гнѣдомъ конѣ.

Его Высочество былъ въ артиллерійскомъ сюртукѣ и носилъ на лицѣ и во всей виѣшности отпечатокъ чего-то торжественнаго и радостнаго.

Было около часу дня, когда Великій Князь вернулся. Я отправился разыскивать палатку князя Ш., вернувшагся въ свитѣ.

Тутъ я узналъ первыя подробности о штурмѣ Карса. Увы! эти первыя подробности глубоко поразили меня печалью, ибо я узналъ о смерти графа Граббе и о смертельной ранѣ молодого князя Меликова, сына начальника Дагестанской области. Послѣдній былъ пріятель князя Ш., онъ только что его видѣлъ. Пуля ему попала въ животъ, а когда его положили на носилки, его дрогнула вторая пуля и ранила въ ногу. Первая рана была

смертельна. Сегодня-же изъ разговоровъ съ нѣсколькими лицами успѣлъ убѣдиться, насколько личность молодого Меликова была честна, привлекательна и симпатична. Его перенесли въ саклю одного изъ ближайшихъ ауловъ. При немъ были двое изъ его слугъ, ухаживавшіе за нимъ такъ-же нѣжно и внимательно, какъ ухаживаются за раненымъ сестры милосердія. Онъ страдалъ ужасно, но преодолѣвалъ муки силой своего свѣтлаго и любящаго духа. Въ самыя трудныя минуты схватокъ онъ улыбался и протягивалъ руку князю Ш., говоря: „Плохо! Хоть я и Сувари-паша, но ужь больше мнѣ крѣпостей штурмомъ не братъ“. Сувари былъ взятъ его колонной. Послѣ Сувари онъ отправился къ Чиму, и тамъ кончилось его поприще. Храбрость Меликова была всѣмъ извѣстна. Такъ какъ онъ всегда рвался впередъ, то съ него товарищи взяли слово, что онъ впередъ бросаться не будетъ. Онъ и шелъ позади, пока колонна подвигалась къ Сувари, Меликовъ бросился впередъ. Послѣ Сувари опять напомнили Меликову его обѣданіе идти позади. Онъ опять исполнилъ желаніе друзей и офицеровъ. Подходили къ Чиму; не выдержала геройская кровь: Меликовъ бросился, и тутъ пуля въ него попала. Великій

Князь посетилъ его сегодня утромъ. Когда онъ подошелъ къ блѣдному раненому, страдальческое лицо его просвѣтлѣло, онъ улыбнулся. Великій Князь протянулъ ему руку, онъ крѣпко ее пожалъ, и на вопросъ, какъ онъ себя чувствуетъ, отвѣтилъ, что ничего, не очень страдаетъ. Великій Князь хотѣлъ словами ободрить его и показать видъ, что онъ не считаетъ его безнадежнымъ, но бѣдный герой покачалъ грустно головой и сквозь улыбку сказалъ, что на поправленіе не разсчитываетъ. Тутъ-же послѣ разговора съ княземъ III. о Меликовѣ я увидѣлъ доктора Рейера. Онъ дѣлалъ Меликову первую перевязку и посетилъ его еще сегодня утромъ.

— Ну что, какъ онъ? спросили мы хирурга.

— Никакой надежды! Вѣроятно, уже теперь его неѣть въ живыхъ, сказалъ Рейеръ, глядя на часы.

Слова его были слишкомъ вѣрны.

Уѣзжая сегодня вечеромъ изъ Веранъ-Кала въ Ардостъ, я узналъ, что именно въ это время, когда мы говорили съ Рейеромъ, тихо и свѣтло скончался юный кавказскій герой.

Онъ попросилъ чаю. Деньщикъ ему принесъ стаканъ чаю.

— Какъ пріятно напиться чаю, сказалъ Мели-

ковъ, и приложилъ губы къ стакану. Но чай былъ слишкомъ горячъ.

— Дай-ка остыть, сказаль онъ слугѣ и обернулся спиной къ стѣнѣ,—а я пока подремлю.

Минутъ черезъ десять онъ снова перевернулся и попросилъ чаю.

Ему дали стаканъ. Онъ выпилъ стакантъ.

— Какъ хорошо и тепло! сказаль онъ, выпивъ весь стакантъ.

Потомъ онъ снова перевернулся лицомъ къ стѣнѣ, вздохнулъ глубоко и, наконецъ, стихъ; деньщикъ наклонился къ его головѣ; губы уже не дышали, юный герой скончался.

Смерть Граббе были тоже событиемъ, поразившимъ всѣхъ печалью. Недавно вернувшись на Кавказъ, послѣ долгой отставки, на тотъ Кавказъ, гдѣ онъ оставилъ столько доброй о себѣ памяти, Граббе мечталъ о штурмѣ Карса. Но странно: за нѣсколько дней до штурма онъ вдругъ сталъ, противъ обычного своего веселаго нрава, задумчивъ и какъ-будто возненавидѣлъ мысль о штурмѣ Карса. Каждый разъ, что при немъ обѣ этомъ заговаривали, лицо его хмурилось.

— Ахъ, этотъ штурмъ, этотъ штурмъ! повторялъ онъ не разъ; въ особенности наканунѣ онъ часто повторялъ эти слова, прибавляя, что мысль

о штурмѣ, онъ самъ не знаетъ почему, ему ужасно антипатична.

Тѣмъ не менѣе, въ день штурма, слегка и весело коснувшись въ разговорѣ съ своимъ ординарцемъ возможности его смерти и высказавъ вскользь нѣсколько какъ-будто предсмертныхъ желаній, онъ отправился во главѣ своего отряда со всегдашимъ весельемъ и со всегдапнимъ безстрашіемъ стараго Кавказца братъ Канлы.

Тутъ встрѣтили они адскій огонь. Командиръ Перновскаго полка бросился впередъ. Пуля ему попала въ грудь и убила наповалъ. Затѣмъ бросился впередъ Граббе. Едва онъ бросился впередъ, съ крикомъ *ура!* ординарецъ его видитъ, что онъ какъ-будто вздрогнулъ, покачнулся и тутъ-же повалился съ лошади. Рядомъ съ нимъ щахъ молодой адютантъ Великаго Князя, Сергій Ильичъ Бибиковъ. Онъ бросается къ Граббе; но увы! онъ былъ уже мертвъ. Какъ нарочно, лошадь Бибикова, убитая пулей, падаѣтъ; Бибикову приходится садиться на лошадь бѣднаго Граббе.

— Сколько-же раненыхъ и убитыхъ? спросилъ я у князя Ш.

— Неизвѣстно еще: говорятъ, около 3,000; у Комарова, говорятъ, много убитыхъ. Онъ попалъ

подъ самый адскій огонь Чакмакскаго форта; увѣряютъ, что третью отрядъ легла.

— Когда-же кончился штурмъ?
— Въ седьмомъ часу утра Карсъ быль нашъ.
— А турки гдѣ?
— Они бѣжали всѣ; шельма коменданть улизнулъ; кавалерію послали забирать Турукъ, часть уже схвачена и сдалась.

Тутъ вошелъ въ палатку начальникъ инженеровъ при штабѣ Великаго Князя, генералъ Рербергъ. Меня познакомили съ нимъ. и знакомя сказали, что онъ изъ храбрѣйшихъ генераловъ Кавказской арміи, и во всякомъ сраженіи, независимо отъ своей части, всегда въ огнѣ по собственной охотѣ.

Съ перваго-же раза полюбилась мнѣ эта личность, простая, умная, дѣльная, скромная и глубоко-симпатическая. Начался разговоръ о штурмѣ.

Постараюсь припомнить главныя нити разсказа. 31 октября дѣйствительно быль рѣшенъ штурмъ Карса, начались уже первыя движенія; выюга и снѣгъ помѣшали началу и штурмъ быль отложенъ.

Продолжать стоянку подъ Карсомъ въ палатахъ при 12° мороза невозможно было: надо было или отойти на зимнія квартиры, снять осаду Кар-

са, или-же идти на штурмъ. Послѣднее рѣшеніе взяло верхъ. Войско громко желало штурма, „хотя-бы для того, чтобы согрѣться“, какъ сказацъ одинъ изъ генераловъ.

Но рѣшившись на штурмъ, военные власти не столько имѣли въ виду взять Карсъ, сколько овладѣть нижними укрѣпленіями. Счастіе взять весь Карсъ являлось чѣмъ-то недосягаемымъ. Разсуждали такъ: если удастся взять нижнія укрѣпленія, мы отберемъ всѣ пушки, возьмемъ плѣнныхъ и отойдемъ на зимнія квартиры, разрушивъ укрѣпленія. При этомъ, разумѣется, главная забота была—какъ можно менѣе потерять людей.

Но затѣмъ явился вопросъ: какъ взяться за дѣло? Планъ штурма со всѣми диспозиціями составлялъ генералъ Лорисъ-Меликовъ. Въ основаніи плана были двѣ задачи: штурмовать нижнія укрѣпленія и демонстрировать надъ укрѣпленіями верхними для того, чтобы отвлечь и силы, и вниманіе Турокъ. Въ этомъ отношеніи планъ Лорисъ-Меликова вполнѣ отличался отъ Муравьевскаго, такъ-какъ Муравьевъ штурмовалъ верхнія, *Шорахскія* высоты.

Но и въ другомъ отношеніи новый планъ рѣзко отличался отъ Муравьевскаго. Муравьевъ штурмовалъ днемъ, а планъ Лорисъ-Меликова былъ штур-

мовать ночью, пользуясь полнолуниемъ. На военномъ совѣтѣ, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Главнокомандующаго, вопросъ о времени штурма обсуждался очень долго. Большинство было за день, меньшинство за ночь. Въ числѣ меньшинства былъ князь Мирскій, настоятельно и настойчиво доказывавшій, что только такою безумною смѣлостью можно было разсчитывать поразить Турокъ. Благодаря Великому Князю, это рѣшеніе взяло верхъ. Но главное условіе должно было быть неожиданность для Турокъ. Для этой цѣли, какъ говорятъ, пущенъ будто-бы въ ходъ слухъ о штурмѣ Карса на 8-е число, и усердные лазутчики взялись за его распространеніе у Турокъ. Вѣрно это или невѣрно, но фактъ тотъ, что Турки были застигнуты врасплохъ.

Начальство надъ штурмомъ рѣшено было поручить одному изъ храбрѣйшихъ и славнѣйшихъ ветерановъ Кавказской арміи, генералу Лазареву. Говорятъ, что Лорисъ-Меликовъ, кромѣ несомнѣнныхъ достоинствъ въ этомъ генералѣ, доказанныхъ 3 октября, признавалъ его особенно счастливымъ, и настаивалъ на его назначеніи. Къ этому прибавляютъ, что у Лазарева еще одна цѣнная черта: онъ не признаетъ отступленія. Когда при составленіи диспозицій зашла рѣчъ о мѣрахъ въ

случаѣ отступленія, Лазаревъ со свойственнымъ ему лаконизмомъ сказалъ: *отступленія нѣть!*

Рѣшено было вести штурмъ тремя колоннами, и, независимо отъ этого, отрядами Роопа и Шатилова демонстрировать, съ противоположной стороны, на укрѣпленія Шорахскія и Карадагскія.

Первая штурмовая колонна генерала Комарова должна была взять Сувари, Чимъ и въ то-же время демонстрировать противъ Техмаса отдѣльнымъ отрядомъ. Въ этой колоннѣ былъ молодой князь Меликовъ.

Второй колоннѣ, подъ начальствомъ генерала графа Михаила Павловича Граббе, поручено было штурмовать сильнѣйшій изъ нижнихъ фортовъ, Канлы. Третьему отряду, подъ начальствомъ генерала Алхазова, велѣно было идти на крайнее изъ нижнихъ укрѣпленій, Хафисъ.

Такимъ образомъ, предположено было одновременно атаковать всѣ нижнія укрѣпленія при одновременныхъ демонстраціяхъ на верхнія укрѣпленія.

Отрядъ Комарова раздѣлился на двѣ колонны: одна подъ начальствомъ князя Меликова пошла на Сувари; другая колонна, большая, подъ начальствомъ самого Комарова, отправилась, обходя Сувари кругомъ, на Чимъ.

Общее наступлениe началось въ седьмомъ часу вечера. Мѣсяцъ сияль во всемъ блескѣ. Была ясная, морозная ночь. Войска двигались тихо, но легко и бодро.

Въ восемь съ чѣмъ-то часовъ вечера въ этой тишинѣ раздается первый учащенный ружейный огонь; потомъ все стихаетъ; потомъ опять трескотня, и опять все стихаетъ. Это было у Сувари. Не было девяти часовъ вечера, когда подъ громкое *ура!* колонна князя Меликова, наведя на Турокъ панический страхъ, врывается въ Сувари и беретъ его.

Взявъ Сувари, Меликовъ оставляетъ тутъ частицу войска и идетъ на Чимъ. Шелъ онъ приблизительно часа четыре. Подходить къ Чиму,— *ура!* на штурмъ; Меликовъ падаетъ, штурмъ отбитъ.

Въ это время генералъ Комаровъ съ своею обходною колонной находится въ самомъ критическомъ положеніи. Онъ попадаетъ подъ выстрѣлы страшнаго верхн资料го форта Техмаса. Огонь адскій; люди такъ и валятся; съ первыхъ-же выстрѣловъ падаетъ убитымъ командиръ 4-го стрѣлковаго баталіона, храбрый Бучкіевъ. Этотъ адскій огонь длился около 4 часовъ непрерывно. Повидимому, Турки ожидали тутъ штурма, ибо, несмотря на

то, что съ противоположной стороны демонстрировалъ генералъ Роопъ съ Ростовскимъ грекадерскимъ полкомъ, Турки, не смущаясь этою демонстраціей, всѣ свои выстрѣлы направляли на отрядъ Комарова, слегка только отстрѣливаясь отъ Ростовцевъ. Чимъ отбилъ, какъ говорятъ, три раза приступы нашихъ храбрецовъ и сдался только къ утру, когда сдался и непобѣдимый Техмасъ.

Вторая колонна, графа Граббе, тоже раздѣлилась на двѣ колонны: одна подъ начальствомъ генерала Важдакина пошла на фронтъ, другая, съ Граббе во главѣ, въ обходъ, то-есть въ тылъ. Тутъ тоже штурмовавшія колонны встрѣтили страшный огонь и въ первую минуту смыкались... Первая колонна ворвалась все-таки въ передовыя траншеи. Колонна-же самого Граббе, подойдя къ каменнымъ стѣнамъ казармъ и главнаго форта, была отбита. Тутъ бросившійся впередъ командръ Черновскаго полка Бѣлинскій геройски палъ; тутъ-же вслѣдъ за нимъ бросившійся впередъ герой Граббе тоже убитъ. Огонь продолжался здѣсь всю почь. Нѣсколько разъ вывѣшивался гарнизономъ бѣлый флагъ, но тутъ-же срывался неумолимымъ комендантомъ. Нѣсколько разъ и съ нашей стороны было предъявляемо требование сдаться. Паша-коменданть каждый разъ отвѣчалъ, что онъ

не можетъ сдаться съ оружиемъ въ рукахъ и будеть драться до послѣдней крайности.

Утомленный гарнизонъ не сколько разъ выбѣгать, крича: „сдаемся, сдаемся“. Тогда раздавалася голосъ коменданта: „молчать!“ и, чтобы показать, что Канлы не сдается, комендантъ усиливалъ огонь: это были послѣднія, отчаянныя усиленія. Къ утру, когда, около семи часовъ утра, весь верхній Карсъ былъ въ нашихъ рукахъ, сдался и этотъ гордый фортъ.

Съ третьимъ отрядомъ, генерала Алхазова, направлявшимся на Хафисъ, случилось что-то необыкновенно странное и въ то-же время счастливое. Раздѣлившись на двѣ колонны, одна подъ начальствомъ самого Алхазова, другая подъ начальствомъ командира Кутаисскаго полка Ѳаддѣева, обѣ колонны на пути къ Хафису заблудились, благодаря туману, и очутились направо отъ Хафиса, гораздо выше и какъ-разъ подъгрознымъ Карадагомъ, и пока отрядъ Алхазова врывается въ городъ Карсъ, отрядъ Ѳаддѣева бросается на Карадагъ и беретъ его. Какимъ образомъ это могло случиться— никто не можетъ понять, но вѣроятнѣе всего, что неожиданность нападенія съ этой стороны поразила Турокъ страш-

ною паникой. Во всякомъ случаѣ Карадагъ былъ взятъ до разсвѣта.

Съ Карадагомъ были курьезные эпизоды.

Генералъ Рербергъ ѿдетъ верхомъ ночью, въ самый разгаръ штурма, и подъ Канлы, гдѣ было много войска и суматоха страшная, встрѣчаетъ нѣсколько своихъ саперъ.

- Вы что тутъ дѣлаете?
- Мы съ Карадага.
- Какъ-такъ?
- Брали его, ваше п—ство.
- Брали Карадагъ?
- Такъ точно.
- Ну и что-же?
- Взяли его, ваше п—ство.
- Взяли Карадагъ?
- Такъ точно, потому взорвали подъ самыя ворота динамитъ.

- И Карадагъ нашъ?
- Давно, ваше п—ство; дѣлать тамъ уже нечего, мы и пришли значить сюда, поискать, нѣть-ли работы.

Генералъ шпоритъ коня и летитъ къ Главно-
ко~~мандующему~~.

Тамъ еще ничего о Карадагѣ неизвестно. Видять, что Карадагъ молчитъ, и уже долго молчитъ,

но почему молчить, никто не можетъ понять, тѣмъ болѣе, что войска генерала Шатилова продолжаютъ демонстрировать противъ Карадага съ тыла.

Генераль Рербергъ доносить о случившемся.

Въ первую минуту ему вѣрятъ, и всѣ обрадовались, но потомъ взяло верхъ весьма законное сомнѣніе.

Солдаты сболтнули, вѣроятно, по слухамъ; не можетъ быть, чтобы не было офиціального извѣстія о взятіи Карадага, если дѣйствительно онъ взяты.

Четверть часа спустя вопросъ этотъ входить въ еще болѣе странное положеніе.

Пріѣзжаетъ адъютантъ отъ корпуснаго команда и доноситъ, что *по слухамъ* Карадагъ взяты.

Опять сомнѣніе.

А Карадагъ, грозный и величественный, все молчитъ.

Затѣмъ, не успѣлъ этотъ вѣстникъ ускакать, какъ пріѣзжаетъ, весь запыхавшись и весь въ пыли и оборванный, юноша, почти ребенокъ на видъ.

Онъ прискакалъ и, задыхаясь, говорить, что ему нужно видѣть Главнокомандующаго.

Въ рукахъ у него записка. Лицо такъ и горитъ отъ сильнаго волненія.

На него смотрять съ изумлениемъ.

Вопросъ, что общаго между этимъ ребенкомъ-офицеромъ и Главнокомандующимъ былъ слишкомъ естественный, и каждый изъ присутствовавшихъ не могъ не задать его себѣ.

Великій Князь зоветь юношу.

Юноша подлетаетъ и подаетъ записку.

— Отъ генерала Алхазова, Ваше Императорское Высочество, проговорилъ, задыхаясь отъ волненія, юноша-офицеръ.

Въ запискѣ было сказано приблизительно слѣдующее: „Честь имѣю при семъ препроводить пуручика Кутаисскаго полка, 19 лѣтъ, Дхоржевскаго, взявшаго во главѣ охотниковъ Карадагъ.

Легко себѣ представить радость Великаго Князя.

Главнокомандующій съ сіяющимъ и ласковымъ лицомъ посмотрѣлъ на этого юношу, представшаго предъ нимъ въ двойномъ, такъ-сказать, обаяніи: какъ герой, совершившій громадный подвигъ, и какъ вѣстникъ съ такою радостною новостью.

Потомъ Великій Князь притянулъ къ себѣ за руку юношу-героя и горячо его обнялъ.

Бѣдному счастливцу пришлось, видно, не подъ силу: натянутые столь долго нервы требовали, вѣроятно, перелома; онъ заплакалъ, какъ илачутъ дѣти, горячими и чистыми слезами.

Нужно-ли прибавить, что все тутъ стоявшіе прослезились въ глубокомъ волненіи.

Минутъ пятнадцать спустя пріѣзжаетъ новый гонецъ отъ корпуснаго командира, съ вѣстью, что, повидимому, слухъ о взятіи Карадага подтверждается.

Великій Князь отъ души засмѣялся и поручилъ посланцу поѣхать къ корпусному командиру и доложить ему, что Карадагъ взятъ, но не по слухамъ только, а въ дѣйствительности.

Черезъ два часа пришло извѣстіе о взятіи Араба, а къ семи часамъ утра со всѣхъ концовъ громадныхъ Карскихъ укрѣпленій стали приходить вѣсти, что при крикахъ *ура!* при пѣніи *Боже, Царя храни,* русское знамя водруженено на крѣпости и ея цитадели.

Я старался уяснить себѣ, какъ могло быть, что такъ долго не знали о взятіи Карадага, но не могъ. Полагаютъ, что такъ-какъ Канлы и Гафизъ не были взяты, то сообщеніе между Карадагомъ и корпуснымъ командиромъ было невозможно, а вѣсть о взятіи Карадага ходила только какъ слухъ между солдатами.

Насколько велико было беспокойство и волненіе Великаго Князя, отвѣтственнаго за этотъ смѣлый и страшный подвигъ его храбрыхъ войскъ, нечего

и говорить, какъ нечего говорить и о томъ, какъ велика была его радость, когда подвигъ увѣнчался блистательнымъ и неожиданнымъ успѣхомъ.

— Й и теперь не вѣрю, сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ; — мнѣ это кажется сномъ; я не могу себѣ представить, какъ въ эти нѣсколько часовъ могъ быть взятъ Карсъ...

Тутъ послышался конскій топотъ.

Мы выглянули изъ палатки.

То былъ корпусный командиръ Лорисъ-Меликовъ со своимъ многочисленнымъ штабомъ.

Онъ остановился предъ палаткой Великаго Князя, слѣзъ съ лошади и съ какою-то бумагой въ рукахъ вошелъ въ палатку.

— Вѣрно рапортъ о взятіи Карса, сказалъ кто-то.

Черезъ четверть часа спустя корпусный командръ вышелъ изъ палатки.

Я увидѣлъ его близко. Несмотря на усталость, лицо его сияло.

Радостно было смотрѣть на этого, столько не-ренесшаго испытаній и горя генерала, получившаго, наконецъ, столь великую награду за то, что до конца довелъ свою вѣру въ Кавказскую армию. Умная физіономія этого замѣчательного человѣка бросается въ глаза: такой глубокій и тонкій взглядъ

я рѣдко видѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ много простоты, естественности и свободы въ манерѣ себя держать и въ каждомъ движениі.

Мнѣ при этомъ рассказывали, что какъ у всякаго выходящаго изъ ряда человѣка есть свои слабости, такъ и у ген. Лорисъ-Меликова есть маленькая слабости. События послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ до такой степени подействовали на его духовное существо, что онъ сталъ какъ-будто суевѣренъ. Онъ боится сглаза и не вѣритъ въ первые признаки успѣха. Такъ когда утромъ сегодня Карсъ, при всеобщемъ ликованіи и воочію всей арміи, перешелъ въ наши руки, единственное лицо, еще не смѣвшее радоваться, былъ Лорисъ-Меликовъ. Онъ будто боялся прославить слишкомъ рано это изумительно - славное событие; еще гарнизонъ не былъ схваченъ; фактъ этотъ еще беспокоилъ корпуснаго командира. Вотъ почему рассказывали, что онъ упросилъ Главнокомандующаго не прежде телеграфировать Государю, какъ пріѣдетъ къ Его Высочеству съ рапортомъ.

А пріѣхалъ онъ въ четвертомъ уже часу.

Число раненыхъ и убитыхъ все еще не могло быть опредѣлено, но уже по прибытии корпуснаго командира стало известнымъ, что общая цифра потерь далеко не доходитъ до 3,000.

А разсчитывали на 10 тысячъ.

Какое чудное проявление Божьяго милосердія!

Часа два спустя я познакомился съ вѣкоторыми изъ штабныхъ.

Мнѣ показалось, что они дѣлились на двѣ категории, по виѣшности по крайней мѣрѣ: на боевыхъ и симпатичныхъ и на небоевыхъ и менѣе симпатичныхъ.

Одни просто пылали восторгомъ. Другіе глядѣли равнодушно.

— По крайней мѣрѣ теперь мы не будемъ мерзнуть въ палаткахъ, сказалъ одинъ изъ штабныхъ.

— А что?

— Да перейдемъ въ Карсъ, вѣроятно.

Очевидно, такой практическій взглядъ на взятие Карса исходилъ отъ души не особенно боевой и восторженной.

Къ вечеру пришлось подумать о ночлегѣ. Мнѣ предложили весьма любезно палатку, но таѣ-какъ по закату солнца начался вдругъ морозъ,—а днемъ было просто тепло, — то я выпросилъ себѣ фургонъ и отправился ночевать въ Ардость, гдѣ зналъ, что найду Х... въ саклѣ и узнаю отъ него о раненыхъ.

Проѣхавъ версты четыре по отличной дорогѣ,

я нашелъ Ардостъ, нашелъ и саклю, нашелъ въ ней и Х... Засталь его усталымъ и убитымъ, ибо всю ночь онъ провелъ на перевязочномъ пунктѣ.

— Много раненыхъ? спросилъ я его,—какъ вы полагаете?

— Нѣть, сравнительно немного.

— А убитыхъ?

— Нѣть, немного. Боже, что это за картина—перевязочный пунктъ, для того, кто это въ первый разъ видить! Ужасъ! И что было невыносимо-тяжело: ночь морозная, приносять раненыхъ, они не отъ раны страдаютъ, а отъ холода; пока дойдутъ до него, несчастный не то что зябнетъ, стынетъ, того и гляди что замерзнетъ.

— Что-же, было вино, чай?

— Все давали—водку, чай, вино.

На всякий случай я взялъ съ собою 50 бутылокъ портвейна и 50 бутылокъ коньяку. Все это пригодилось для раненыхъ.

— Ужасныя картины, продолжалъ Х.: — принесли молодого Лазарева, племянника генерала, смертельно раненаго. Несчастный юноша! Онъ былъ здѣсь мимоѣздомъ и отправляется къ Эрзенумскому отряду. Онъ выпросилъ у дяди позволенія участвовать въ штурмѣ охотникомъ, и не прошло часа, какъ его уже переносили на пере-

вязочный пунктъ. Пуля пробила ему голову изъ виска въ високъ, задѣла глаза; онъ ослѣпъ, и вообразите, все время, пока жилъ, пѣлъ самымъ чистымъ, свѣжимъ, громкимъ и звучнымъ голосомъ. Эта пѣснь умирающаго юноши—что-то ужасное; я теперь еще ее слышу. Тутъ пѣснь умирающаго, тамъ стонъ, возлѣ крики подъ ножомъ, тутъ прощаніе съ жизнью, подальше дикий хохотъ, и всѣ эти звуки подъ неумолкающую трескотню ружейныхъ и пушечныхъ выстрѣловъ... Отъ этого, знаете, постарѣешь на двадцать лѣтъ. И я чувствую, какъ я постарѣлъ. А тутъ еще смерть бѣдного Граббе.—Вотъ его бумажникъ, сказалъ Х., показывая мнѣ небольшой кожаный бумажникъ, весь облитый кровью;—сторублевыя бумажки были въ немъ совсѣмъ залиты кровью. Смерть была моментальная, къ счастью, и на лицѣ его не видно было никакого страданія.

Раненыхъ привезли втеченіи одного дня въ Ардостскіе госпитали.

Не веселая и тутъ картина! Госпитали могли вмѣстить до 600 человѣкъ. Раненыхъ-же привезли болѣе 1,200. Ихъ размѣщали по саклямъ, о кроватяхъ не было помину, о тюфякахъ, увы! тоже. Но вотъ что ужасно: бѣлья не хватало, и не хва-

тало на сотни людей; о полушибкахъ и тулушахъ тоже помину не было.

А между тѣмъ ни жалобы, ни звука ропота отъ кого-бы то ни было изъ юныхъ героевъ, страданиями которыхъ куплена слава штурма Карса.

Всѧтаки кое-какъ несчастныхъ размѣстили въ сакляхъ, а что-бы было, невольно подумаешь, если-бы штурмъ Карса обошелся въ 8 или 9 тысячъ раненыхъ?

Долго бесѣдовать съ Х. я не могъ. Ему надо было отдыхать, а мнѣ записывать свои впечатлѣнія.

Сколько впечатлѣній!

Не помню, чтобы когда-нибудь пришлось переживать въ одинъ день столько чувствъ и мыслей. Когда все стихло вокругъ меня, въ этой тишинѣ стали одно за другимъ оживать всѣ события, лица, картины, звуки. Громадина Карса выступила передъ глазами еще рельефнѣе, чѣмъ на-яву, и мысль, что отнынѣ опъ нашъ и что скоро солдаты ваши найдутъ въ немъ теплый пріютъ, чувствовалась какъ великое счастіе. Что теперь должны испытывать Великій Князь послѣ столькихъ испытаній и послѣ этой ужасной ночи? Я представлялъ себѣ радость Государя... А Москва какъ обрадуется, Петербургъ, Россія! Наконецъ, скажутъ, покончили съ этимъ Карсомъ! Но пой-

мутъ-ли гдѣ-нибудь, что такое Карсъ и что взяли Кавказскія войска? Разъ въ сто лѣтъ такой громадный военный подвигъ можетъ случиться.

Я выѣхалъ изъ Веранъ-Кала около 8 часовъ вечера. Въ четвертомъ часу дня, по пріѣздѣ Лорисъ-Меликова, Великій Князь, какъ сказывали мнѣ, телеграфировалъ Государю въ Горный Студень и въ семь часовъ уже получилъ отвѣтъ. Вѣроятно, уже и Петербургъ, и Москва знаютъ теперь о громадномъ событіи.

Надняхъ уѣхалъ изъ Главной Квартиры французскій генералъ Курси. Это былъ всеобщій любимецъ. Отъ генерала до солдата всѣ его любили и уважали. Любили за отличный нравъ и честность, уважали за неимовѣрную храбрость. Гдѣ былъ огонь, тамъ всегда былъ Курси. Въ особенности любилъ онъ Кавказскую grenadierскую дивизію. Онъ говорилъ, что пѣтъ въ мірѣ войска, которое можно было бы съ нею сравнить.

— Il y avait, прибавилъ онъ, — des soldats qui la valaient, mais helas, ils ne sont plus, c'etaient les grenadiers de Napoléon I.

Онъ обожалъ Кавказскихъ grenaderъ, и они его крѣпко любили.

Когда онъ уѣзжалъ изъ арміи, ему говори-

ли: неужели, генераль, вы не дождетеся штурма Карса?

— О, я оттого и уѣзжаю, чтобы его не видѣть!

— Отчего-же?

— Я такъ люблю Кавказскую армію, что не въ состояніи видѣть ея несомнѣнную неудачу. Не взять вамъ Карса никогда!

То были послѣднія слова генерала Курса.

Ардостъ, 7 ноября, понедѣльникъ.

Сегодня еще больше пережилъ впечатлѣній.

Утромъ прибылъ въ Верань-Кале въ десятомъ часу. Пашель весь личный составъ Главной Квартиры на ногахъ. Послѣ морозной ночи и утренняго чая въ большой палаткѣ они ходятъ взадъ и впередъ по плацу, чтобы согрѣться.

Въ одиннадцатомъ часу, какъ мнѣ сказали, назначенъ былъ выѣздъ Великаго Князя для торжественнаго вѣѣзда въ Карсъ.

Около десяти мнѣ пришли сказать, что Великій Князь меня приметъ.

У палатки, кромѣ часовыхъ, стоялъ казакъ и въ синемъ сюртуке камердинеръ.

Великій Князь былъ въ артиллерійскомъ сюртуке, съ большимъ Георгіевскимъ крестомъ на шее и со звѣздой на груди. Глядить Онъ здорово

вымъ и бодрымъ. Лицо сильно загорѣвшее. Выраженіе необыкновенно привѣтливо, ласковое и доброе; при этомъ много вниманія, когда онъ слушаетъ. Голосъ мягкий и звучный. Держитъ Онъ себя изумительно прямо, точно никогда не зналъ, что есть мягкая мебель на свѣтѣ.

Радость о событии сияла на Его лицѣ. На столѣ уже лежало нѣсколько поздравительныхъ дешечекъ. Депеша Государя, начинавшаяся крпкомъ ура, дышала огромною радостью и горячею благодарностью къ славнымъ войскамъ.

Эту благодарность къ войскамъ вмѣстѣ съ любовью къ нимъ Великій Князь испытываетъ такъ глубоко, такъ тепло, что нельзя не благоговѣть къ этому чувству, ибо оно нераздѣльно въ его душѣ отъ глубокаго чувства смиренія. Даже и помысла нѣтъ, все о солдатикахъ и объ отличившихся ихъ начальникахъ.

Когда Онъ вспоминалъ о неудачахъ лѣта, на краткое и привѣтливое лицо Его набѣгала тучка и изъ словъ Его слышалось, что всѣ эти печальные события приняты имъ были какъ тяжелыя для сердца испытанія. Но злого чувства или горечи не слышишь и намека.

Нѣсколько разъ, пока Онъ говорилъ о подвигахъ солдатъ и объ ихъ славѣ, я видѣлъ, какое

сосредоточенное въ воспоминаніяхъ выраженіе принималъ Его мужественный ликъ и какъ на глаза выступали слезы.

— Мы много сдѣлали ошибокъ и промаховъ, по невѣденію, по неопытности, говорилъ Великій Князь,--но теперь мы, кажется, загладили свои промахи предъ Царемъ и Россіей, по какія-бы ни были наши ошибки, одно Я могу сказать, всегда моя главная мысль была щадить, щадить и щадить нашего солдата.

Въ разговорѣ Великій Князь сказалъ, вспомнивъ о томъ, что онъ испыталъ въ ночь штурма.

— Теперь мы радуемся, сказалъ Онъ, и благодаримъ Бога за этотъ чудный подвигъ нашихъ солдатъ, но никто не пойметъ, что я испытывалъ въ ту ночь. Я зналъ, что перестрадали наши войска отъ стоянки на морозѣ вотъ уже сколько дней, но если-бы къ этому еще присоединилась неудача штурма и огромная, напрасная потеря людей, и подумать страшно, съ глубокимъ чувствомъ въ голосѣ прибавилъ Великій Князь.

Потомъ, когда заговорили о потеряхъ, Великій Князь сказалъ: да, ихъ мало сравнительно, но все-таки много, а когда еще въ числѣ этихъ потерянныхъ героеvъ приходится оплакивать такихъ золотыхъ людей, какъ Граббе и Меликовъ, тяжело,

очень тяжело: смерть этихъ людей, вѣрите-ли, испортила мнѣ, радость, очи незамѣнимы! Я по-сѣтилъ вчера бѣднаго Меликова. Онъ улыбнулся, когда меня увидѣлъ. Я хотѣлъ обнять его, но не посмѣлъ, боясь, чтобы онъ не принялъ это за прощаніе, а потомъ такъ сожалѣлъ, что не сдѣлалъ этого, потому что онъ зналъ кажется, что безнадеженъ.

Мы коснулись и вопроса госпиталей и раненыхъ.

— Тутъ много есть промаховъ, сказалъ Великій Князь,—надо правду сказать; главная ошибка была та, что мы не во время подумали о зимѣ; но, къ счастію, Красный Крестъ намъ много помогъ, спасибо, ему въ особенности Москвѣ: добрая Москва, она настѣ не забывала, когда всѣ настѣ забывали; спасибо ей; пожалуйста, когда будете имѣть возможность, всѣмъ скажите отъ меня, въ Москвѣ думавшимъ о настѣ, насколько глубоко я имъ благодаренъ за себя и за своихъ храбрыхъ солдатиковъ.

При томъ надо было видѣть, какимъ добрымъ, сердечнымъ чувствомъ выражалась правда этихъ словъ на лицѣ Великаго Князя и какъ привлекательно звучали струны этого чувства въ его голосѣ.

Затѣмъ Великій Князь всталъ,

— Теперь пора ъхать въ Карсъ, сказалъ онъ;— приглашаю васъ съ нами ъхать и пожить у нась, надо вамъ поближе посмотретьъ на многое, чтобы получить о нась вѣрное понятіе.

Я вышелъ.

Лошади были уже поданы.

Князь III. предложилъ мнѣ одного изъ своихъ коней. Свита была огромная. Вижу съ противоположнаго конца выѣзжаетъ многочисленный конвой казаковъ, въ бѣлыхъ кафтанахъ. Впереди одинъ красивый богатырь-казакъ держитъ великолѣпное знамя, сияющее на солнцѣ золотомъ и яркими цвѣтами.

Это парадный значекъ или парадное знамя Великаго Князя.

— Давно мы его не видали, сказалъ одинъ изъ военныхъ,—кажется, мѣсяца четыре.

Палатка Великаго Князя раздѣлена на двѣ части; въ первой его кабинетъ и гостиная, гдѣ шумѣщаются письменный столъ, шкафъ и нѣсколько стульевъ, въ другой половинѣ его спальня, то есть находится кровать.

Великій Князь скоро вышелъ, вмѣстѣ съ княземъ Мирскимъ, сѣлъ на красивую, большую лошадь, впереди поскакало нѣсколько казаковъ и уродливые Карапапахи, съ ироніею называемые

здесь православнымъ воинствомъ, знамя за нимъ, съ конвоемъ, и большущая свита.

Солнце было въ полномъ блескѣ и начинало грѣть, мы сѣхали въ уцелье, затѣмъ выѣхали изъ него, и предъ нами, ярко освѣщенная солнцемъ, открылась большая Карская долина, съ Карсомъ въ отдаленіи, одѣтомъ въ бѣлое одѣяніе.

Дорога предъ нами стояла широкая и отличная.

— Вотъ эта дорога, сказаль кто-то изъ свиты,— на которую мы такъ долго смотрѣли съ досадой и вожделеніемъ, какъ кажется легко по ней ѿхать и доѣхать до Карса.

Отъ начала ея до конца эта большая дорога находится подъ выстрѣлами Карса, на протяженіи около 15-ти верстъ. Давненько не ѿздили я верхомъ, но при мысли, что ѿдѣшь въ Карсъ, можно-ли было не сдѣлаться если не отличнымъ? то по крайней мѣрѣ неутомимымъ всадникомъ.

Весела была поѣздка первыя десять верстъ.

Глядя впередъ и наслаждаясь зрѣлищемъ, какъ молчали повсюду надъ нами пависшія пушки,—мы уже знали, что ихъ около 300,—и какъ все ближе и яснѣе выдѣлялись предъ нами бѣлые контуры живописнаго Карса, приводившіе всѣхъ въ восторгъ, мы болтали, смеялись, хохотали.

Но вскорѣ замолкъ смѣхъ, затихли разговоры,

сбѣжали съ лица краски радости. Разомъ всѣ
стали серіозны и *могчими*.

Чья-то *мощадь* сдѣлала прыжокъ вправо, другая
встала на дыбы, третья круто свернула вль-
во. Всадникъ снялъ фуражку и перекрестился.
Другой сдѣлалъ то-же.

Что случилось? спросилъ я себя.

Не долго пришлось оставаться въ невѣденіи.

Мы вѣзжали на поле битвы, то была первая
встрѣча съ тѣлами нашихъ убитыхъ солдатъ.

Морозъ вошелъ въ тѣло; кровь точно разомъ
остыла; боль и грусть защемили сердце. Лежали
они такъ покойно и такъ мирно!

— Бѣдные, сказалъ одинъ изъ нась,—ими до-
быта наша слава, наша сегодняшняя радость! А
имъ до этого нѣть дѣла! Лежать себѣ, сослужи-
ли свою службу и довольно.

— Да, сказалъ другой, по всей Россіи полетѣла
вѣсть о взятіи Карса, вездѣ радость и восторгъ,
а многіе-ли подумають объ этихъ? Гдѣ ихъ жены,
гдѣ ихъ матери? Когда онѣ узнаютъ?

Ужасно стало грустно.

Но въ эту минуту, какъ всегда, впрочемъ, въ
жизни, быстро смѣнились впечатлѣнія.

Предъ нами большая группа всадниковъ.

То былъ генераль Лорисъ-Меликовъ, встрѣтившій Великаго Князя подъ Карсомъ.

Отсалютовавъ Великому Князю, Лорисъ-Меликовъ подъѣхалъ къ нему. Великій Князь протянулъ ему руку и затѣмъ крѣпко его обнялъ.

Мы поѣхали дальше.

Гремитъ музыка, играеть салютъ.

То были герои вчерашияго дня, преслѣдовавши Турукъ,—Сѣверскіе драгуны.

Они глядѣли, точно вышли изъ казармъ и манежа, весело, бодро и лихо.

Послѣ салюта музыка заиграла знаменитую арію: „T'en suveiens tu, disait un capitaine“, или по-русски: „Ты помнишь-ли, товарищъ неизмѣнныи“

Великій Князь объѣхалъ войска и передалъ имъ Царское спасибо. Сѣверцы грянули ура!

Затѣмъ новая картина. Пестрое населеніе Карса въ видѣ депутаций стояло предъ нами.

Когда мы подъѣхали ближе, мы увидѣли двѣ группы: одна—Армянъ, съ священниками во главѣ, другая — Турукъ, съ муллами во главѣ. Обѣ депутациіи поднесли хлѣбъ-солъ. Турки стали на колѣни, дѣлая жесты, означавшия покорность и преданность.

Великій Князь принялъ каждую депутацию отдельно, принялъ хлѣбъ-солъ, сѣвъ по кусочку

хлѣба, и черезъ генерала Лорисъ-Меликова удо-
стоилъ ихъ привѣтствія.

Затѣмъ мы поѣхали дальше и выѣхали въ пред-
мѣстье города, гдѣ жители смотрѣли на насъ испу-
ганны, хотя не безъ любопытства.

Нигдѣ они не кланялись, несмотря на усерд-
ные жесты, которые дѣлалъ имъ какой-то полков-
никъ, юхавшій въ свитѣ Великаго Князя. Во вся-
комъ случаѣ несомнѣнно было, что эти несчаст-
ные жители не только не могли себѣ создать
представленія о Великомъ Князѣ, но вообще жили
въ эти минуты какъ во сне.

Вотъ мы вѣѣхали къ городу. Улицы узкія, и
чѣмъ дальше, тѣмъ все сѣживались; на одной изъ
нихъ мы наткнулись на пушку полевой батареи,
которую очевидно куда-то везли въ роковую для
Карса ночь. Дома по два этажа: на десять де-
вять цѣлы, одинъ пострадалъ отъ бомбардировки.
Нигдѣ ни одной женщины. Въ окнахъ и на кры-
шахъ дѣти и старики. Всѣ лавки заперты. Много
выбитыхъ стеколъ. Въ каждомъ домѣ два-три окна
заклеенныхъ, съ массивною щелью въ видѣ глаза
посрединѣ. Это были окна въ гаремахъ.

Благодаря свѣжему воздуху, въ этихъ узкихъ
улицахъ вони никакой не было слышно. Мостовые
невообразимы, даже для пѣшеходовъ; лошади то

и дѣло что спотыкаются, вездѣ кругомъ мертвая
тишина.

Наши солдатики шныряли по городу; по угламъ
улицъ разставлены были пикеты. Турки солдатъ
не пугались.

Мы взобрались до верху, то-есть до цитадели.
На площадкѣ, весьма не широкой, тѣснилась тол-
па взятыхъ въ плѣнъ офицеровъ. Ихъ было до
800 съ чѣмъ-то. Глядѣли они усталыми и жал-
кими. Не подалеку отъ нихъ стоялъ угрюмо и
гордо какой-то старикъ. Мы сказали, что это
былъ комендантъ цитадели, одинъ изъ пашей. Онъ
смотрѣлъ на насъ изъ подлобья и, какъ-будто весь
погруженный въ свой внутренній міръ, оставался
чуждыемъ тому, что кругомъ происходило.

Великій Князь осмотрѣлъ цитадель. Когда онъ
вышелъ изъ зданія, къ нему подвели какого-то
въ черномъ сюртукѣ и красной фескѣ и очками
на носу Турка. Это оказался губернаторъ. Онъ
выглядывалъ нѣсколько образованнымъ и почти-
тельно доложилъ Великому Князю по-французски,
что онъ имѣть честь привѣтствовать Великаго
Князя въ прошломъ году на границѣ, когда Ве-
ликій Князь прїѣзжалъ въ Александрополь.

Офицеры просили пищи и умоляли куда-нибудь

ихъ послать, жалуясь на страшную тѣсноту и затрудненія добывать пищу и воду.

Видъ съ цитадели представляеть собою что-то волшебное. Весь Карсъ лежить внизу, а во всѣ стороны видно на разстояніи десятковъ верстъ.

Изъ цитадели мы спустились снова внизъ, и на полдорогъ остановились у террасы предъ губернаторскимъ домомъ. Жалкій видъ представляль собою этотъ губернаторскій домъ. Вся каменная передняя стѣна пробита была гранатами во многихъ мѣстахъ; каждая пробоина была аршина въ полтора діаметра и во всю толщину стѣны болѣе пол-аршина.

На террасѣ былъ поданъ завтракъ. За небольшой столикъ усѣлись Великій Князь и генералы; направо князь Мирскій, налево Лорисъ-Меликовъ, а дальше другіе генералы.

Въ числѣ этихъ другихъ генераловъ я видѣлъ въ первый разъ знаменитости Кавказской арміи Во-первыхъ, генерала Лазарева. Не случалось еще видѣть болѣе выразительного и полнаго типа боеваго генерала, какъ Лазаревъ. Громаднаго роста, съ геркулесовыми плечами, онъ кажется статуей, сдѣланною изъ одного цѣльнаго камня, такъ держить онъ себя прямо и стройно. Великій Князь еще на дорогѣ встрѣтилъ его и, протянувъ ему

руку, обнялъ его на лошади. За Лазаревымъ по-
дошелъ генералъ Алхазовъ, тоже крѣпкій и мо-
гучій типъ боеваго генерала, но въ мѣньшихъ раз-
мѣрахъ чѣмъ Лазаревъ; затѣмъ генералъ Шати-
ловъ, старый генералъ, начальникъ 40-й дивизіи,
съ симпатическою и военною наружностью; князь
Чавчавадзе, высокаго роста, отлично сложенный,
съ головой, въ родѣ Ермоловской; генералъ Ко-
маровъ, съ умнымъ и энергическимъ лицомъ;
генералъ Шереметевъ, съ палкой въ рукѣ, въ боль-
шой папахѣ, съ типическимъ красивымъ лицомъ,
принявшимъ всѣ отг҃ѣнки Кавказца старого завѣ-
та, въ черкесскомъ мундирѣ, который онъ носить
съ шикомъ старого времени; замѣчу мимоходомъ,
что генералъ Шереметевъ одинъ изъ любимѣй-
шихъ начальниковъ на Кавказѣ. Не только служ-
бой, прекрасными качествами его личности, умѣнь-
емъ обращаться съ кавказскимъ солдатомъ и вы-
сокою честностью,—о храбости я и не говорю,—
но даже фигурой своею онъ производить обая-
тельное дѣйствіе на всѣхъ окружающихъ его. Во-
кругъ него группируется русская молодежь изъ
разныхъ гвардейскихъ полковъ, и нѣть того юно-
ши, который-бы не рвался свершить невозможные
подвиги храбрости и удальства подъ обаяніемъ
своего генерала, и дѣйствительно сми творили чу-

деса храбости, а генераль ихъ умѣеть во время поощрить, отличить, побранить и научить. Тутъ-же свидѣлъ съ петербургскимъ знакомымъ, княземъ Щербатовымъ, командующимъ 2-ю кавалерійскою дивизіей. Онъ былъ въ какомъ-то вдохновенномъ состояніи послѣ вчерашняго дня, насмотрѣвшись на подвиги Тверцевъ, Нижегородцевъ и казаковъ при преслѣдованіи Турокъ и захватѣ ихъ въ плѣнъ. Были солдаты, сдѣлавшіе вчера верхомъ до 60 верстъ почти безъ остановки. Турки сотнями и тысячами клали оружіе предъ полсотней драгунъ и казаковъ. Всего захвачено было посредствомъ полутора тысячъ кавалеріи до 12 тысячъ турецкихъ солдатъ.

Рядомъ со столомъ Великаго Князя постлана была на земль скатерть, на нее положены приборы, поданъ завтракъ, и всякий, какъ могъ и умѣлъ, усаживаясь по-турецки на землю, утолялъ свой аппетитъ; немного ниже, на другой террасѣ, стояли глазѣвшіе солдаты, оркестръ музыки, а на крышахъ кругомъ толпы любопытныхъ Турокъ.

Съ бокаломъ въ рукѣ Великій Князь всталъ и громко провозгласилъ тостъ за возлюбленнаго Нашего Государя. Оркестръ, присутствующіе, солдаты, все отозвалось громко и радостно на этотъ завѣтный тостъ. Потомъ генераль Лорисъ-Мели-

ковъ провозгласилъ здоровье Главнокомандую-
щаго, побѣдоносной Кавказской арміи и побѣди-
теля Карса. Восторгъ, отвѣтствовавшій на этотъ
тостъ и охватившій всѣхъ, былъ изъ тѣхъ, кото-
рый трогаетъ до слезъ. Каждый изъ насть сколько
разъ въ своей жизни присутствовалъ на пирш-
ствахъ, слышалъ тосты, видѣлъ восторгъ, но этотъ
восторгъ по своей духовной связи со вчерашнимъ
событиемъ, со всею долгою и мучительною агоніей
подъ Карсомъ и за Карсъ и при обстановкѣ ярка-
го солнечнаго дня, осѣнявшаго картину, напоми-
навшую такъ свѣтло и такъ празднично, что
скромный этотъ пиръ происходитъ въ Карсѣ,
имѣть особый смыслъ, особое значеніе и затроги-
вать самыя святныя, самыя чувствительныя и са-
мыя наболѣвшія, такъ-сказать, струны каждого
солдата, каждого офицера, каждого генерала. От-
того, когда послѣ этого Великій Князь снова
всталъ и взволнованнымъ, отъ привѣтствовавшаго
его восторга, голосомъ провозгласилъ за здравіе
храброй, непобѣдимой и неутомимой Кавказской
арміи, крики, огласившіе воздухъ, слезы, которыя
я видѣлъ у многихъ на глазахъ и почувствовалъ
въ своихъ собственныхъ, были вичѣмъ инымъ,
какъ продолженіемъ или повтореніемъ того-же
чтвства, которое всѣ испытали при поднятіи бо-

кала за Главнокомандующаго, ибо одно съ другимъ связаны нераздѣльно. Не будь Великаго Князя, врядъ-ли эта армія могла-бы свершить этотъ чудесный Карскій подвигъ; не будь Кавказской арміи, никогда-бы не могъ Главнокомандующій взять при этихъ условіяхъ Карса, этотъ азіатскій на сушѣ Гибралтаръ. Потомъ былъ провозглашенъ Великимъ Княземъ тостъ за своего вѣрнаго и доблестнаго, ближайшаго сотрудника и помощника Лорисъ-Меликова, и опять-же по живой связи этого замѣчательнаго человѣка съ арміей и по уваженію, которое онъ можетъ внушить къ себѣ во всѣхъ, и въ массахъ, и въ отдѣльныхъ личностяхъ, нѣть ничего удивительнаго, что *ура!* которое ему крикнули, звучало искренно, громко и сопровождалось киданіемъ шапокъ въ рядахъ тѣснившихся кругомъ нась солдатъ.

По окончаніи завтрака всѣ сѣли снова на лошадей и отправились за Великимъ Княземъ за городъ.

Поѣздка эта за городъ имѣла цѣлью осмотра нижнихъ укрѣплений—Сувари и Канлы.

Едва мы выѣхали въ поле, какъ сразу исчезло и на цѣлый день веселое настроеніе. Мы ѿхали по полю, буквально усыпанныму трупами. На первыхъ-же порахъ, проѣзжая мостъ, мы съ ужасомъ остановились.

— Доктора! услыхали мы, какъ крикнулъ Великий Князь.

Докторъ подскакалъ.

У небольшого моста мы увидали: сидѣлъ на колѣняхъ молодой Турокъ, темнаго цвѣта, тѣло его казалось неподвижнымъ и замерзшимъ, голова тоже, большие черные глаза устремлены были вдаль и не моргали, руки сложены были на груди.

Докторъ нагнулся. Онъ дышалъ.

Голоса пробудили какъ-будто этого несчастнаго. Онъ обвелъ нась глазами, какимъ-то блуждающимъ взоромъ. Судороги исказили его лицо. Онъ сдѣлалъ знакъ, что есть хочетъ. Ноги были отморожены. Оказалось, что всю почь онъ провелъ въ этомъ положеніи.

Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ ужаснѣе были картины; всѣ трупы были заморожены и оставались въ томъ видѣ, въ какомъ застигла ихъ смерть; здѣсь Турокъ съ поднятыми кверху руками, вѣроятно, воскликнувшій въ послѣдній разъ: Аллахъ! Рядомъ полулежащей трупъ, съ рукою, поднятую надъ головой, для защиты отъ сабельнаго удара. И потомъ стали встрѣчаться намъ наши родные трупы героевъ. Я видѣлъ ихъ нѣсколько, съ ихъ добрыми, молодыми и какъ-будто еще свѣт-

лыми лицами; одинъ умеръ въ минуту, когда творилъ крестное знаменіе: рука поднята была ко лбу; другой—лежалъ со сложенными на груди руками; третій—съ какимъ-то выраженіемъ спокойнымъ и сосредоточеннымъ, какъ-будто въ послѣднюю минуту, съ улыбкой на губахъ, онъ вспоминалъ про далекую родину, про милую, родную деревню, про дорогую избу.

Всѣ, начиная отъ Великаго Князя, останавливались предъ каждымъ изъ труповъ нашихъ солдатъ, снимали фуражки и съ глубокимъ чувствомъ молились за упокой его души. Вчера занимались ранеными, конечно не успѣли убрать покойниковъ. Великій Князь строжайше приказалъ чтобы къ вечеру всѣ наши тѣла были убраны и погребены съ подобающею имъ почестью.

Оба укрѣпленія, Сувари и Канлы, громадны и представляютъ собою каменные большие казармы, окруженные бастіонами и рвами. Пушки всѣ Крупновскія. Судя по большому количеству труповъ у каждой пушки, видно было, что Турки защищались храбро. Въ глубокихъ рвахъ ихъ лежало также очень много.

Мы вышли въ казарму Канлы.

Было темно. Вступаемъ въ коридоръ, кто-то

падаетъ, другой вскрикиваетъ, подъ ногами что-то живое и мягкое.

Приносятъ фонари и свѣчи. О, ужасъ, оказывается, что вся казарма переполнена лежащими на полу турецкими ранеными. Они стонали, кричали и плакали, показывая, что имъ пить хочетъ ся. Съ ночи штурма они были здѣсь забыты, и такъ-бы, вѣроятно, умерли отъ голода и жажды. Чѣмъ выражали ихъ лица, трудно описать. Ихъ принесли воды. Когда стали имъ подавать, они бросились на воду и, выпивъ, цѣловали руку того, кто ихъ поилъ.

Одинъ изъ инженеровъ,Ѣхавшихъ съ нами, говорилъ, что нашелъ большой недостатокъ въ турецкихъ укрѣпленіяхъ: это отсутствіе эскарповъ, и если вездѣ у нихъ въ кацескихъ фортахъ тотъ же недостатокъ, то штурмъ могъ быть этимъ самымъ значительно облегченъ.

Въ укрѣпленіяхъ мы ничего не нашли, кромѣ тѣль, цушекъ и громаднаго количества патроновъ, разбросанныхъ всюду, въ особенности турецкихъ: послѣднихъ мы находили по десяткамъ большихъ свинцовыхъ ящиковъ.

Мы опасались найти мины, но таковыхъ, по счастью, не оказалось. Но что онѣ были устроены, это несомнѣнно.

Многие говорили о томъ, что наши солдатики не мало поживились въ ночь штурма.

Одинъ либеральный генеральчикъ даже приходилъ въ либеральное бѣшенство и говорилъ, что это отсутствіе дисциплины, что надо строго взыскивать и чуть-ли не разстрѣливать и т. п.

Говорили объ ограбленіомъ солдатами казначейства, о какомъ-то миллионѣ золотомъ, расхищенному будто-бы въ городѣ, и т. д.; но судя по отзывамъ лицъ, бывшихъ въ эту ночь въ городѣ, надо полагать, что много въ эти рассказахъ преувеличеннаго.

Что наши солдатики поживились въ ночь штурма, это несомнѣнно, но когда-же имъ было и поживиться, какъ не въ эту ночь, и не имѣли-ли они на это вполнѣ право, пройдя такую долгую пытку лишевїй и страданий? Надо было видѣть наружность нашего солдатика, со всѣми признаками того, на-сколько онъ обносился и на-сколько зябъ, чтобы понять всю невозможность ставить въ вину ему приобрѣтеніе сапогъ, теплыхъ носковъ, штановъ, фуфаекъ и даже денегъ, тамъ, гдѣ они ихъ находили.

О деньгахъ полковникъ Ф. рассказывалъ намъ вотъ-что: одинъ изъ полковъ, взявъ Арабъ, нашелъ, между прочимъ, на латку казначея. Въ этой

палаткѣ нашли они много турецкихъ ассигнацій и два ящика съ золотою монетой; разумѣется, это золото было новаго чекана, англійскіе фунты стерлинговъ; солдаты раздѣлились между собою подружески. Но тутъ-же мы узнали, что ихъ немедленно надули Армяне. Они увѣрили ихъ, что фунтъ стерлинговъ (по курсу 10 р.) стоитъ 4 р., и стали покупать у солдатъ за эти 4 р.

Турки оказались, судя по всему, что было пайдено, богато снабженными теплымъ платьемъ и даже ковриками для лежанія на землѣ. Всѣ теплые фуфайки, чулки, носки, штаны, все это англійскихъ мануфактуръ.

Къ сожалѣнію, ни единаго Англичанина не удалось взять живьемъ. Они доблестно бѣжали изъ Карса въ почь штурма выѣсть съ главнымъ комендантомъ Карса. Остальные-же всѣ главные начальники въ карсскомъ гарнизонѣ сдались. Сегодня было узнано, что главной причиной удачи штурма была полная неожиданность нападенія. Одинъ изъ комендантовъ разсказывалъ, что они лежали въ кроватяхъ, когда начался штурмъ, и что когда комендантъ изъ цитадели послалъ по телеграфу спросить коменданта Каплы: что значитъ эта канонада, телеграмма застала его въ постели, и онъ отвѣчалъ, что, вѣроятно, эта кано-

нада ни что иное, какъ аванпостная перестрѣлка. Подтвердилось и то что Турки ожидали штурма, утромъ 8 ноября, такъ-какъ подброшена была въ Каарсъ диспозиція штурма именно на это число. При этомъ турецкій полковникъ разсказывалъ, что они ждали нападенія на Шорахскія высоты, то есть повторенія той громадной и роковой ошибки, которую сдѣлалъ Н. Н. Муравьевъ въ 1855 году, и которая намъ стоила до 10 тысячъ напрасно падшихъ жертвъ. При этомъ Турки очень наивно затруднялись какъ-будто понять, что въ эти двадцать два года мы могли поумнѣть настолько, чтобы не повторять сознательно сдѣланной уже разъ ошибки. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что всѣ главныя свои силы и лучшія войска, въ ожиданіи штурма на 8-е число и на Шорахскія высоты, Турки сосредоточили тамъ, а такие форты, какъ грозный Карадагъ и Арабъ, оставили съ небольшими гарнизонами и съ войсками весьма плохими.

Оттого нельзя достаточно оцѣнить гениальность плана штурма Лорисъ-Меликова, который, какъ всегда, зналъ, очевидно, и слабость турецкихъ уязвимыхъ мѣстъ, и то, насколько они могутъ быть поражены паникой вслѣдствіе неожиданности нападенія.

На возвратномъ пути къ Веранъ-Кала, въ раз-

говорѣ съ командиромъ Кутаисскаго полка, полковникомъ Ф., многія подробности штурма уяснились весьма наглядно. Оказывается что Карадагъ былъ взятъ 200 охотниками съ этимъ знаменитымъ 19-лѣтнимъ поручикомъ Кутаисскаго полка Дхоржевскимъ во главѣ и двумя баталіонами Кутаисскаго полка въ $9\frac{1}{2}$ часовъ вечера, то-есть часть спустя послѣ начала штурма.

— Какъ-же вы не дали знать? спросили мы его.

— Я посыпалъ къ Лазареву и къ командиру корпуса, но, вѣроятно, такъ-какъ моимъ молодцамъ приходилось проѣзжать透过儿 адскій огонь у Каплы и у Хафиза, они не добирались до мѣста, гдѣ находились начальники. Наконецъ, одному какъ-то посчастливилось. Онъ вернулся и сказалъ, что донесъ Лазареву; но это было уже часа три спустя. Я просилъ Лазарева прислать Абхазскій полкъ къ намъ на подмогу, разсчитывая оставить этотъ полкъ въ Карадагѣ, а намъ броситься на Арабъ. Абхазскій полкъ дѣйствительно подошелъ, но увидѣвъ, что Арабъ не взятъ, нась оставилъ въ сторонѣ, а прямо бросился на Арабъ и взялъ его.

— Что-же, Карадагъ защищался?

— Было вотъ какъ. Мы подкралисъ къ Карадагу. Съ нами были и санеры съ двумя офицерами, Векманомъ и Войно-Войнаровичемъ. Тур

ки нась увидѣли и встрѣтили слабымъ ружейнымъ огнемъ, уже въ траншеяхъ. Это воодушевило охотниковъ. Они бросились на ура. Взбрались мы на самыя высоты и здѣсь раздѣлились на двѣ партіи. Одна отправилась на Зіаретъ, другая на Карадагъ. Раздаются оба взрыва динамита у воротъ. Турки положительно пришли въ такой исхугъ, что даже ихъ жалко стало: дали залпъ, другой, а потомъ бросились, какъ сумасшедши, бѣжать къ Арабу. Но тутъ что было интересно: Карадагъ страшно стрѣлялъ отъ девяти до десяти часовъ, но не на нась, а со стороны Мацры, на демонстрировавшій отрядъ Шатилова и на войска, шедшія къ Хафизу, такъ-что собственно мы-то и могли такъ удачно пробраться до Карадага, что вниманіе турецкой артиллеріи было отвлечено другими цѣлями, и мы подъ летящими надъ нашими головами гранатами были виѣ выстрѣловъ, и только подъ самымъ Карадагомъ наткнулись на ружейные залпы. Въ 10 часовъ Карадагъ окончательно замолкъ, и мы сидѣли на немъ, какъ на островѣ, среди бушующаго моря, лишенные средствъ давать о себѣ знать и сообщаться съ кѣмъ-бы то ни было.

При этомъ разсказанъ былъ слѣдующій любопытный эпизодъ. Ровно въ 12 часовъ ночи, когда еще

никто не зналъ о взятомъ уже давно Карадагъ, генералъ Шатиловъ, демонстрировавшій противъ него со стороны Мацры, присыпаетъ спросить у командующаго корпусомъ: не прекратить-ли демонстрацію?

Корпусный командръ, который слишкомъ хорошо зналъ цѣну Карадага и во что-бы то ни стало хотѣлъ облегчить задачу штурмующей колоннѣ, приказалъ генералу Шатилову не только не прекращать, но усилить демонстрацію.

Арабъ былъ взятъ охотниками изъ Имеретинскаго и Несвижскаго полковъ, съ княземъ Цициановымъ во главѣ, и двумя баталіонами Абхазскаго полка. Около семи часовъ утра картина на высотахъ Карса стала въ высшей степени любопытна. Видно было, какъ изъ всѣхъ фортовъ выходили турецкія войска, направлявшіяся мимо Инглісъ-Таби и Вели-паша-Таби къ Тохмасу. На дорогѣ къ нимъ присоединился гарнизонъ съ Лахъ-Напеси. Не войдя въ Тохмасъ, они припали его гарнизонъ и гарнизонъ Тикта-Песи, и затѣмъ вошли въ горы. Приблизительно ихъ было до 45 баталіоновъ. Только тогда стало ясно, что Карсъ взятъ окончательно.

Всего было въ Карсѣ около 25,000 человѣкъ гарнизона. Изъ нихъ до 5,000 больныхъ и ране-

ныхъ и до 4,000 легло во время штурма. Вернулись мы въ Главную Квартиру въ Веранъ-Кала около 5 часовъ вечера.

Усталости не чувствовали, но чувствовали напоръ на душу самыхъ разнообразныхъ и одинаково сильныхъ впечатлѣній.

Вечеромъ за ужиномъ Великій Князь сказалъ, что онъ началъ уже получать со всѣхъ концовъ Россіи и даже изъ Европы поздравительныя телеграммы. Изъ Петербурга онъ получилъ извѣстіе о всеобщемъ восторгѣ.

Вернулся ночевать въ Ардостъ къ Х., отъ которого узналъ, что послѣ завтра увозятъ тѣло бѣднаго Граббе въ ихъ родовое имѣніе въ Полтавскую губернію.

Веранъ-Кала, 8 ноября, въ Главной Квартире.

Пишу съ трудомъ, ибо руки коченѣютъ отъ сильнаго мороза. Днемъ было жарко: всѣ потѣли. Теперь подъ ночь, говорятъ, до 12° мороза.

Вчерашній день казался мнѣ по впечатлѣніямъ душевнымъ днемъ мертвыхъ.

Сегодня день живыхъ. Пока я пишу эти строчки, со всѣхъ сторонъ, издалека и вблизи, долетаютъ до палатки крики, пѣсни, заздравныя ура. Пирутъ солдатики въ лагеряхъ, раскинутыхъ кругомъ, пирутъ и казаки возлѣ насть шагахъ въ шестидесяти, казаки собственники Главнокомандующаго конвоя. То закричать ура, то пѣвчіе пропоютъ „Славься“, то тянется „Вицѣзъ по матушкѣ“.

Кстати о пѣвчихъ. Они потеряли одного изъ

своихъ товарищей изъ хора Великаго Князя. Онъ былъ лучшій теноровый голосъ. Онъ усердно просился пойти охотникомъ на штурмъ Карса. Великий Князь ему разрѣшилъ. Но бѣднагу принесли къ утру мертвымъ. Нуля пробила ему грудь.

Сегодня все праздновало Имянинника и Михайловъ день.

Въ девятомъ часу утра выѣхавши изъ Ардоста съ X. на добрыхъ коняхъ, мы прибыли въ Веранъ-Кала, думая присоединиться къ свитѣ. Пріѣзжаемъ—все пусто. Всѣ уже уѣхали къ Карсу, гдѣ на большомъ полѣ предстояло быть молебну и параду всѣмъ войскамъ.

Мы поскакали вдвоемъ по направленію къ Корсуло, большой Эрзерумской дорогѣ. Солнце уже грѣло, небо ярко-сине; воздухъ чистъ и свѣжъ. Дышало чѣмъ-то праздничнымъ. Отовсюду на горизонтѣ и вблизи наась двигались конныя и пѣшія войска къ мѣсту парада. Дорогою встрѣчали турокъ изъ Карса всѣхъ возрастовъ; они любезно кланялись и глядѣли на насъ уже пріученными къ намъ. Послѣ доброго часа, когда мы прибыли на военное поле, пѣхотные полки составляли уже большое каре. Посреди нихъ стояль столъ съ иконами, передъ столомъ духовенство, позади казаки-пѣвчіе въ казацкихъ бѣлыхъ кафтанахъ.

Великій Князь, при звукахъ „Боже, Царя храни“, объѣжалъ войска. Подѣдетъ къ полку. Послѣ салюта онъ дѣлаетъ знакъ рукою. Музыка стихается. Настаетъ торжественная тишина.

Тогда раздается его звучный и громкій голосъ.

— Государь Императоръ, говоритъ Великій Князь,—котораго вы обрадовали новою побѣдою, поручилъ мнѣ объявить вамъ Свое Царское сердечное „спасибо“.

„Ура“ гремитъ, какъ раскатъ грома.

Прострѣленныя знамена заколыхались, сіяютъ всѣ солдатскія лица. На душѣ весело и легко.

Послѣ объѣзда всѣхъ войскъ Великій Князь скомандовалъ на молитву, потомъ сошелъ съ коня, подозвалъ всѣхъ офицеровъ и отправился къ мѣсту служенія молебна.

Во время молебна были чудныя минуты.

Давно уже бѣдные солдаты не слыхали стройнаго и торжественнаго богослуженія. На столѣ иконы, въ числѣ иконъ былъ поднесенный Великому Князю складень отъ артиллерійскаго вѣдомства; возлѣ иконъ стояла кружка. Солдатики поочередно выходили изъ рядовъ, подходили къ столу, клали земной поклонъ и затѣмъ свои копеечки вносили въ кружку.

Благодарственная молитва была прочитана съ

колѣнпреклоненіемъ. Передъ этимъ я замѣтилъ, какъ много турокъ пришло изъ Карса, въ нарядныхъ платьяхъ, и присоединились къ публике.

Послѣ молебствія провозглашено было многолѣtie Государю Императору.

Въ эту минуту ракета влетѣла наверхъ, и мигъ спустя съ грознаго Карадага послышался первый выстрѣлъ. Затѣмъ выпалилъ Арабъ, потомъ Тахмасъ и затѣмъ всѣ 101 выстрѣлъ стрѣляли поочередно всѣ форты грознаго и столь долго неподѣдимаго Карса. Невольно всѣ взоры устремились къ этимъ гигантамъ-фортамъ и еще разъ мы всѣ почувствовали потребность поблагодарить Бога за это чудо, содѣянное Имъ во славу Его имени. Когда стали замирать въ воздухѣ послѣдніе звуки громкаго многолѣtія за Государя Императора, діаконъ спустилъ голосъ октавою ниже и минорнымъ тономъ, но ясно и съ глубокимъ чувствомъ сказалъ: „во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь, Господи, христолюбимымъ воинамъ, на семъ полѣ брали за вѣру, Царя и отчество животъ свой положившимъ, и сотвори имъ вѣчную память!“

Великій Князь, при первыхъ звукахъ этой молитвы, преклонилъ колѣна и съ благоговѣйнымъ,

глубокимъ чувствомъ, отражавшимся на его лицѣ, сотворилъ молитву.

Всѣ на полѣ битвы преклонили за нимъ колѣна. Пушечная пальба продолжалась, воздухъ дрожалъ, пѣвчие пѣли: „вѣчная память!“ и невольно, при видѣ этого чудного зрѣлища и слушая это сліяніе молитвы съ трескомъ грозныхъ орудій, душа испытывала, какъ все праздновавшее въ эти минуты, подъ голубымъ и яснымъ небомъ, двойное торжество, сливалось и объединялось съ душами храбрыхъ воиновъ, купившихъ своею смертью этотъ праздникъ. Потомъ, послѣ многолѣтія храброму воинству, знамена, стоявшія передъ иконами, были подняты и при салютѣ всѣхъ войскъ отнесены по полкамъ. Тогда старшій священникъ, съ крестомъ и святою водою, въ сопровожденіи одного Великаго Кніязя, отправился по рядамъ войскъ и, обойдя всѣхъ, окрошилъ ихъ и освѣнилъ крестомъ.

Послѣ этого начался парадъ.

Войска стали проходить церемоніальнымъ маршемъ. Куда дѣвались усталыя и скучныя лица двухъ дпей назадъ, куда дѣвались холодъ и зябкость, куда дѣвались дырявые сапоги, изношенныя платья, запачканныя кепи,—все блистало съ иголочки, все точно помолодѣло, солдаты, точно засидѣвшись, промятыся захотѣли, шагали они точно

въ мирную годину на парадѣ и глядѣли такъ, какъ-будто весь вѣкъ свой и тепло имъ было, и сыты были, и обѣ усталости понятія не имѣли.

Послѣ церемоніального марша произошла глубоко-впечатлѣвшая всѣхъ и поразившая неожиданностью сцена.

Великій Князь передъ всѣмъ фронтомъ войскъ выѣхалъ, поднялъ саблю и, отсалютовавъ корпусному командиру Лорисъ-Меликову, крикнулъ ему „ура!“

Лорисъ-Меликовъ снялъ каску, бросился къ Великому Князю, который его горячо обнялъ, и затѣмъ поклонился съ глубокимъ волненiemъ кричавшему отъ всего сердца „ура“ возлюбленному своему кавказскому войску.

Всѣ были рады этому торжеству въ честь Лорисъ-Меликова.

— Каково, вотъ честь! Ай-да Великій Князь! А заслужилъ, вотъ слова, которыя я слышалъ кругомъ въ толпѣ генераловъ и офицеровъ.

Я говорю: всѣ были рады...

Но такъ-ли? Было лицо, отразившее что-то другое, я его замѣтилъ; были лица, выражавшія что-то вродѣ зависти, но ихъ было очень немного. Затѣмъ Великій Князь подозвалъ къ себѣ всѣхъ командировъ полковъ и батальоновъ, равно и эскадроновъ.

Тоже была минута, о которой не забуду.

— Господа! сказалъ Великій Князь,— я собралъ васъ, чтобы еще разъ передать вамъ отъ Нашего возлюбленнаго Государя царское „спасибо“. Что же касается моего „спасибо“, то хотя послѣ царскаго оно ничего не можетъ значить, но я такъ давно сжился съ вами, такъ давно привыкъ васъ любить...

Здѣсь голосъ вдругъ сорвался, изъ глазъ полились слезы.

Настало мгновеніе тишины.

Положительно всѣ плакали.

Затѣмъ изъ чьей-то груди вырвалось „ура“, по-тому изъ второй груди, изъ третьей, каски и шапки поднялись кверху, „ура“ загремѣло, подхватилось всѣми войсками и обратилось въ ревъ бушующаго моря.

Нужно-ли прибавить, что такая минута, такая недосказанная отъ волненія фраза крѣпче и прочнѣе всякой рѣчи связываетъ такого главнокомандующаго съ такимъ войскомъ.

Послѣ парада всѣ офицеры были приглашены къ завтраку, полки стали расходиться, опять появился маленький походный столъ для Великаго Князя и старшихъ генераловъ, опять разостлана была на землѣ большая скатерть и множество го-

стей получило сытный, обильный и весьма веселый завтракъ.

Послѣ обычныхъ тостовъ, вызывавшихъ громкія „ура“, князь Мирскій всталъ и сказалъ всеми принятыя съ глубокимъ сочувствіемъ слѣдующія слова:

— Ваше Высочество, господа! позвольте мнѣ при сегодняшнемъ торжествѣ вспомнить тѣхъ, которые хотя далеки отъ насъ пространствомъ, но такъ близки сердцу каждого изъ насъ и имѣютъ такое священное право радоваться съ нашими храбрыми воинами и раздѣлять ихъ славу. Я пью за здоровье матерей, женъ и дочерей нашего славнаго кавказскаго воинства.

Тостъ этотъ принялъ быть съ неописаннымъ восторгомъ.

Такъ кончилось торжество 8 ноября.

Остается прибавить для исторической точности, что въ числѣ лицъ, составлявшихъ свиту Великаго Князя въ этотъ день, былъ начальникъ карской артиллеріи, очень образованный, отлично говорящій по-англійски, полковникъ, который просилъ счастья взглянуть на торжество и неоднократно выражалъ свое уваженіе къ нашимъ войскамъ. Лицо его казалось чисто-европейскимъ и по типу принадлежало къ французской физіономії.

На возвратномъ пути въ Веранъ-Кала я отсталъ отъ свиты и шагомъ возвращался домой въ рядахъ 1-го стрѣлковаго батальона.

Несмотря на короткое знакомство, нельзя было не полюбить сразу этотъ чудесный батальонъ. За нимъ такая-же громкая слава на Кавказѣ, какъ за Гренадерами кавказской дивизіи. Въ Ріонскомъ отрядѣ они творили чудеса въ началѣ кампаниі; по-томъ пришли съ своимъ командиромъ, княземъ Барятинскимъ, къ Карсу, тутъ отличались не разъ. Командиръ ихъ былъ контуженъ въ голову; въ штурмѣ Карса они играли самую видную и дѣятельную роль въ отрядѣ бѣднаго Граббе, и увы! когда на другой день штурма стали повѣрять свой составъ, оказалось, что въ батальонѣ осталось около 400 человѣкъ и 6 офицеровъ. Шелъ этотъ батальонъ вольно и весело.

- Что, устали? спросилъ я.
- Да, есть маленько.
- Чего уставать, подхватиль другой, — вишь выдумалъ. Стрѣлки развѣ устаютъ?
- И стрѣлки тоже небойсь люди, замѣтиль философъ.
- А на штурмѣ вы гдѣ были? спросилъ я.
- Карцерь брали.
- Какой же вы форть брали?

- А кто ихъ знаетъ, развѣ тамъ разберешь.
Привели—мы и давай братъ.
- Не сдавался долго, чтобъ его...
- Тоже драться полѣзъ.
- А много васъ легло?
- Порядкомъ.
- А убитыхъ?
- Всего довольно.
- А страшно было?
- Нисколько, отвѣтилъ какой-то юный парень.
- Дѣло привычное. Тамъ подъ Батумомъ страшнѣй небойсь было.
- Это подъ Цыхидзиремъ?
- Такъ точно.
- Да, тамъ вамъ, бѣдняги, не поздоровилось, сказалъ я.
- Ужъ именно, что такъ.
- Жарко досталось.
- И толку-то не было, сказалъ я.
- Да какой толкъ, мы напередъ знали, что идемъ зря.
- Нешто можно было его братъ? сказалъ другой солдатъ.
- Это только, братцы, пошутили, сказалъ одинъ изъ остряковъ.
- Солдатики разсмѣялись.

— А какъ у васъ дерутся, всѣ полки одинаково, спросилъ я, — или есть, которые послабѣе?

— Извѣстное дѣло, кто съ непривычки, тогдѣ поровитъ какъ-бы больше назадъ.

— А тутъ-то, подхватилъ одинъ изъ солдатъ — въ него и жарятъ.

Опять общій смѣхъ.

— Это вѣрно, потому намъ ужъ извѣстно, какъ напереди, такъ значитъ лучшее не попадаетъ въ тебя.

— А какъ назади, то-и-дѣло, что валитъ.

— Ну, а какъ у васъ все дрались, хорошо?

— Не можемъ знать, развѣ услѣдишь.

— Ну, а какъ слышно?

— Что намъ до другихъ, у самихъ небойсь дѣла было довольно.

— Тутъ, ваше высо-діе, такая была суматоха, что и не разберешь; полковъ много было.

— И Московскіе были?

— Были.

— Ну, и что же?

— Кто ихъ знаетъ.

— А что же вы пѣсенки не поете?

— Охрипъ запѣвало, ваше в-діе.

— Измаялся видно.

— Кто я-то? откликнулся солдатъ, оказавшійся запѣвалой.

— А то кто-же, виши бабой какой выглядиши.

— Эхъ ты, самъ небойсь по бабьему пятки зavorачиваешъ, нешто не слышишь голоса,—охрипъ.

— Морозомъ прихватило.

Засмѣялись солдаты.

— А кто пѣсни-то пѣлъ, какъ на штурмъ-то шли, забыли? сказалъ запѣвало.

— Точно, что пѣлъ.

— То-то.

— Съ того времени небойсь и охрипъ.

— Простудился голосомъ.

— Ладно, а вотъ, ребята, послушайте-ка лучше сказку; спѣть не спою, а сказку разскажу важную.

Сказка вышла очень не цензурная.

За то солдаты ужъ такъ смѣялись, что любо смотрѣть было.

— Ну-те-ка еще.

— А еще—вотъ что: жена у кого есть?

— У меня есть.

— У меня, стали откликаться солдаты.

— Право есть?

— Правда, что я лгать, что-ли буду?

- А ну-ка побежись.
— И божиться не хочу.
— Ну хорошо есть, а у тебя есть?
— И у меня есть.
— И у тебя, ну хорошо, а у кого еще? Ну-ка сказывайте.

Солдаты стали снова откликаться.

Ихъ, видимо, заинтересовала эта болтовня, такъ-какъ они ожидали чего-нибудь смѣшного.

— Ну ладно, ладно; такъ слушайте-же, что я вамъ скажу.

Тѣ навострили уши.

— У тебѣ есть жена, и у него есть, и у Максима Гораски есть, и у тебя, Терентьича, есть,— и важная, чортъ возьми!—а у меня нѣть жены,— и самъ размѣялся,—вотъ вамъ и сказка.

Расхохотались солдатики.

— Шутъ гороховый.
— Видно, что не жепатый чортъ.
— А хорошо быть не женатымъ, ей-богу, рѣшилъ запѣвало.
— Чѣмъ-же? спросилъ я его.
— А тѣмъ, ваше в—діе, убьютъ—и горевать-то некому, протянешь ножки и ладно, баба тутъ ни причемъ.

Солдаты размѣялись, по уже этотъ смѣхъ былъ

не тотъ. Мнѣ показалось, что зашевелилось что-то на сердцѣ у каждого.

— Ты лучше расскажи намъ что-нибудь повеселѣе, сказалъ одинъ изъ солдатъ,—чего бабъ вспоминать.

— Радъ стараться.

И началъ онъ новый разсказъ, еще не цензурپъе первого.

Солдаты опять развеселились.

— Языкъ безъ костей, сказалъ одинъ изъ нихъ.

— А въ ногахъ за то кость есть, отвѣтилъ запѣвало.

— Не бойсь легче ходить, слушая сказки, а?

— Легче, отвѣтилъ солдатъ.

— То-то и есть.

Дѣйствительно, солдаты шли легко, бодро и весело, забывая, что они безъ малаго проходили тридцатую версту.

Мы вернулись къ сумеркамъ почти въ Веранъ-Кала.

Тамъ застали между лицами Главной Квартиры разговоръ о томъ, когда перѣдуть въ Карсъ. Всѣ ожидали этого события, чтобы согрѣться, въ особенности тѣ, которымъ дѣло дѣлать было не по вкусу.

Вечеромъ, до ужина, я отиравился къ корпусному командиру просить разрѣшения на выѣздъ, то-есть на полученіе лошадей.

— Можно видѣть корпуснаго командира? спросилъ я.

— Никакъ нѣтъ, они заняты.

— Есть кто-нибудь?

— Начальникъ Штаба у нихъ.

Я походилъ, походилъ передъ палаткою.

Наконецъ, вышелъ начальникъ Штаба.

— Теперь можно его видѣть?

— Заняты.

— Да вѣдь ушелъ начальникъ Штаба?

— Они одни заняты, не приказываются тревожить.

Нечего было дѣлать, пришлось уйти.

За ужиномъ Великій Князь сказалъ, что получилъ уже до ста поздравительныхъ телеграммъ. Тутъ-же решено было, что начальникъ Главной Квартиры, князь С. Т., поѣдетъ въ Карсъ сегодня на ночь, чтобы отыскивать помѣщеніе для перѣѣзда Великаго Князя.

Затрудненій предвидѣлось не мало, ибо по собраннымъ свѣденіямъ большіе дома все обращены въ госпитали или пробиты нашими гранатами, а

въ маленькихъ домахъ болѣе одвой или двухъ комнатъ не имѣется.

Послѣ ужина опять отправился къ корпусному командиру.

На этотъ разъ посчастливилось.

Казакъ рѣшился пойти доложить и черезъ ми-
путь отворилась завѣтная дверь въ палатку.

Въ ней было и очень свѣтло, и очень тепло;
самъ Лорисъ-Меликовъ былъ въ шерстяной курт-
кѣ. На столѣ лежали карты и бумаги съ цифра-
ми. Въ палаткѣ было два отдѣленія: во второмъ
въ открытую дверь виднѣлась его желѣзная кро-
вать. Принялъ онъ меня очень любезно и совѣто-
валъ остаться подольше, чтобы ближе пригля-
дѣться. Тутъ-же пригласилъ меня съ нимъ по-
ѣхать подъ Эрзерумъ, такъ-какъ надняхъ онъ ту-
да собирается.

Къ сожалѣнію, расчеты времени заставили меня
отказаться отъ столь любезнаго предложенія съ
благодарностью.

— Ну что, спросилъ меня генералъ,— вы видѣли
кое-что, а?

— Много, страшно много.

— Знаете-ли, надо особенное, поразительное
счастье, чтобы прѣѣхать на Кавказъ на короткое
время и какъ-разъ попасть къ штурму Карса;

это невѣроятное, баснословное счастье; не всегда у насъ, батюшка, такіе бывали праздники, какъ въ эти дни.

— Да, я думаю.

— Пережили мы, пережили тяжелые дни, забыты мы были, заброшены, обруганы, и сколько времени. Да, вынесли мы много тяжелаго и грустнаго; что насъ бралии—Богъ съ ними, а что такая армія, какъ Кавказская, должна была нить эту чашу горя и униженія, вотъ что было больно, ужасно больно, вотъ что насъ заставляло страдать. Вы теперь здѣсь, вы не видите нашу гвардію, нашъ цвѣтъ Кавказской арміи, Гренадерскую дивизію, а посмотрѣли-бы вы на нее поближе, вы бы поняли, можно-ли съ такими войсками быть побѣжденными, да еще Турками.

— Но знаете, ваше высѣство, видѣть торжество вашей чудной арміи пріятнѣе, чѣмъ присутствовать при ея горѣ; я такъ счастливъ, что не прибыль раньше...

— Такъ-то такъ, но, знаете, для человѣка, изучающаго современныя события, то время было интереснѣе съ точки зрѣнія этюдовъ; вы-бы мно-гому научились; теперь всѣ торжествуютъ, всѣмъ праздникъ, всѣ правы, виноватыхъ нѣть; теперь только одна сторона нашего быта открывается, и

вы сами знаете, что когда везетъ человѣку, тогда многаго не подсмотришь; человѣка надо изучать, когда не везетъ ему, вотъ тогда онъ интересенъ, тонко смѣясь, прибавилъ генералъ.

— Но вы больше всѣхъ, я думаю, перестрадали и больше всѣхъ теперь счастливы.

— Да, вы правду сказали. Я больше всѣхъ перестрадалъ и больше всѣхъ теперь счастливъ; такой день, какъ сегодня, и честь которою меня осчастливили сегодня Великій Князь передъ Кавказскою арміею, не забываются; это событие крупное въ жизни, это дѣлу вѣнецъ; теперь мнѣ можно умереть спокойно.

— И жить спокойно, сказалъ я.

— Да, и жить спокойно.—Генералъ провелъ рукою по лицу, какъ-будто на встречу многимъ воспоминаніямъ, лицо его чуть-чуть помрачилось, но потомъ очень быстро прояснилось. Что вспоминать о прошедшемъ; главное достигнуто; все, что мы перенесли, вытерпѣли, все, что мы старались настойчиво довести до конца, все это Богъ далъ намъ привести къ благополучной развязкѣ, а судить насъ будетъ исторія. Одного жаль, что человѣкъ не изъ желѣза, даромъ ничего не проходитъ.

Я посмотрѣлъ на этого еще далеко не старого

человѣка. Дѣйствительно, на лицѣ его видны слѣды того глубокаго и неумолимаго рѣзца, который называется внутреннею жизнью. Уходила его порядкомъ эта внутренняя жизнь за тѣ нѣсколько мѣсяцевъ, пока мы всѣ издалека судили о немъ, осуждали его, осуждали доблестное войско, а онъ боролся съ тысячами препятствій, съ какою-то гигантскою силою этихъ препятствій, изнемогалъ отъ заботъ, горечи, страданій и печали, вѣря въ силу своихъ честныхъ цѣлей, и не далъ ни на минуту себя въ жертву отчаянію или личному чувству. Дорого отзываются такие дни борьбы и страданій на физическомъ человѣкѣ, но за то какое наслажденіе имѣть право смотрѣть всѣмъ современникамъ и исторіи въ глаза, имѣть право считать заслуженною эту честь, которую сегодня передъ всею Кавказскою арміею сдѣлала этому много пострадавшему человѣку Великій Князь, братъ Государя и Главнокомандующій.

Зная, какъ дорого время для такого работника, я всталъ и удалился, вынеся то впечатлѣніе, что этотъ человѣкъ не ниже своей серьезной и трудной роли и что за него должны быть всѣ тѣ которымъ дороги не пустые и не мишурные, а серьезные интересы нашего не легкаго дѣла на Кавказѣ.

Тутъ кстати набросать то, что я могъ слышать и самъ увидать насчетъ этой замѣчательной личности на Кавказѣ. Лорисъ-Меликовъ воспитывался въ Московскомъ Университетѣ и сверхъ того воспитывался въ жизни, которую онъ самъ себѣ пробивалъ. Эти двѣ особенности его жизни наглядно выражаются въ его личности. Московскій Университетъ, и еще того времени, кромѣ серьезнаго образования, далъ Лорисъ-Меликову печать полнаго владѣнія русскимъ языкомъ со всѣми его духовными богатствами и безчисленными оттѣнками. Хороню знать русскій языкъ—значить уже быть русскимъ: это именно какъ-будто сказывается въ его личности. Вторая особенность проявляется въ немъ еще паглядище. Изъ первыхъ-же словъ съ Лорисъ-Меликовымъ видишь и понимаешь, что нѣть той мысли и того чувства, которыхъ не были-бы ему по опыту знакомы. Онъ вѣсъ понимаетъ уже изъ первого вашего взгляда, изъ первой тѣни вашей физіономіи, ибо самъ пережилъ одинъ чуть-ли не больше, чѣмъ вѣсъ мы, жившіе вокругъ него въ этомъ лагерѣ. Къ тому же у него тонкость ума и ловкость ума, какъ природныя качества, съ перваго-же раза обращаютъ на себя вниманіе. Человѣкъ этотъ знаетъ край и его жителей, какъ свои пять пальцевъ.

Восточный вопросъ, въ нравахъ, въ лицахъ, въ историческихъ преданіяхъ, ему знакомъ ближе, чѣмъ кому-бы то ни было, и въ то-же время, какъ образованный человѣкъ, долго жившій въ Германіи, онъ обладаетъ всѣми прелестями умнаго и пріяя наего собесѣдника.

Затѣмъ вотъ что, по моему, всего важнѣе.

Куда ни пойдете, съ кѣмъ вы обѣ немъ ни заговорите—отъ всѣхъ вы услышите эту фразу: „онъ *высоко-честный человѣкъ*“. Въ нашъ вѣкъ каждый изъ наасъ настолько жилъ и терся обѣ людей, что знаетъ насколько именно эта черта: быть *высоко честныиъ человѣкомъ*, рѣдкая и цѣнная черта, въ особенности въ той средѣ и при такихъ условіяхъ, какова была жизнь Лорисъ-Меликова, полная искушений и представлявшая постепенный переходъ отъ скромнаго положенія къ высшему. Много-ли устояло людей на высотахъ въ наше время, про то знаютъ тайники нашей общественной жизни. Лорисъ-Меликовъ вездѣ и всегда оставался безусловно чистъ и честенъ и таковыи слыветъ теперь для каждого солдата и каждого офицера.

Кромѣ того онъ добръ, ласковъ и привѣтливъ. Не разъ мнѣ лично пришло въ его добротѣ убѣдиться, слышавъ, какъ онъ хлопотать и забо-

тился о другихъ. Эту черту я и называю добро-
тою и она не часто встречается въ жизни; вотъ
почему и цѣнна. Корпусному командиру было-бы
такъ легко сказать, что ему некогда думать о
бѣдномъ офицерѣ, о несчастной вдовѣ убитаго, о
пуждѣ солдата. Остается еще сказать два слова о
щекотливомъ вопросѣ: о Лорисъ-Меликовѣ гово-
рять, какъ о представителѣ Армянского вліянія.
Тутъ многое что можно сказать, такъ-какъ Ло-
рисъ-Меликовъ армянинъ, то понятно, что съ нимъ
связываютъ мысль объ армянскомъ вліяніи, о вы-
двиганіи впередъ армянъ и т. д. и даже, пожа-
луй, о какомъ-то сепаратизмѣ армянъ, но поживъ
здѣсь, я пришелъ къ убѣжденію, что серьезно къ
такимъ пустякамъ относиться по меньшей мѣрѣ
смѣшно. Армянъ на военномъ поприщѣ никто не
выдвигаетъ: ихъ выдвигаютъ каждого отдельно
проявленія въ нихъ замѣчательныхъ дарованій и
способностей и затѣмъ собственный примѣръ храб-
рости и неустранимости. Мы русскіе, надо себя
въ этомъ грѣхѣ упрекнуть, очень падки видѣть
всюду, въ особенности тамъ, гдѣ мы неряшливы
и тамъ, гдѣ мы исполняемъ свои обязанности спу-
стя рукава, сепаративный элементъ во всемъ и
во всякомъ, не вникая въ сущность вопроса: нѣтъ-
ли болѣе доказательствъ въ томъ, что люди, счи-

таемые нами сепаратистами, отлично исполняютъ свой русскій долгъ службы (иногда гораздо лучше настѣ), чѣмъ въ томъ, что они служатъ представителями и предводителями какой-нибудь сепаративной партіи. Заслугъ ихъ мы не признаемъ, а набрасываемся на нихъ и давимъ всею тяжестью нашихъ обвиненій и заподозрѣваній.

То-же слѣдуетъ сказать—я говорю это съ убѣженіемъ, — о легкомысленныхъ нашихъ отношеніяхъ къ армянскому вопросу въ военномъ дѣлѣ на Кавказѣ. Правда, что армянъ во главѣ войскъ много, но вѣдь и русскіе есть, и мало-мальски кто захочетъ, можетъ сейчасъ-же себя проявить, пользуясь тѣмъ, что Великій Князь ищетъ и цѣнитъ людей; во-вторыхъ, не гораздо-ли было-бы хуже, если бы армянъ на Кавказѣ въ всеномъ мірѣ не было вовсе, ибо это прямо доказывало-бы ихъ отчужденіе отъ арміи и именно это-бы служило вѣрнымъ признакомъ ихъ обособленія. Въ-третьихъ, наконецъ, армянинъ, пробившій себѣ дорогу и стяжавшій себѣ имя *въ кавказской арміи*, можно это навѣрное сказать, ни эту дорогу, ни это имя даромъ или фуксомъ не пріобрѣль; онъ сдѣлался русскимъ, пока пріобрѣталъ въ рядахъ такой высоко и художественно-добрестной арміи, какъ Кавказскій путевой дневникъ.

казская, честное имя и славу храброго и способного генерала.

Потомъ еще вотъ что нужно сказать: что есть сепаратистскія мечты въ армянахъ, это несомнѣнно, что армянское общество, низшее и среднее, впиваются, такъ сказать, въ нѣдра кавказской жизни и высасываетъ изъ нея всѣ силы,—это, увы, тоже несомнѣнно, но между этими армянами и военными какъ тѣ которые теперь составляютъ украшеніе Кавказской арміи—сколько мнѣ кажется, весьма мало общаго. Это—люди старыхъ преданій и стараго времени. Они чужды политики армянской, они чужды наживѣ армянской. Тѣ, то есть низшія и среднія сферы армянского населенія, которые наживаются на счетъ грузинъ и русскихъ — совсѣмъ другое племя. Они и въ военную службу идутъ съ неохотою. Ихъ имена вы встрѣтите въ спискахъ не фронтовыхъ офицеровъ, и только... Они и не любятъ своихъ прославленныхъ генераловъ. То-же и относительво молодой Армени. Это—интелигенція въ средѣ молодежи. Тамъ тоже вы не найдете Лазаревыхъ и Шелковниковъ, а нигилистовъ за то много, слишкомъ много.

Веранъ-Кала, 9-го ноября.

Сегодня мы прожили послѣдній день въ Веранъ-Кала. Завтра Главная Квартира переѣзжаетъ въ Карсъ, а что будетъ дальше—неизвѣстно.

Сегодня переѣхалъ командиръ корпуса и его штабъ. По этому поводу случайно присутствовалъ при довольно характеристичной сценѣ.

Говорятъ, что всегда, когда есть два штаба, то, таковъ уже законъ природы, эти два штаба должны относиться одинъ къ другому, если не враждебно, то все-же до извѣстной степени косо. Мне казалось, что то-же самое должно происходить здѣсь, ибо здѣсь есть Главная Квартира и есть корпусный штабъ. Мы разсказывали, напримѣръ, что бывали не разъ между офицерами Главной Квартиры и корпусного штаба жаркие и даже горячие споры о томъ, кто болѣе дѣлаетъ. При этомъ

прибавляли, что одинъ острякъ, къ которому спорящіе обратились какъ къ судьѣ, отвѣтилъ такъ: вы, господа, сказалъ будто онъ, обращаясь къ главноквартирнымъ,— вы больше шума дѣлаете, а вы, господа питабные, вы больше дѣла дѣлаете... Радумѣется, первые страшно обидѣлись.

Невольно я обѣ этомъ анекдотѣ вспомнилъ, когда услыхалъ сегодня вечеромъ на площадкѣ громкіе голоса нѣсколькихъ лицъ, говорившихъ съ одушевленіемъ, жаромъ и гнѣвомъ.

Я остановился.

То говорили нѣкоторые изъ самыхъ громкоголосныхъ чиновъ Главной Квартиры, и говорили по французски, чтобы показать, что они не какие-нибудь, а важные и комильфотные притомъ.

— Мы не можемъ этого допустить, это чортъ знаетъ что такое, говорилъ, топая ногами, одинъ изъ героевъ (только не Карса), мы Главная Квартира, намъ нельзя наступать на поги.

— Что это вы горячитесь? подошелъ къ орато-ру кто-то.

— Помилуйте, кориусный штабъ переехалъ раньше настъ, на что это похоже?

— Ну скай, Богъ съ нимъ, что-же тутъ обиднаго?

— Что тутъ обиднаго! да вы развѣ не понимае-

те, что онъ займетъ лучшія квартиры, а намъ придется жить на чердакахъ и въ подвалахъ; вы находите, что это бездѣлица?

Не правда-ли, сцена была характеристична!

Сегодня утромъ была чудная для души церковная служба, передъ палаткою Великаго Князя. Въ 11 часовъ собрались всѣ генералы и чины штаба и главной квартиры, прибылъ священникъ, прибыли Великаго Князя казаки-пѣвчіе, подошли изъ ближайшаго лагеря солдаты и казаки, и затѣмъ, когда всѣ собрались, вышелъ изъ палатки Главнокомандующій и сталъ впереди молящихся.

Началась панихида по убіеннымъ при штурмѣ Карса. Когда запѣли „со святыми упохой“, Великій Князь и всѣ за нимъ преклонили колѣна.

Сладостно душѣ было молиться въ этой обстановкѣ, посреди этихъ горъ, безмолвныхъ свидѣтелей столькихъ страдъ во имя Карса, въ виду этого Карса, вдали стоявшаго смиреннымъ и побѣженнымъ, и чувствовалось все время, что совершается не обрядъ и не формальность, а именно молитва, и что подъ этимъ небомъ, въ этомъ воздухѣ витають души большой семьи карскихъ героевъ.

Еще рано утромъ сегодня отданъ былъ послѣдний долгъ герою князю Меликову. Его отпѣвали

въ 9 часовъ утра, въ присутствіи корпуснаго командинра, и затѣмъ увезли въ Александроволь хоронить на Холмъ Чести. Въ три часа сего дня было отпѣваніе и прощальная панихида надъ тѣломъ другаго героя, графа Граббе. Сего дня тоже его останки двинулись въ путь, сопровождаемые бывшимъ при немъ ординарцемъ.

Пока я сидѣлъ у князя Щ. въ палаткѣ, прѣхали къ нему два молодыхъ офицера изъ Шереметевскаго отряда, князь О и Б. Одинъ гвардейскій гусаръ, другой кавалергардъ. Оба юноши. Оба съ начала войны рѣшилиѣ хать податься и отправились на Кавказъ. На Кавказѣ они, не долго думая, поступили въ кавалерійскій отрядъ Шереметева, какъ въ самый кавказскій. Тамъ, какъ я ужъ раньше писалъ, составилась маленькая семья такихъ блестящихъ гвардейскихъ юношней. Доселѣ, по общему отзыву, они провинились въ одномъ: въ излишней храбрости. Генералу ихъ то и дѣло что приходится ихъ бранить за безумные подвиги отваги и неустрашимости. То они наряжаются на цѣлыя сотни турокъ и подъ ихъ выстрелами забавляются тѣмъ, что удираютъ не въ карьеръ, а пѣшкомъ, то они бросаются братъ съ горстью людей баттарею, то они *по одиночкѣ* отправляются на рекогносировку, то они атакуютъ впятеромъ

деревню, занятую турками, и такъ далѣе,—имъ горя мало до ихъ шкуры и жизни, и только когда ихъ начальникъ хорошенько побранитъ, они па время, по на самое короткое, успокаиваются, а не бранить ихъ нельзя, ибо, во-первыхъ, такіе славные ребята нужны для дѣла, а не для пустяковъ, а во-вторыхъ, у каждого изъ нихъ есть мать, которая дрожитъ надъ жизнью своего дитяти.

Привлекательными тѣмъ не менѣе показались мнѣ эти удалые юноши. Одинъ два раза контуженъ, и одинъ разъ не на шутку въ животъ, а ему и горя мало, даже и не ложился. Болтовня ихъ дѣтская, но въ то-же время геройская. Все горитъ въ нихъ любовью къ чести, къ доблести, къ долгу, къ солдату. О себѣ они не говорятъ, а все другихъ хвалятъ. Жалчи и злобы не слышно; чувствуется, что для этихъ ощущеній у нихъ въ пылающихъ благородною юностью сердцахъ мѣстечка нѣть. Никого не бранятъ, никого не осуждаютъ, снисходительны къ другимъ; себя въ грошъ не ставятъ. Товарищи чудные, кутить не прочь, по для веселья, а не изъ нравственной порчи или мотовства. Долговъ не дѣлаютъ. Тицеславья никакого. Есть деньги—тратятъ, послѣднія товарищу отадутъ, а нѣтъ денегъ—сидятъ на пилѣ Св. Антонія,

Мнѣ кажется, что таковы или въ этомъ родѣ были типы прежнихъ кавказцевъ. Какъ и тогда, многіе пріѣзжали изъ Петербурга и уже изъ этой смѣси Петербургскаго гвардѣйца съ Кавказомъ составлялся привлекательный типъ кавказца того времени.

Карсъ, 10 Ноября, четвергъ.

Какъ хорошо жить въ домѣ и чувствовать себя тепло, говорятъ всѣ кругомъ. Страдавши такъ мало времени отъ холода, я все-таки понялъ, что значитъ это страданье, ибо испыталъ оное и понимаю следовательно, какъ счастливы, напримѣръ, тѣ солдатики, которые перебрались изъ палатокъ въ Карсъ, или, вѣрнѣе, въ Карцеръ, ибо солдатикъ никогда иначе не назоветъ Карса.

Сегодня всѣ собрались въ послѣдній разъ къ утреннему кофе въ Веранъ-Кале веселые. Не будемъ мерзнуть больше ночью, а спать будемъ, не будутъ руки мерзнуть при писаніи (одинъ чиновникъ почтовый отморозилъ себѣ палецъ), не будемъ изводить спиртъ и жечь бумагу, чтобы согрѣвать

несогрѣваемыя палатки; на эту тему разговаривали всѣ и были въ удивительно-розовомъ настроеніи.

Князь С. Т., походный гофмаршалъ объявилъ, что въ двѣнадцать часовъ ровно будетъ обѣдъ, а послѣ обѣда сейчасъ же переѣздъ въ Карсъ.

Всякій подбѣгалъ къ князю Т. съ вопросами.

- Что, у меня квартира есть?
- Хороша наша квартира?
- Каминъ есть?
- Теплая квартира?
- Большой домъ?
- Высокія комнаты?

Болѣе, чѣмъ основательно, бѣдный князь Т., у которого дѣла и хлопотъ безъ того довольно—кстати сказать, порядокъ, экономія, то-есть избѣганье ненужныхъ расходовъ и въ то-же время достаточность во всемъ у него просто изумительны—съ оттѣнкомъ досады отгрызался отъ пристававшихъ къ нему и говорилъ: отстаньте, точно я обѣ васъ долженъ заботиться; сами пріѣдетѣ и отыщете себѣ квартиры.

Но былъ одинъ, вчера кричавшій по поводу того, что корпусный штабъ дерзнулъ переехать раньше его, который далеко не успокоивался.

Онъ все ходилъ и видимо сердился уже впе-

редъ, при мысли, что когда онъ явится, онъ, столько дѣла сдѣлавшій, онъ, столько крови за Россію пролившій, онъ, столько побѣдъ одержавшій, онъ, столькими подвигами прославившійся, вдругъ домъ въ Карсѣ не выйдетъ къ нему на встречу и два гайдука или два ангела не слетятъ сверху и не подымутъ его на рукахъ и не принесутъ его въ теплую, светлую, благовонную, высокую, широкую и длинную комнату, съ каминомъ, когда холодно, и съ холодомъ, когда тепло.

Такъ какъ онъ былъ чуть-ли не генеральского чина, то считалъ, что къ нему не могли примѣняться слова князя Т..., и все напоминаль ему, что онъ, дескать, надѣется, что его не забудутъ.

Бѣдный князь Т., чтобы отвязаться, долженъ былъ ему обѣщать думать о немъ...

Ровно въ двѣнадцать часовъ подали обѣдъ и пришелъ Великій Князь въ столовую палатку... У входа стоитъ всегда большой столъ съ закускою и водкою; подъ палаткою длинный столъ, гдѣ обѣдали. Подаютъ обѣдъ деньгищики Великаго Князя. Сверху кое-какъ сносно, сидять въ шубахъ, а ногамъ всегда страшно было холодно. Сидѣло за столомъ всегда около 20 человѣкъ. Иногда приходилъ обѣдать корпусный командиръ, но рѣдко. Обыкновенно онъ обѣдалъ у себя, со

всѣмъ своимъ штабомъ. За обѣдомъ общій разговоръ: всѣ говорятъ съ полнou развязностью. Стоить только минуту побыть съ Великимъ Княземъ, чтобы усвоить себѣ то непреложное и отрадное убѣженіе, что въ немъ любовь къ правдѣ—пребывающая черта его нравственной жизни, и что, следовательно, ему не нужно ни лести, ни той придворной болтовни, которой весь секретъ заключается или въ томъ, чтобы насмѣшить, хотябы въ ущербъ близкняго, или въ томъ, чтобы *что-нибудь* сказать.

Но не всѣ, я замѣтилъ, одинаково себя въ этомъ убѣждаютъ; и пока одни прямы, благородны и правдивы относительно Великаго Князя, другое, къ сожалѣнію, оставляютъ открытую дверь для лести и для придворной болтовни что всегда огорчаетъ и оскорбляетъ васъ за того, кто поставленъ въ печальную необходимость это терпѣть. Такъ хочется, и такъ наивно хочется, чтобы никто не говорилъ иное, чѣмъ то, что чувствуетъ и думаетъ, тѣмъ болѣе, что чувства и мысли могутъ столько подсказать хорошаго.

Едва чашка кофе была выпита, какъ показались верховые лошади и конвойные казаки.

Направо и налево исчезли палатки. Раздается повсюду стукъ. Всюду трещать и скрипять фур-

гоны. Завтра, подумали мы, это мѣсто, гдѣ столько было пережито великихъ минутъ, навсегда обратится въ пустую поверхность земли, гдѣ будуть слетаться вороны, чтобы доѣдать остатки походной кухни.

Сѣли на лошадей, поѣхали, сперва шагомъ, а потомъ рысью и галопомъ. Скакали верстъ восемь безостановочно. Замѣтилъ, или, вѣрнѣе, почувствовалъ, что тотчасъ послѣ обѣда скакать верстъ восемь не совсѣмъ удобно, но *à la guerre, comme à la guerre*. Мы прибыли очень скоро подъ Карстъ. Уже городъ имѣлъ другой видъ. Жители попривыкли къ намъ; кланялись они Великому Князю, улыбаясь и привѣтливо и по ихнему почтительно; многіе дома были уже открыты, другіе чинились, солдатъ уже вездѣ понималъ Турку, а Турка—солдата. Движеніе по городу обозовъ было страшное. Мы ѿѣхали, ѿѣхали, наконецъ, прїѣхали.

— Вотъ, сказалъ встрѣтившій Великаго Князя князь Т.

Великій Князь сошелъ съ лошади.

Передъ нами была небольшая площадка, на ней стоялъ двухъ-этажный домикъ, чистенький и простенький.

То былъ домъ бывшаго коменданта, предназна-

ченный для Великаго Князя. Первый стрѣлковый батальонъ стоялъ уже въ караулѣ и размѣщался вблизи въ нѣсколькихъ домахъ. Когда Великій Князь вошелъ въ свой домъ, надо было видѣть, какъ засуетилась вся свита. Всякому подавай квартиру. Набросились на офицера, завѣдывавшаго распределенiemъ квартиръ, и давай его рвать на клочки. Нѣкоторые, потерпѣливъ и менѣе требовательные, пошли сами отыскивать квартиры по сосѣдству.

Полчаса спустя, другая происходила опять сцена.
Явились недовольные полученною квартирой.

- Холодно! говорили одни.
- Помилуйте, это конюшня, а не квартира.
- Жарко! кричить другой.
- Воняетъ! жалуется третій.
- Низко ужасно! заявляетъ четвертый.
- Оконъ нѣтъ! кричитъ пятый.
- Нечь пе топится.

Бѣдный офицеръ съума сходить.

— Да если вамъ не нравится, отвѣтиль онъ,—
сами извольте искать, тутъ квартиръ много.

Разумѣется, всѣхъ неугомоннѣе и даже неукротимѣе оказался мой господинъ, кричавшій наканунѣ, кричавшій сегодня утромъ. Какъ нарочно, въ эту пору взбирался на верхъ мечети передъ

нами мулла и началъ кричать свою молитву. Мой крикунъ, заклятый врагъ кориуснаго штаба, по-видимому, поставилъ себѣ задачею перекричать муллу.

Оказалось, что у него въ печкѣ очутилось сѣно и топить нельзя было, а онъ собирался въ одинъ часъ и сейчасъ-же согрѣть себя за весь мѣсяцъ, приведенный въ морозѣ, и просто выходилъ изъ себя отъ ярости.

Мы съ княземъ Ш., княземъ Д. и однимъ изъ адъютантовъ Великаго Князя Л., нашли себѣ отличный домъ, и хотя одна изъ комнатъ была сильно пробита гранатою, и какъ-разъ тамъ, где былъ каминъ, но за то двѣ другія комнаты были цѣлы.

Мы были въ центрѣ Турецкаго квартала. Турецкіе дома устроены очень оригинально на взглядъ европейцевъ. Внизу конюшня и вообще скотный дворъ, изъ котораго лѣстница идетъ на верхъ, въ жилые апартаменты. Вверху два этажа; въ каждомъ по двѣ комнаты. Чистота безупречная. Во-кругъ комнаты по стѣнамъ возвышенис для дивановъ и большиe ничего. Одна изъ комнатъ, именно пробитая, ближе подходила къ европейскому стилю; были столы и стулья.

Хозяинъ, красивый и добрый на видъ Турукъ,

въ европейскомъ платьѣ, принялъ насть болѣе, чѣмъ радушно. Мы показали ему жестами, что въ комнатѣ холодно; черезъ часъ была поставлена отличная желѣзная печка. Сразу нашъ хозяинъ намъ полюбился, ибо найдя переводчика, солдатика изъ южной губерніи, который, по сосѣдству съ татарами, научился ихъ языку, мы могли удостовѣриться, что хозяинъ нашъ добрый и достойный сожалѣнія человѣкъ.

Во время осады граната, попавшая въ стѣну въ нашей комнатѣ, оторвала ногу маленькому его сыну. Старшій братъ папаго хозяина любилъ русскихъ и ходилъ къ коменданту во главѣ депутаціи просить, чтобы онъ сдался. Въ отвѣтъ на это комендантъ повѣсилъ этого несчастнаго.

Между нами черезъ солдатика завязался разговоръ.

- Вы часто просили коменданта сдаться?
- О, нѣсколько разъ!
- Отчего-же вы просили?
- Оттого, что мы знали, что русскіе насть не обидятъ.
- Почемъ-же вы знали?
- Многіе у насть помнятъ Русскихъ, когда Муравьевъ здѣсь былъ и Лорисъ-Меликовъ.
- И что-же, ихъ любили?

- Очень любили.
- Отчего-же ихъ любили?
- Оттого, что они были справедливы, а наши наши несправедливы.
- Чѣмъ?
- Они насъ разоряютъ.
- А комендантъ вашъ?
- О, это былъ звѣрь, а не человѣкъ.
- А вы рады, что мы взяли Карсъ?
- Мы этого и желали; мы знали, что вы не будете мѣшать нашей вѣрѣ и обижать насъ не будете; мы тоже вѣдь знали, что у васъ командиръ Лорисъ-Меликовъ, мы его отлично помнимъ, онъ и добрый, и честный человѣкъ; вотъ если бы въ Эрзерумъ это знали-бы, тоже-бы Эрзерумъ сдался Русскимъ; намъ чего бояться отъ Русскихъ, нечего, вѣшать вы не будете, какъ напѣ комендантъ.
- А вашъ комендантъ часто вѣшалъ?
- Часто; онъ любилъ вѣшать.
- А Русскихъ плѣнныхъ онъ вѣшалъ?
- Не знаю, я не видѣлъ; говорили, что ихъ въ Эрзерумъ отправили, а, впрочемъ, навѣрное не знаемъ.
- А что солдатъ нашихъ вы не боитесь?
- Нѣтъ, они хорошие люди.

— Не обижаютъ васъ?

— Нѣтъ, не слыхали; ночью въ день штурма они, говорятъ, въ городѣ немного поживились у купцовъ, а насть не трогали; вотъ и сюда попала пуля, сказалъ хозяинъ, — указывая на потолокъ; я вотъ здѣсь лежалъ и спалъ, пуля попала въ окно, пробила стекло и въ потолокъ осталась.

— Когда это?

— А вотъ, когда штурмъ былъ.

— И вы спали?

— Да.

— Не боялись?

— Мы заперлись.

Мы сказали хозяину, что, по нашему обычай, слѣдуетъ принимать гостей женѣ.

Онъ усмѣхнулся.

— У насть жены не показываются.

— А у васъ лично сколько женѣ?

— У меня одна!

— А у многихъ одна жена?

— У всякаго, кто хочетъ, чтобы въ домѣ у него былъ порядокъ, всегда одна жена; у кого больше, чѣмъ одна жена, у того не можетъ быть порядка въ домѣ: жены мирно между собою жить не могутъ.

— А вашей жены никто не видить? Братья вашь, напримъръ, ее видить?

— Когда я дома, онъ можетъ мою жену видѣть; когда-же меня нѣть, онъ не можетъ ее видѣть.

При этомъ хозяинъ, когда мы ему сказали, что все-таки изъ уваженія къ гостямъ, его жена должна, по русскому обычаю, насъ принять, не безъ остроумія отвѣтилъ:

— Извольте, я къ вамъ приведу и мою жену, и мою дочь, но вамъ отъ этого не будетъ никакого проката, вѣдь все равно вы ихъ не увидите, а только онъ васъ увидятъ.

Передъ такою неумолимою логикою мы преклонились.

Карсъ, какъ я уже сказалъ, городъ довольно большой и идетъ все подымаясь кверху до самой цитадели. Улицы узки, разъѣхаться верховымъ можно, но экипажамъ невозможно. Рѣка Карсъ-чай, быстрая и красивая, протекаетъ посреди города. На ней каменный, прочной работы мостъ. Видъ оттуда великолѣченъ. На берегу съ большими куполомъ Турецкія бани, куда сотнями вались наши солдатики. Бѣднаги, давно имъ не приходилось мыться въ банѣ. У каждого узелокъ. Фигуры возвращающихся изъ бани красны. Мно-

го живописнаго представляетъ разнообразіе цвѣтовъ на Турецкихъ домахъ, начиная съ бѣлаго и кончая трехцвѣтнымъ, желтымъ, краснымъ и зеленымъ. Мечети почти на каждомъ шагу. Въ Армянскомъ кварталѣ есть армянскія церкви и одна католическая.

На одной изъ улицъ мы нашли благодѣтеля Лаксина уже открывшемъ ресторанъ свой. Этотъ Лаксинъ держалъ ресторанъ въ помѣщении Главной Квартиры, кормилъ хорошо и дешево; за порцію щей 40 копеекъ, напримѣръ. Сегодня онъ уже открылъ ресторанъ въ Карсѣ, и гостей изъ офицеровъ у него такъ много, что приходится имъ ждать очереди. Этотъ Лаксинъ—ювелиръ изъ Тифлиса. Какъ онъ говорить, съ тѣхъ поръ, что онъ, поручивъ свое ювелирное дѣло прикащику, взялся за ресторационное, онъ наживаетъ въ сто разъ больше. И честь ему и слава, что онъ это дѣло ведеть честно и добросовѣстно, не употребляя во зло свою монополію. Провизія всегда свѣжа и не дорога.

Мы заходили сегодня къ начальнику инженеровъ Р. Застали его занятымъ вопросомъ о фугасахъ. Оказалось, что во многихъ мѣстахъ крѣпость Карсъ, въ предвидѣнныи штурма, была минирована фугасами. Фугасы—это ямы съ порохомъ

и съ камнями. Порохъ взрываютъ, а камни, разлетаясь, производятъ страшное опустошеніе. Такихъ минъ было, по показанію начальника Карской артиллериі, устроено не мало. Нашъ генералъ Р... получилъ указанія отъ этого начальника артиллериі о мѣстностяхъ, гдѣ мины находятся, и поѣхалъ съ нимъ провѣрять эти показанія на мѣстѣ, а затѣмъ поручилъ инженернымъ офицерамъ эти мины разрушать. Опять Божья милость къ нашимъ войскамъ. Ни одна мина не была взорвана. Говорятъ, что Турки не дотронулись до нихъ во время штурма, боясь сами отъ нихъ взлетѣть на воздухъ.

Къ 8 часамъ вечера сегодня Главная Квартира собралась въ домѣ Великаго Князя для ужина. При входѣ въ дверь съ улицы оказались большія сѣни, съ деревянною лѣстницей на верхъ. Въ этихъ сѣниахъ устроена была столовая. Другая столовая, поменьше, была на верху. Часть гостей ужинала на верху, другая, большая, внизу.

Къ концу ужина прибыли къ намъ доктора Албанусъ и Ремертъ; первый лейбъ-медикъ Великаго Князя, второй Великой Княгини. Отъ второго узнали пріятную вѣсть, что онъ прибылъ сюда на два дня, для того, чтобы получить разрешеніе и полномочіе на быстрое и полное размѣ-

щеніе всѣхъ раненыхъ въ Александрополѣ легкихъ и поправляющихся по русскимъ деревнямъ, и надѣется все это дѣло повести энергично и безотлагательно. Оба эти врача возвратились изъ турецкихъ госпиталей. Ужасъ овладѣлъ нами отъ ихъ разсказа. Раненыхъ и больныхъ въ Каарскихъ госпиталяхъ до 4,500. Лежать они въ нѣсколькихъ госпиталяхъ; относительно безобразія ихъ содержанія всѣ эти госпитали одинаковы. Отъ входа до верху, по всѣмъ палатамъ полъ покрытъ слоемъ грязи и даже испражненій: больные не ъели и не пили шесть сутокъ. Мертвые десятками лежать вмѣстѣ съ живыми. Больные тутъ-же совершаютъ природныя отправленія. Воздухъ зараженъ и міазмами гниющихъ труповъ, и тифомъ, и испражненіями... Мы крикнули, когда узнали, что среди этихъ несчастныхъ они нашли двухъ нашихъ солдатиковъ, когда-то взятыхъ въ плѣнъ.

Они подошли къ нимъ. Одинъ былъ очень плохъ, другой—покрѣпче.

Оба, какъ святые, были покорны и кротки.

— Васъ кормили? спросили ихъ.

— Насъ еще лучше кормили, чѣмъ этихъ несчастныхъ, отвѣтилъ солдатикъ съ участіемъ къ своимъ сотоварищамъ; — насъ до самаго штурма кор-

мили, а ихъ за два дня до штурма перестали кормить.

Обоихъ немедленно вынесли изъ больницы, взяли имъ чистую комнату и перенесли ихъ туда, вымыли и одѣли.

— Надо было видѣть, говорили доктора, — тихое счастіе этихъ двухъ бѣдныхъ страдальцевъ, когда они почувствовали себя чистыми, въ чистомъ воздухѣ, и въ рукахъ своихъ...

Тяжелая работа выпала на долю этихъ двухъ врачей. И велика доблѣсть ихъ, и не только доблѣсть, это героизмъ безпредѣльный, работать цѣлый день въ такой больнице.

Карсъ, 11 ноября.

Сегодня утромъ Великій Князь осматривалъ знаменитыя укрѣпленія: Карадагъ и Арабъ. Послѣ осмотра ихъ Великій Князь сказалъ, что еслибы онъ видѣлъ этотъ Карадагъ и этотъ Арабъ прежде штурма, онъ ни за что-бы не рѣшился дозволить штурмъ Карса. Всѣ слышавшіе эти слова безусловно раздѣляли это мнѣніе; только тотъ, кто видитъ собственными глазами эти гиганты-форты, можетъ составить себѣ понятіе объ ихъ страшной неприступности.

Но разъ Богъ помогъ нашему войску свершить это чудо и одолѣть это неодолимое препятствіе, когда видишь въ натурѣ эти чудовищныя укрѣпленія, тогда восторгъ радости отъ сознанія, что они наши, удесятеряется. Когда мы поднялись на

самый верхъ горы и, сидя на лошадяхъ, стали осматриваться кругомъ, даже мы, профаны, мы постигали, что кромъ страшной неприступности каждого форта, невозможность овладѣть Карсомъ заключалась и въ томъ, что какимъ-бы фортомъ ни завладѣй, вездѣ находишься подъ перекрестнымъ огнемъ изъ всѣхъ фортовъ, такъ-что не взять всѣхъ фортовъ, нельзя держаться ни въ одномъ. Оттого, что случилось съ Турками въ ночь штурма, непостижимо. Имъ стоило бы очистить нѣсколько фортовъ и всѣ свои силы сосредоточить въ двухъ, трехъ главныхъ фортахъ, и Карсъ не былъ бы взятъ, и изъ взятыхъ нами укрѣблений намъ бы пришлось уходить.

Поднявшись на высоту Карадагской горы, по горной, не очень узкой дорогѣ, и осмотрѣвъ всю мѣстность вокругъ, мы стали еще подыматься къ Зіарету, передовому форту, близъ главнаго Карадагскаго укрѣбленія. Здѣсь мы сошли съ лошадей и отправились осматривать форты. Главнымъ чи-чероне при Великомъ Князѣ былъ все тотъ-же начальникъ артиллеріи, объяснившій все Великому Князю по-англійски.

— Посмотрите, какъ ваши осадныя орудія ловко попадаютъ, сказалъ онъ между прочимъ, показывая на одну изъ пушекъ, обращенныхъ къ сѣ-

веру;—гравата попала прямо въ дуло нашей пушки. Какъ видите, мы должны были отпилить весь конецъ.

Отъ Зіарета мы направились къ Карадагу. Тутъ нашли, какъ и въ Зіаретѣ, обломки взорванныхъ желѣзныхъ воротъ, нашли большія казармы, нашли въ числѣ другихъ одно громадное береговое орудіе, стрѣляющее чуть-ли не на 7 верстъ, которое хотя и стоило до 50 тысячъ рублей, но, по отзыву начальника артиллеріи. оказалось весьма неудобнымъ. Два ряда траншей, ниже укрѣплений, съ одной стороны, отвѣсная скала съ другой, съ третьей — подъ прикрытиемъ траншей и окоповъ почти отвѣсный подъемъ, а внизу пропасть,—все это вмѣстѣ слишкомъ живо и краснорѣчиво изобразило предъ нами неимовѣрность подвига взявшихъ Карадагъ охотниковъ. Соверши они этотъ подвигъ карабканья до Карадага днемъ, они бы и десяти шаговъ не могли сдѣлать, ибо, совершенно прикрытые отъ огня штурмующихъ, Турки могли бы пресекойно мѣтить въ каждого солдата по одиночкѣ, и, можетъ быть, десятый изъ нихъ уцѣлѣлъ бы.

Невозможность взять Карадагъ дѣлала еще невозможнѣе взятіе Араба. Чтобы до Араба добраться, надо обойти, подъ павѣснымъ огнемъ съ Карада-

га, въ тылъ, и подъ огнемъ во фронтъ съ Араба— пропасть, и идти къ Арабу все время на глазахъ всего его гарнизона на протяженіи версты.

Единственный недостатокъ, обнаруженный и въ этихъ фортахъ, заключался въ отсутствіи эскарповъ. Арабъ похожимъ оказался на Карадагъ, для взгляда профана. Разумѣется, укрѣпленія эти построены по чертежамъ англійскихъ офицеровъ и на англійскія деньги. Карадагъ оказался недоконченнымъ; еще оставалось построить два укрѣпленія. Не хватило денегъ. По показаніямъ нашего чичероне, турецкимъ гарнизонамъ въ этихъ укрѣпленіяхъ жилось хорошо; они имѣли теплые одежды и теплые чулки; я поднялъ съ земли маленький кофейникъ изъ англійской жести. Мы сказали, что такие кофейники есть у каждого почти солдата.

Между Карадагомъ и Арабомъ, какъ я сказалъ, есть пропасть; пропасть эта образуется Карсъ-Чаемъ. Онъ течеть между двумя отвѣсными скалами. Внизу вдоль рѣки есть шоссейная дорога. Вотъ на этой дорогѣ и въ этихъ ущельяхъ скрывалось въ ночь штурма все турецкое населеніе Карса и тамъ-же укрылась часть гарнизона.

На возвратномъ пути къ Карсу я захотѣлъ зайти въ одинъ изъ турецкихъ госпиталей; но только захотѣлъ, ибо не могъ. Я сдѣлалъ нѣсколько ша-

говъ по полу, покрытому вонючими нечистотами, и меня обдало такими міазмами, что я почувствовалъ, какъ кружится голова и подкапиваются ноги. Я долженъ былъ вернуться назадъ и выйти на улицу.

Здѣсь-то я постигъ, что за громадный подвигъ мужества, великодушія и самоотверженія свершаютъ вотъ уже четвертый день доктора Албанусь и Ремертъ, принявши на себя дезинфекцію и устройство этихъ госпиталей.

Они прибыли къ обѣду и сообщили намъ, что главное ужъ сдѣлано; всѣ трупы вывезены и скончаны, полы вымыты и залиты дезинфекціонными жидкостями; правильное кормление больныхъ устроено. Благодарность этихъ несчастныхъ безгранична. Они цѣляютъ имъ руки и ноги.

Мы спросили у нихъ о турецкихъ врачахъ и санитарахъ.

Оказывается, во-первыхъ, что турецкихъ врачей нѣть, а есть какіе-то не то фельдшера, не то кой новалы, которые подъ именемъ врачей занимались одною лишь практикою: обкрадывать больныхъ до послѣдней возможности, на всемъ, даже на пищѣ. Когда слухъ прошелъ по Карсу о штурмѣ, ожидавшемся на 7 или 8 число, тогда эти звѣри-врачи прекратили кормить несчастныхъ больныхъ чуть-ли не съ 3 ноября, и всѣ запасы провіанта

стали продавать, разсуждая такъ: что все равно этимъ болѣніемъ придется умирать такъ или иначе.

Что касается санитаровъ, то мы сами имѣли случай встрѣтить нѣсколько Турокъ съ повязками съ краснымъ полумѣсяцемъ на рукѣ. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ по англійски, другіе по французски. Одинъ изъ этихъ санитаровъ, по словамъ нашихъ докторовъ, показался имъ порядочнымъ человѣкомъ, хотя помѣшать врачамъ и военно-медицинскому персоналу обрадывать больныхъ онъ не могъ.

Санитаръ этотъ разсказывалъ нашимъ врачамъ, что комендантъ Карса въ своемъ воинственномъ остервѣніи дошелъ до того, что приказалъ всѣмъ больнымъ и раненымъ въ госпиталяхъ раздать ружья и патроны, съ инструкцію имъ запицься и стрѣлять. На это санитаръ позволилъ себѣ, подъ страхомъ быть повѣшеннymъ, замѣтить коменданту, что на основаніи Женевской конвенціи госпитали ограждены отъ непріятельского нападенія, и сами не могутъ ни въ какомъ случаѣ употреблять оружіе, и что это запрещеніе одинаково относится къ больнымъ, какъ и къ санитарамъ.

На это комендантъ возразилъ, что онъ знать не хочетъ никакой Женевской конвенціи, а требуетъ исполненія своего приказанія.

Санитаръ оиять таки осмѣлился отвѣтить, что онъ на себя исполненія такого приказанія принять не можетъ, и только послѣ долгаго упорства съ его стороны и усиленныхъ увѣщаній удалось ему, наконецъ, сломить энергическую и жестокую волю звѣря-коменданта.

Послѣ обѣда мы отправились осматривать городъ. Всѣ рынки были уже открыты, лавки тоже, обычнаѧ вседневная спокойная жизнь вступила въ свои права. Солдаты и Турки кишѣли на улицахъ, вездѣ покупали, вездѣ продавали. Жители окрестныхъ селеній наполняли площади возами съ лѣсомъ, сѣномъ, говядиною, рыбью, никто и ничего уже не боясь.

Я зашелъ въ домъ, занимаемый корпуснымъ командиромъ. Тамъ на дворѣ толпились турки и армяне.

Я спросилъ, что значитъ эта толпа?

Мнѣ отвѣтили, что это все просители, приходящіе къ Лорисъ-Меликову, какъ къ верховному судѣ или какъ къ посреднику въ ихъ тяжбахъ и спорахъ.

Минуты двѣ спустя пришелъ отъ Великаго Князя Лорисъ-Меликовъ въ сопровожденіи Лазарева и Шатилова. Надо было видѣть, съ какимъ нартариахальнымъ довѣріемъ обращались къ нему

просители, и какъ добро и терпѣливо онъ ихъ выслушивалъ, чтобы понять, насколько дѣйствительно личность Лорисъ-Меликова считается у нихъ въ народной молвѣ популярною и авторитетною.

Часа два передъ этимъ былъ военный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ Главнокомандующаго. Какъ мнѣ сказали, была рѣчъ о томъ, что предпринимать далѣе?

Рѣшено было продолжать военныя дѣйствія подъ Эрзерумомъ, куда надняхъ поѣдетъ самъ Лорисъ-Меликовъ. Сороковую дивизію раздѣлять на два отряда; одну бригаду отправлять къ Зивицу, другую къ Ольтѣ, съ цѣлью ихъ подвигать, смотря по надобности, къ Эрзеруму или по направлению къ Батуму. Ардаганскій-же отрядъ подъ начальствомъ Комарова отправится-де по дорогѣ къ Батуму, на Арданучу. Затѣмъ рѣшено одну кавалерійскую дивизію, вторую, которою командуетъ князь Щербатовъ, направить въ Ольту, а остальный кавалерійскія дивизіи распустить по зимнимъ квартирамъ.

Гуляя по городу и дойдя до моста на Карсъ-Чаѣ, мы встрѣтили двухъ Туровъ на великолѣпнѣйшихъ арабскихъ лошадяхъ. Мы остановились, чтобы любоваться картиною чудныхъ коней съ красивыми всадниками.

Всадники къ намъ подъѣхали и предложили
купить у нихъ лошадей.

За лучшую изъ двухъ арабскихъ лошадей Ту-
рокъ просилъ 300 рублей, и не прочь былъ и усту-
пить. Впрочемъ, эти цѣны въ это именно время
были дороги, ибо послѣ штурма солдатики наши
продавали лошадей, отобранныхъ въ фортахъ у
нашей и у беевъ, иные даже арабскія, по 10 и
15 рублей. Кормъ лошади здѣсь обходится около
1 рубля въ день. Вообще цѣны на жизненные
продукты здѣсь значительно подешевѣли. Не знаю,
писалъ-ли я гдѣ нибудь о томъ, что нашъ бумаж-
ный рубль здѣсь отлично ходилъ во все времена
кампаній и на столько пользовался довѣріемъ, на
сколько турецкія каиме были дешевы и приви-
мались съ потерей 70%. Этимъ, говорили мнѣ,
онять таки обязаны распорядительности Лорисъ-
Меликова, который въ началѣ кампаніи предла-
галъ всякому получать деньги золотомъ или се-
ребромъ, и чрезъ это разомъ укрѣшилъ полное до-
вѣріе къ нашей металлической состоятельности.
На третій ужъ разъ подрядчики стали требовать
для облегченія себя бумажныя деньги.

Солдатики наши достали много турецкихъ бу-
мажекъ и дѣлаютъ съ ними афферы. Ихъ покуп-
паютъ у нихъ не какъ деньги, а какъ рѣдкость

или на память, и платить имъ хорошие куши,
иногда дороже противъ курса.

Вечеромъ насъ собралось не сколько человѣкъ.

Приѣхалъ тоже Л.

Онъ ѿздили, по порученію Великаго Князя, отправлять въ путь плѣнныхъ.

Ужасныя были впечатлѣнія. До 14 тысячъ несчастныхъ, скученныхъ въ одномъ мѣстѣ. По 300 человѣкъ въ день ихъ умирало. Двѣ тысячи изъ нихъ признали возможнымъ, изъ надежныхъ и изъ самыхъ слабыхъ, отправить на волю въ Эрзерумъ и въ Карсъ, въ свои мѣста жительства.

Одни обрадовались и поблагодарили, другие были безжизнены совсѣмъ.

Сдѣлаетъ два шага, остановится, падаетъ мертвымъ. Другой сдѣлаетъ четыре шага, падаетъ, начинается мучительная агонія.

Здоровые турки зорко слѣдятъ за идущими.

Какъ упадетъ одинъ изъ нихъ, два, три на него бросаются, чтобы раздѣлть его до гola.

— Какъ вамъ не стыдно, говорятъ имъ,— вы видите, что онъ еще живъ.

— Это-то и хорошо, отвѣчаютъ турки,— а кабы мертвъ былъ, всѣ-бы на него накинулись.

Пришлось силою останавливать дикie и звѣрскie порывы къ грабежу въ этихъ плѣнныхъ.

Къ восьми часамъ мы снова собрались къ ужину у Великаго Князя.

Это былъ мой послѣдній вечеръ въ кругу дорогихъ пріятелей и подъ гостепріимною сѣнью дома Великаго Князя. Завтра я уѣзжаю. За ужиномъ Великій Князь объявилъ, что число нашихъ потерпъ во время штурма не доходитъ до 2,400 человѣкъ.

Послѣ ужина Великій Князь пригласилъ меня въ свой кабинетъ. Кабинетъ этотъ—маленькая въ одно окно комнатка, продолговатая, простенькая, но какъ всѣ турецкіе дома—чистая.

Въ разговорѣ о раненыхъ Великій Князь сказалъ, что онъ утвердилъ всѣ предположенія, привезенные ему докторомъ Ремертомъ, и надѣется, что энергическими мѣрами, будетъ достигнуто возможно лучшее размѣщеніе раненыхъ.

Въ эти нѣсколько дней Великимъ Княземъ было получено около 300 поздравительныхъ депешъ, прибыла даже депеша изъ Владивостока.

На сколько онъ могъ, Великій Князь отвѣчалъ самъ, но за неимѣніемъ физической возможности, то-есть времени, онъ могъ успѣть лишь отвѣтить на половину.

— Какъ пріятно быть въ состояніи обрадовать Россію, сказалъ Великій Князь,—но въ то же вре-

мы я думаю, что если-бы все могли видѣть собственными глазами, что такое Карсъ и что наши солдатики взяли, радость была-бы несравненно больше.

Въ числѣ горячихъ привѣтствій было тоже поздравленіе отъ Императора Германскаго, кото-рый вмѣстѣ съ тѣмъ жаловалъ побѣдителю Авлі-яра и Карса скромныя украшени¤ лавровыхъ ли-стиковъ на пожалованный прежде Великому Кня-зю крестъ pour le m rite. Цѣна этой награды, хотя и смиренной, очень высока, ибо за всю Фран-ко-Германскую войну только четыре генерала Прусско-Германской арміи удостоились ее полу-чить.

Принять отъ меня глубочайшую благодарность за гостепріимство столь добре и любезное, обратившее для меня эти пѣсколько дней въ лучшіе дни моей жизни, Великій Князь еще разъ сказалъ мнѣ: „Не забудьте-же всѣхъ, кого увидите, въ Москвѣ и Петербургѣ, помогавшихъ намъ, всѣхъ поблагодарите отъ меня горячо и сердечно, и всѣмъ ска-жите, что всякая копейка и всякая вещица изъ пожертвованныхъ на нашихъ доблестныхъ раненыхъ дошли по назначению и много, много намъ помогли. Да благословитъ Богъ каждого, подумав-шаго о насъ, и дай Богъ, чтобы добрыя чувства

къ намъ не оскудѣвали, а поддерживались. Вы сами могли видѣть, что мы во многомъ нуждаемся и будемъ нуждаться, и что дивныя наши войска стоять того, чтобы обѣ вихъ думали”.

Глубоко впечатлились эти слова въ моей душѣ. Ихъ прекрасному смыслу придавали столько впечатлительной силы каждый звукъ полнаго чувствомъ голоса и то обаяніе въ лицѣ Великаго Князя, которое заключается въ отраженіи каждой струны его душевной жизни.

Да, ни такие дни, ни такія личности, ни такія минуты, ни такія слова не забываются.

Я вернулся домой.

Въ нашей комнатѣ мы сидѣли поздно за полночь, вспоминая пережитое.

А когда все успокоилось, я принялъся за дневникъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ МОЕМУ ДНЕВНИКУ.

На днѣ моего отѣзда изъ Карса кончился мой дневникъ.

Съ того дня по день возвращенія въ Москву я записывалъ только заслуживающія особенного вниманія впечатлѣнія, съ мыслью подѣлиться ими съ читателями. Кроме того, мнѣ слѣдуетъ представить краткій отчетъ о томъ, что я сдѣлала съ грузомъ, купленнымъ на введенныя мнѣ деньги.

Выѣхалъ я изъ Карса 12 числа, въ 10 часовъ утра, какъ прїѣхалъ, съ почтою, но съ тою лишь разницею, что дорога сократилась до Александровска на сорокъ верстъ, и что вместо конвоя въ 20 человѣкъ, я взялъ конвой въ два человѣка

для охраненія почты; и то, и другое—вслѣдствіе взятія Карса.

Прибыль я по отличной дорогѣ часамъ къ шести вечера въ Александриополь. Въ Александриополь засталъ большія перемѣны. Большая часть раненыхъ перевезена была въ дома, но увы! когда я говорю „большая часть“, это значитъ, что не единицы остались еще въ палатахъ, а около 1,000 человѣкъ! При этомъ, какъ мнѣ сказали, было принято за правило переводить изъ палатокъ въ дома трудныхъ раненыхъ всѣхъ госпита-лей. Относительно-же остающихся въ палатахъ раненыхъ мнѣ сказали, что ждутъ прибытія доктора Ремерта изъ Карса, чтобы приступить къ ихъ размѣщенню по русскимъ деревнямъ.

Я нашелъ въ Александриополѣ страхъ пятни-стаго тифа, появившагося не только въ больни-цѣ, но и въ городѣ между частными лицами.

Предположеніе обѣ устройствѣ теплыхъ пала-токъ, за осуществленіе коего такъ дѣятельно взял-ся генералъ Зедергольмъ, встрѣтило безусловное и непреодолимое противодѣйствіе въ прибывшемъ изъ Карса военно-медицинскомъ инспекторѣ Брони-невскомъ, сказавшемъ свое *veto*, и кончено. Какія причины побудили его помѣнѣть столицу нужной и

практической мѣрѣ, спасающей раненыхъ отъ морозовъ, для всѣхъ осталось тайною.

Наканунѣ моего выѣзда изъ Александриополя, вслѣдствіе телеграммы отъ Великой Княгини, я большую часть вещей, привезенныхъ мною въ Александриополь, а именно: чай, сахаръ, вино, табакъ, паниросы, стеариновая свѣчи, фуфайки, носки и чулки, отправилъ вслѣдствіе крайней въ томъ нужды въ *Гиссанъ-Кале*, подъ Эрзерумъ, для военнаго госпиталя, въ слѣдующемъ приблизительно размѣрѣ: носковъ и чулковъ шитыхъ—около 1,000 паръ; фуфаекъ теплыхъ—около 200 штукъ; полушибуковъ—до 40 штукъ; валеныхъ сапогъ—до 150 паръ; чаю — около 150 фунтовъ; сахару — около 50 пудовъ; табаку—около 80 пудовъ; панироcъ—около 100 тысячъ; вина, коньяку—около 50 бутылокъ.

Затѣмъ Евангелія, Псалтири, книжки, образки, и все, что у меня осталось изъ мелкаго груза, я поручилъ княгинѣ Хилковой для раздачи, всякий разъ, что она признаетъ что либо нужнымъ.

Въ Карсѣ я оставилъ для могущихъ нуждаться въ томъ офицеровъ, въ распоряженіе одного добраго, почтеннаго и сердечно-теплаго человѣка нѣсколько сосновой шерсти одѣяній, фильтры для воды, и походныя лекарства, въ особенности про-

тивъ желудочнаго разстройства, такъ какъ въ нихъ немалая нужда оказывается ежедневно.

Наканунѣ выѣзда прибылъ изъ Карса давно ожидаемый докторъ Ремерть, запоздавшій ченмного потому, что принялъ на себя, по желанію Великаго Князя, устройство и приведеніе въ порядокъ Карскихъ Турецкихъ госпиталей. Съ прибытіемъ доктора Ремерта, въ тотъ же вечеръ загорѣлся и закинутъ вопросъ о развозкѣ легкихъ раненыхъ и выздоравливающихъ по деревнямъ русскихъ моло-канъ и духоборцевъ. По разсчету можно было немедленно перевезти туда до 1,000 человѣкъ. Въ то-же время, по распоряженію Центральнаго Управ-ленія Краснаго Креста въ Тифлісѣ, генералу Зедергольму послано было для перевозки усилен-ное количество новозокъ и много теплыхъ ново-зокъ: полушибковъ и тулуповъ было на лицо до 2,000 штукъ, изъ Москвы ожидались еще, такъ что извѣстная часть столь труднаго дѣла могла быть исполнена удовлетворительно.

Въ этотъ вечеръ меня что порадовало: дружное единодѣйствіе всѣхъ участниковъ въ этомъ по истинѣ святомъ дѣлѣ: генерала М. Н. Толстаго, главноуполномоченнаго Краснаго Креста при всѣхъ военныхъ госпиталяхъ, генерала Зедергольма, доктора Ремерта, остальныхъ врачей, Александро-

польского уполномоченного Карцева. Всѣ понимали другъ друга, вѣдь лѣзли изъ кожи, чтобы торопить дѣло, и помогали другъ другу въ предѣлахъ возможнаго. Когда, недѣлю спустя, я былъ въ Тифлисѣ, тамъ получено было извѣстіе, что размѣщеніе до 1,000 раненыхъ и больныхъ по деревнямъ приходитъ къ концу. Въ каждомъ селеніи устраивался складъ Краснаго Креста, назначался врачъ, двѣ или три сестры милосердія, фельдшера, и сверхъ того общій надзоръ за этими селеніями посредствомъ разъѣздовъ принимали на себя уполномоченные Краснаго Креста, врачи и генераль Зедергольмъ въ Александрополѣ.

Тутъ же въ Александрополѣ въ бытность мою решенье было вопросъ объ устройствѣ большаго склада и центра для уполномоченного Краснаго Креста въ Карсѣ. Уполномоченнымъ взялся быть заявившій себя ужъ столь дѣятельно, симпатично и доблестно молодой сынъ знаменитаго Хомякова, Н. А. Хомяковъ.

Не разъ я говорилъ въ своемъ дневнике о недостаткѣ рукъ, и именно мужскихъ рукъ, для дѣятельности Краснаго Креста. Я познакомился въ Александрополѣ съ молодымъ человѣкомъ П., сыномъ очень богатаго домовладѣльца въ Петербургѣ. Этотъ юноша жилъ прежде что на-

зыается для своего удовольствія, въ прелестной роли жизненаго туриста. Туристомъ пріѣхалъ онъ также на Кавказъ и туристомъ сталъ разъѣзжать то на поле сраженія, то среди санитаровъ. И что же? Мѣсяца черезъ два, то-есть въ то самое время, когда я съ нимъ познакомился, юноша этотъ отправлялся подъ Эрзерумъ въ смиренной роли санитара. Онъ весь отдался этому святому дѣлу, страстно учился всѣмъ приемамъ этого дѣла, и внушалъ къ себѣ искреннюю привязанность, и искреннее уваженіе. Видъ раненыхъ и нуждъ ихъ произвелъ па его добрую, молодую душу глубокое впечатлѣніе, онъ весь переродился, и отъ недавняго туриста, жившаго для удовольствій, ничего не осталось, кроме смутныхъ воспоминаній благо и того же доброго сердца, съ тою лишь разницею, что тогда оно билось въ добромъ маломъ, а теперь въ прекрасномъ человѣкѣ.

Но много-ли такихъ на Кавказѣ! Увы? очень мало! А на Руси молодыхъ людей много!

За то попался на Кавказѣ, въ числѣ пожертвовавшихъ собою для блага раненыхъ, такой уполномоченный Краснаго Креста, который лучше бы сдѣлалъ, коли не брался за это дѣло. Его называли Парижаниномъ. Онъ отличался изящностью

манеръ, говорилъ по парижскому и славился своимъ атеизмомъ. Къ сожалѣнію, этотъ атеизмъ онъ имѣлъ неосновательность проявлять слишкомъ безцеремонно и слишкомъ далеко. Какая уродливая аномалия:—съ парижского бульвара русскій щеголь-атеистъ и русскій раненый солдатъ! Увы, этимъ не ограничилась уродливость. Г. Парижанинъ-атеистъ призналъ себя вправѣ проявить свой атеизмъ на дѣлѣ: онъ только тогда успокоился и призналъ себя удовлетвореннымъ, когда удалилъ всѣхъ священниковъ изъ госпиталей, и наши сотни раненыхъ остались безъ утѣшения, безъ таинствъ и безъ возможности передъ смертью пріобщиться Св. Тайнъ.

Это одинъ изъ возмутительнѣйшихъ фактовъ, про которые когда-либо пришлось слышать. Къ счастью, этотъ господинъ уполномоченный Краснаго Креста выѣхалъ, и надо надѣяться, что Красный Крестъ на Кавказѣ, узнавшій о такомъ гнусномъ поступкѣ своего уполномоченнаго, больше его не допуститъ до какой бы то ни было дѣятельности въ своей области, и распорядится, чтобы прогнаанное агентомъ Краснаго Креста духовенство было возвращено въ тѣ мѣста, откуда оно было изгнано за *ненадобностью*.

На возвратномъ пути въ Тифлисъ я останов-

вился на иѣсколько часовъ въ Деликанѣ. Тамъ узналъ, что раненыхъ уже размѣстили по домамъ и что бѣдныя сестры милосердія мерзнутъ. Я отдалъ имъ обѣщанные полушубки и валеные сапоги и оставилъ запасъ книжекъ для раненыхъ. Тутъ же я отправилъ, узнавъ про нужду въ Эривани, транспортъ съ чаемъ, сахаромъ, табакомъ, шапиросами и фуфайками въ Эривань, въ распоряженіе воинскаго начальника, за отсутствіемъ уполномоченнаго Краснаго Креста.

Въ Тифлисѣ узналъ о кончинѣ отъ тифа доктора и члена Краснаго Креста, прибывшаго изъ Москвы, Арсеньева. Онъ заразился тифомъ въ Гассанъ-Кале и скончался жертвою своего безпредѣльного самоотверженія и человѣколюбія. Потеря эта считается невознаградимою и вызвала во всѣхъ самое глубокое сожалѣніе. Это былъ человѣкъ по честности, энергіи, добротѣ и дѣльности изъ самыхъ рѣдкихъ. Его отъ всей души любили раненые, любили подчиненные и любили всѣ, имѣвшіе съ нимъ хоть разъ дѣло.

Въ Александрополѣ я присутствовалъ на погребеніи на Холмѣ Чести одного героя, князя Меликова; въ Тифлисѣ—на отпѣваніи и провожаніи другого—графа Граббе. На Холмѣ Чести отданіе послѣдней чести герою было скромно и тихо, какъ

смиренеиъ этотъ Холмъ Чести; отрядецъ солдатъ, нѣсколько товарищѣй, священникъ и пѣвчіе, и два денъщика покойшаго,—вотъ и вся обстановка. Но надо было видѣть, какъ плакали старый слуга и молодой денъщикъ юнаго героя-князя, чтобы повѣрить тѣмъ, которые говорили про Меликова: это былъ рѣдкой души молодой человѣкъ! Въ Тифлісѣ на отпѣваніи графа Граббе въ кладбищенской Гусской церкви былъ весь городъ, всѣ военные, все духовенство, полкъ и артиллерія. Экзархъ служилъ обѣдню и проводилъ со всѣми тѣло покойнаго до выѣзда изъ города.

Въ Тифлісѣ не нашель ничего особенно-новаго: развѣ только объявленіе объ изданіи на 1878 годъ новой, третьей газеты „Обзоръ“, господиномъ Николадзе, бывшимъ корреспондентомъ съ театра войны въ „Тифлісскомъ Вѣстнике“, и маленькое оживленіе въ городской жизни по случаю учрежденія попечительства о семьяхъ раненыхъ и убитыхъ. Въ думѣ городской по этому поводу закопались. Говорили также о томъ, что въ случаѣ прїѣзда Великаго Князя дума займется дѣятельными приготовленіями для торжественной встречи побѣдителя Карса. Къ сожалѣнію, для самаго события взятія Карса Тифлісъ чуть-ли не меныше проявилъ чувствъ, чѣмъ какой-нибудь уѣздный

городъ Казанской губерніи. О крупныхъ пожертвованіяхъ для наихъ раненыхъ и солдатъ по случаю такихъ торжествъ не было, разумѣется, и помину въ средѣ армянского общества. За то говорили о какихъ-то скандалахъ въ одномъ изъ клубовъ.

„Тифлисскій Вѣстникъ“ ни съ того, ни съ сего посвятилъ мнѣ цѣлый бранный фельетонъ. Почему — никто не знаетъ; тогда еще не появлялся мой дневникъ съ характеристикою дѣятельности этой газетки, а знала она меня только потому, что прибылъ я на Кавказъ съ вещами для раненыхъ, пожертвованными добрыми людьми. Странная причина писать зложелательные фельетоны, именно на Кавказѣ!

Впрочемъ, по отзыву всѣхъ порядочныхъ людей въ Тифлисѣ, бѣдный „Тифлисскій Вѣстникъ“ не стоитъ гнѣва. Ему грозятъ бѣды не отъ цензуры, нѣть, а отъ зарождающагося могучаго и опаснаго соперника въ лицѣ „Обзора“ и его издателя г. Николадзе. Это весьма талантливый писатель, сразу обратившій на себя всеобщее вниманіе своими письмами о войнѣ въ „Тифлискомъ Вѣстнике“. Его успѣхъ далъ ему мысль, весьма основательную, попытать счастье самостоятельнымъ органомъ. Многіе изъ почтенныхъ лицъ въ Тифлисѣ поощ-

рили его въ этомъ начинаніи, и вотъ съ 1-го янвarya будеть издаваться газета „Обзоръ“, подъ пе-ромъ талантливаго г. Николадзе. Во всякомъ слу-чаѣ „Тифліскому Вѣстнику“ останется только печальная участъ при такомъ соперникѣ уповать на армянскія деньги, и если Тифліскіе армяне не откажутъ ему въ томъ, въ чёмъ такъ упорно отказываютъ нашимъ раненымъ,—въ значительной помощи деньгами, то газетка браны и силетенъ продержится еще немнога, и затѣмъ зачахнувші, вѣроятно умретъ смертью отъ истощенія!

Въ Тифлісѣ, говорили мнѣ, появилась черная оспа, занесенная будто-бы Турками. Не думаю, чтобы Турки тутъ были при чёмъ-нибудь. Еще когда я ѿхалъ въ Александровъ изъ Тифліса, я слы-шаль въ Деликанѣ о появлениі оспы въ дерев-няхъ армянскихъ и русскихъ около Караклисы, на Эриванской дорогѣ. Весьма вѣроятно, что вслѣд-ствіе постоянно сильного движенія по дорогѣ изъ Александрополя чрезъ Деликанъ въ Тифлісъ, оспа перешла и въ Александровъ, и въ Тифлісъ, но совершенно независимо отъ Турокъ. Турки заражаютъ лишь тифомъ и дисентеріею. Заразительность послѣдней болѣзни такъ сильна, что въ Владикавказѣ, гдѣ въ казармахъ помѣщена была партія Турокъ, и гдѣ находилась неподалеку въ той-

же казармъ рота нашихъ солдатъ, въ первый-же день прибытія Турокъ заболѣло сильнымъ разстройствомъ желудка 17 человѣкъ, такъ что рота немедленно была выведена. Въ Ростовѣ инспекторъ желѣзной дороги разсказывалъ мнѣ, на сколько ко всѣмъ хлопотамъ и заботамъ по усиленному движенію па желѣзной дорогѣ прибавилась еще забота: дезинфицировать (о, ужасное русское слово) вагоны послѣ Турокъ отъ міазмовъ, нечистотъ и миріадъ вшей: ихъ оппариваютъ, моютъ, обкуриваютъ, чистятъ, и все-таки зараза остается. Придется жечь всѣ вагоны, употребленные турецкими пѣщными, а когда подумаешь, что еще ихъ до 30 тысячъ повезутъ въ Россію изъ Юго-Запада, то невольно ужасъ береть при мысли о заразѣ...

Здѣсь я останавливаюсь, чтобы заключить...

Какія мои главныя впечатлѣнія? спросятъ меня читатели.

Главныя вотъ какія:

Во-первыхъ, много было лжи и клеветы на Кавказскій Красный Крестъ, которую мнѣ удалось въ своихъ убѣжденіяхъ разсѣять. Виноватые тамъ, то-есть на Кавказѣ, есть, и виноватые въ томъ, что не во время пришла помочь раненымъ, и не

во время подумали о зимѣ, но это *не Красный Крестъ*, а военно-медицинское вѣдомство. Красный Крестъ поставилъ себя въ положеніе спрашивавшаго у военно-медицинского вѣдомства: что вамъ нужно, мы вамъ дадимъ, и посредника между жертвователями, московскимъ складомъ и Центральнымъ Управленіемъ въ Петербургѣ и военными госпиталями. Не его вина, что сперва ему госпитальное вѣдомство отвѣтило, что ничего ему не нужно, а потомъ уже, мало-по-малу открывая съ какою-то неохотою свои нужды, все-таки опоздало и подумало о зимѣ, когда настала осень.

Даже болѣе того: много присматривавшись къ дѣятельности Краснаго Креста на Кавказѣ и много слышавши и читавши о дѣятельности Краснаго Креста на Дунай и въ тылу нашей арміи въ Румыніи, я позволяю себѣ находить, что первая, то-есть дѣятельность Краснаго Креста на Кавказѣ, практическѣе и цѣлесообразнѣе второй; вотъ почему: она стоитъ несравненно дешевле, не задавшись устройствомъ и содержаніемъ госпиталей, а ограничивалась лишь помощью военнымъ госпиталямъ. Я увѣренъ, что послѣ войны всѣ придуть къ признанію этого рода дѣятельности единствено обязательною для Краснаго Креста. Задавшись устройствомъ госпиталей и содержаніемъ ихъ, по

бюджетамъ, ничѣмъ не стѣсняемыи, Красный Крестъ во многихъ госпиталяхъ доходилъ до баснословныхъ цифръ 1, 2 и 3 рублей въ день на человѣка; военное-же вѣдомство издерживаетъ 40 коп. на человѣка. Такъ-какъ на долю Краснаго Креста все-таки приходилась меньшая часть госпиталей, то изъ этого выходила огромная разница между содержаниемъ большей части и меньшей части раненыхъ и больныхъ, то-есть несправедливость относительно вторыхъ.

На содержаніеничѣмъ нестѣсненныхъ въ бюджетъ госпиталей Краснаго Креста, можно навѣрное сказать, ушло столько денегъ, что на капиталъ излишковъ его противъ военно-госпитальной смыты можно было-бы снабдить *все* количество раненыхъ теплыми одеждами и перевозочными средствами на обоихъ театрахъ войны. Самымъ разительнымъ тому доказательствомъ служить на томъ-же Кавказѣ одинъ въ своемъ родѣ госпиталь Краснаго Креста на 100 раненыхъ. Пока 7,000 раненыхъ стоять съ казенными деньгами и съ помощью Краснаго Креста около 70 коп. въ день, каждый изъ ста раненыхъ въ госпиталѣ Краснаго Креста стоять три рубля въ день.

Второе впечатлѣніе читатель, можетъ быть, найдетъ оригинальнымъ, но оно вѣрно. Я нашелъ

на Кавказѣ, сравнительно съ міромъ, въ которомъ привыкъ вращаться въ Петербургѣ, несравненно большій процентъ крупныхъ, цѣльныхъ и умныхъ личностей. Здѣсь въ Петербургѣ меня всегда поражало малокровье, блѣдность, безодержательность, духовное, такъ сказать, худосочие личностей, и Кавказъ я видѣлъ не мало личностей, воспитанныхъ школою, серьозною жизненною школою, въ особенности, разумѣется, въ военномъ мірѣ, которые съ первого же взгляда поражаютъ васъ свою положительностью, своею цѣльностью, дѣльностью и, такъ сказать, богатствомъ внутренняго содерянія. Они не висятъ въ воздухѣ на какихъ-то бумажныхъ эшафодахъ, они не держатся ни за чьи юбки, они не созданы никакими фуксами, они достигли мѣста и значенія своими собственными трудами и держатся на нихъ своими собственными заслугами. Лорисъ-Меликовъ, Шелковниковъ, Комаровъ, Алхазовъ, Лазаревъ, Шереметевъ, Гейманъ, Тергукасовъ, Чавчавадзе, Рербергъ,—все это личности, при встрѣчѣ съ которыми вамъ не можетъ прити въ голову спросить: отчего они стоятъ высоко и выше другихъ; вы понимаете это, и вы удовлетворены, такъ сказать, ихъ внутреннимъ содеряніемъ.

Третье впечатлѣніе — это благоговѣйное вос-

поминаніе о личности Великаго Князя. Въ нашъ холодный, безпринципный и истребляющей такъ легкомысленно преданія старины вѣкъ, встрѣтить такъ высоко личность, глубоко вѣрующуя, чистую и высоконравственную, любящую правду и добро, солдата, по строгости къ самому себѣ и къ долгу незнающую, что такое личное самолюбіе и личныя дурныя чувства, незнающую, что значитъ себя цѣнить и свои заслуги ставить выше другихъ, и, наконецъ, такъ горячо и такъ всецѣло любящую Россію и солдата—встрѣтить, говорю я, такую личность—производить какое-то ободряющее и освѣжающее дѣйствіе. Все хотящее добра получаетъ отголосокъ въ душѣ Великаго Князя, и тяжелую отвѣтственность передъ Богомъ и Россіею несутъ тѣ личности, которыя принимаютъ на себя быть тѣнями этой свѣтлой личности, быть злыми геніями этого бѣднаго Кавказа!

Наконецъ, послѣднее и главное впечатлѣніе — это еще болѣе усилившееся и просвѣтившееся обожаніе къ нашему солдату-герою и страдальцу. Я его видѣлъ героемъ, я его видѣлъ страдальцемъ. Въ обоихъ случаяхъ съ слезами, вырывавшимися неудержимо изъ груди, я чувствовалъ, что долженъ передъ этимъ братомъ своимъ, этимъ сыномъ плоти и духа нашего чуднаго народа —

становиться на колѣни, за то, что онъ прекрасно дѣлаеть то, къ чему мы, образованные люди, ставящіе себя выше, стремимся доходить путемъ сложнаго образованія, и все-таки дѣлаемъ такъ дурно: любить ближняго и исполнять свой долгъ! Да благословитъ Богъ каждого нашего солдата,— вотъ та молитва, которую ежеминутно мы, русские, должны возносить къ Богу, ибо Онъ—наша сила и наше нравственное утѣшеніе!

Чѣмъ-же должны мы ему выказывать нашу благодарность и проявлять наше благословеніе?

Чѣмъ, какъ не жертвами, жертвами и жертвами для раненыхъ, больныхъ, неспособныхъ, возвращающихся домой, семействъ убитыхъ и призрѣнія сиротъ! Больше, больше, больше надо жертвовать! Мы ниже, гораздо ниже стоимъ—своими жертвами, временными и вещественными—тѣхъ, которые жертвуютъ за нась самыемъ для нихъ дорогимъ: жизнью и здоровьемъ!

Собираясь на Дунай въ началѣ будущаго года, умоляю тѣхъ читателей, которые меня удостоили сочувствія и довѣрія, взять и просьбѣ моей—еще разъ удостоить меня быть носителемъ къ одру раненаго ихъ святыхъ приношеній. Подумайте, что праздники настаютъ, а тамъ, на Балканахъ, что!?

Кн. В. Мещерскій.

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
Понедѣльникъ, 3 октября, Рязанская желѣзная дорога.	1
Вторникъ, вечеръ, между Воронежемъ и Ростовомъ, 4 октября.	7
Среда, вечеръ, между Ростовомъ и Владикавказомъ.	10
Владикавказъ, 6 октября, вечеръ.	14
Владикавказъ, 7 октября	21
Владикавказъ, суббота, 8 октября	28
Воскресенье, 9 октября, Владикавказъ	30
Ночь съ понедѣльника на вторникъ, ст. Млеты на Военпо-Грузинской дорогѣ	33
Тифлисъ вторникъ, 11 октября	43
Среда, 12 октября, Тифлисъ	49
Четвергъ, 13 октября	55
Пятница, 14 октября, вечеромъ	60
Суббота, 15 октября.	73
Воскресенье, 16 октября, Тифлисъ	80
Понедѣльникъ, 17 октября, Тифлисъ.	89
Вторникъ, 18 октября.	98
Среда, 19 октября, Тифлисъ	103
Тифлисъ, Четвергъ, 20 октября	109
Пятница, 21 октября Тифлисъ.	118
Суббота, 22 Тифлисъ	120

	стр.
Воскреенъе, 23 октября Тифлисъ	125
Тифлисъ, понедѣльникъ. 24 октября.	135
Вторникъ, 25 октября.	139
Среда, 26 октября, Делижанъ.	144
Четвергъ, 27, Александрополь.	149
Пятница, 28 октября. Александрополь	155
Александровъ, 29 октября, суббота.	160
Александровъ, 30 октября, воскресенье	165
Александровъ, 31 октября, понедѣльникъ.	170
Александровъ, 1 ноября, вторникъ.	181
Александровъ, 2 ноября, среда.	185
Александровъ, 3 ноября, четвергъ	191
Александровъ, 4 ноября, пятница	202
Александровъ, 5 ноября, суббота, утромъ.	211
Визинкевъ, подъ Карсомъ, ночь съ 5 на 6 ноября, ря, 11 часовъ вечера	219
Ардостъ, селеніе подъ Карсомъ, 6 ноября, во- скресенье	241
Ардостъ, 7 ноября, понедѣльникъ.	274
Веранъ-Кале, 8 ноября въ Главной Квартирѣ . .	299
Веранъ-Кала, 9 ноября.	323
Карсъ, 10 ноября, четвергъ	329
Карсъ, 11 ноября.	344
Приложеніе къ моему дневнику	357

